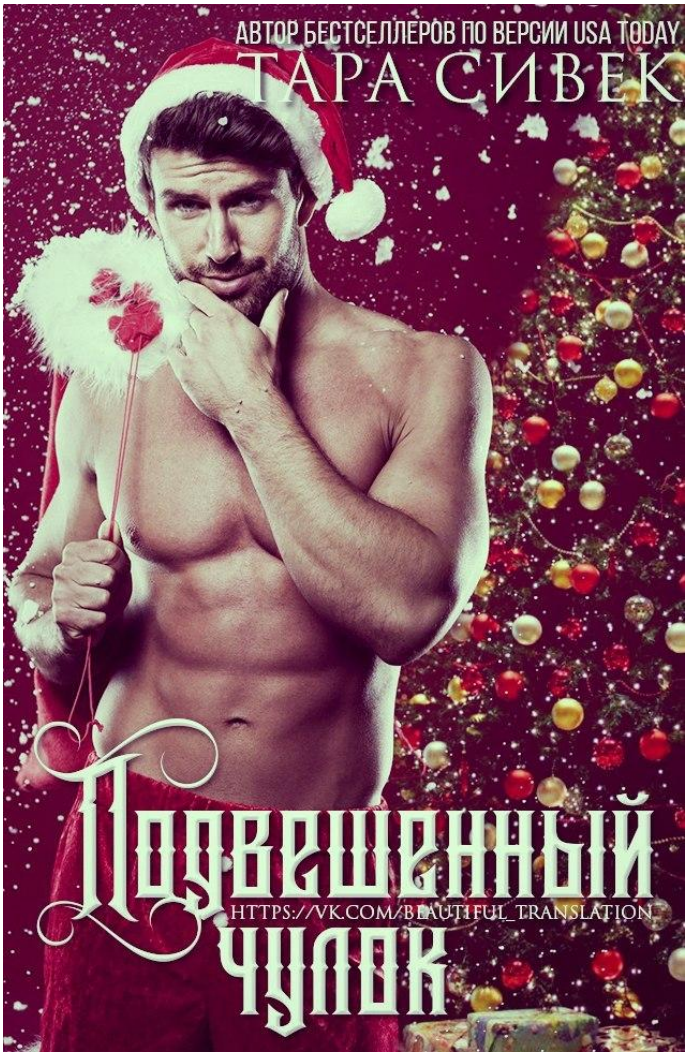
«Подвешенный чулок»
Тара Сивек
«Праздничная серия» #1



Над книгой поработали:
переводчица – *Алина Соколова ,*
редакторы – *Арина Григорьева (1-8 главы) и Алена Михайлова (с 9-й главы).*
все это вычитала – *Марина Корякина*

Обложка – *Мария Гридина*
Оформление – *Наталия Павлова*

Перевод группы - https://vk.com/beautiful_translation

Аннотация:

Что происходит, когда в рождественскую неделю твоя жизнь катится к чертям? Чтобы отвлечь свою сумасшедшую семью от правды, ты приглашаешь к себе домой сексуального моряка, которого встретила в баре аэропорта.
Умная тётка, гиперопекающие и любопытные мать и отец, обеспокоенные качеством Эгг-нога дочери — нет шансов на то, что у Сэма и Ноэл будет время влюбиться… или есть?*

*Эгг-ног — (англ. *eggnog, egg-nog*) сладкий напиток на основе сырых куриных яиц и молока. Популярен в США и Канаде, странах Южной и Центральной Америки, Европе. Является традиционным рождественским напитком.

Глава 1

Ноэл

— Дай ему трубку, Ноэл. Я просто хочу поздороваться с моим будущим зятем.

Закатываю глаза и показываю бармену на пустой стакан, пока мама пытается надавить на моё чувство вины.

— Моя малышка застряла в аэропорту, в незнакомом и опасном городе. Разве я много прошу, просто поговорить с мужчиной, который сопровождает её, чтобы убедиться, что он о ней позаботится? — спрашивает она.

— Мам, я в Чикаго, а не в Афганистане, — со вздохом напоминаю я. Официантка мчится ко мне и наполняет мой стакан разливным пивом. Она видит моё несчастное выражение лица и знает: я в двух секундах от того, чтобы разнести весь бар, если мой организм не получит ещё выпивки. Мне следовало проигнорировать звонок матери и продолжить запивать свои проблемы, но если бы я продолжила игнорировать её после десяти пропущенных звонков, шести голосовых и четырёх текстовых сообщений, она бы позвонила в полицию.

— Как бы то ни было, — вздыхает она, — дай ему трубку.

Поморщившись, подношу вкусный, холодный напиток к губам и выпиваю половину. Вместо того чтобы врать каждый раз, когда она звонит, нужно было сказать ей правду два дня назад, когда всё полетело к чертям. Нужно сейчас всё рассказать и покончить с этим, вместо того, чтобы сделать это лично, когда я увижу разочарование на её лице.

— И только не говори мне, что он снова в ванной. Он там, каждый раз, когда я звоню, — жалуется она.

Её слова вызывают чувство вины, стремительно возвращаются страх с печалью и пиво идёт не в то горло, я задыхаюсь, мои глаза наполняются слезами, пока я кашляю и пытаюсь дышать.

— Погоди-ка, у него проблемы с недержанием? Вот почему он так много времени проводит в ванной? — беспокойно спрашивает мама, я держу трубку подальше от моего сухого кашля, чтобы она не подумала, что я умираю, и позвонила в 911. — Ты должна позвонить доктору насчёт этого. Это может быть серьёзно.

Откашлявшись, я осматриваю маленький бар аэропорта и других одиноких путешественников, застрявших в О`Хара из-за снега. Разноцветные гирлянды свисают с потолка, из динамиков льются мягкие звуки рождественских песен, которые должны делать меня счастливой, но они, напротив, заставляют меня чувствовать себя подавленным эмо. Сейчас Рождество, а я безработная, бездомная, и слишком трусливая, чтобы сказать своей матери о том, что парень, с которым я была двенадцать месяцев, встал на колено, чтобы сделать мне предложение, а я испугалась и убежала, потому что… это обязательства. Может ли всё быть ещё хуже?

— Я дам тебе номер уролога твоего отца. Его зовут доктор Уринстан, он потрясающий, — говорит моя мать, вырывая меня из моей жалости к себе.

— Уролога отца на самом деле зовут доктор Уринстан? Скажи, что это шутка, — умоляю я, пытаясь отвлечь её от разговора о моём парне, путешествующим со мной, который больше не мой парень и не путешествует со мной. Почему я просто не рассказала ей правду вчера, когда она звонила и спрашивала, что предпочитает Логан, кукурузу или зелёную фасоль?

Наверное потому, что она не дала мне слова вставить и минут пять говорила без остановки о том, как я разбила её сердце тем, что не смогу приехать на Рождество, и то, что я наконец-то смогла взять с собой мужчину — сдерживает её от рыданий и даёт спать по ночам.

Добро пожаловать в город вины, население: моя мать.

Не осуждайте меня. Попробуйте объяснить своей матери, что когда твой парень встаёт на колено с вельветовой коробочкой в руке, ты думаешь только о том, как стоишь босиком на кухне, беременная, удовлетворяешь все его потребности, вместо того, что быть сильной, независимой женщиной. Знаю, уже не 1950-е и я вполне уверена в том, что Логан не ждал, что я надену платье и жемчуга, чтобы каждый вечер в фартуке подавать ему мартини по возвращении с работы, но всё же. Это не простая задача, позвольте сказать вам.

— У меня однажды был гинеколог, которого звали доктор Пуссифут, — размышляет моя мать. — Очаровательная женщина, очень нежные руки.

Я с отвращением всплескиваю рукой, забыв, что в ней стакан пива и вся янтарная жидкость выливается куда-то за меня.

— СУКИН СЫН! — кричит злой басистый голос.

Я вздрагиваю, понимая, что облила кого-то пивом, и быстро прерываю свою мать, до того, как она поведает мне интимные подробности о её последнем анализе.

— Мам, мне нужно идти. Я позвоню тебе, когда узнаю статус полёта, — торопливо объясняю я и ставлю пустой стакан на барную стойку.

— Замечательно. Просто замечательно. Выглядит так, словно я обмочился, — восклицает мужчина позади меня.

— О Боже, — раздаётся обеспокоенный голос моей матери. — Я звоню доктору Уринстан, прямо сейчас. Поблагодаришь позже.

Она отключается прежде, чем я успеваю что-то сказать. Со вздохом, я убираю телефон в сумку, лежащую у меня на коленях, и начинаю рыться в поисках салфеток, которые остались после раннего обеда.

— Подождите, у меня где-то есть салфетки, — бормочу я, копошась в бардаке на дне сумки, слишком измотанная, чтобы понять, что прямо передо мной лежит стопка барных салфеток.

— Не беспокойтесь. Вы сделали достаточно, — бормочет глубокий, хриплый голос.

Его слова заставляют меня забыть о вине из-за вранья матери и о печали, о том, что ещё одни отношения разрушены из-за страха перед браком.

— Слушай, приятель, сейчас праздники и все несчастны, — сердито бросаю я, продолжая поиски. — Это произошло случайно. У меня самая хреновая неделя в жизни, о чём, я уверена, ты и не подозреваешь, так что, будь любезен, вытащи палку из задницы.

Я, наконец, нащупываю смятые салфетки и вытаскиваю их с победным криком, поворачиваясь на стуле, чтобы встретиться с придурком.

— Эврика! Нашла салфет… ки… — заикаюсь я, способность логически мыслить рассеивается, когда я встречаюсь лицом к лицу с мужчиной, которому принадлежит разозлённый голос. Серо-голубые глаза, обрамлённые длинными, тёмными ресницами. Точёное лицо с ямочками на обеих щеках. И… о чёрт, военная форма.

— Итак, всё это «Ты ничего не знаешь о хреновой неделе», — говорю я, с сияющей улыбкой и сую ему руку салфетки. — Могу я предположить, что вы направляетесь домой после рождественской костюмированной вечеринки?

Он выхватывает смятый комок салфеток из моих рук и начинает вытирать мокрое пятно на промежности своих военных брюк, моя надежда умирает, когда он не поднимая глаз, грубо произносит:

— Конечно, если вы считаете вечеринкой возвращение домой, после восемнадцати месяцев в Кабуле.

Только одна вещь. Разве это так много, попросить, чтобы хоть ОДНА ВЕЩЬ пошла в моей жизни правильно?

— Тогда ладно, давай просто согласимся с тем, что ты победил в раунде у кого дерьмовее неделя? Или месяц, — отвечаю я, когда он бросает использованные салфетки на барную стойку рядом со мной.

Закрыв глаза, он вздыхает и проводит одной рукой по коротким, тёмно-коричневым волосам. Я понимаю, что он закончил этот разговор с сумасшедшей женщиной, которая только что пролила полстакана пива на его штаны, поэтому разворачиваюсь обратно к бару. Краем глаза я замечаю, как он хватает камуфляжный рюкзак из-под моих ног, который должно быть уронил, когда я окатила его выпивкой. Я слышу сердитый топот его ботинок и выбрасываю короткий, печальный разговор из головы и думаю о более счастливых вещах. О том, как меня уволили с работы в маленьком издательстве из-за медленных продаж. И как по возвращению после праздников, я буду вынуждена сказать Логану тошнотворное клише, «Дело не в тебе, а во мне», в то время, пока он неловко наблюдает, как я вытаскиваю своё дерьмо из квартиры. Мне не следовало переезжать к нему, через месяц после начала отношений.

Я должна была понять, что он прилипала, когда он охотно предложил мне ящик в ванной и половину шкафа. Пытаясь отвлечь себя от унижения, я вытаскиваю телефон из сумки и сразу жалею об этом, когда вижу сообщение от матери, с подтверждением о том, что уролог назначен на среду в десять.

— Повторить?

Бросая взгляд из-за телефона, я открываю рот, чтобы ответить официантке, но быстро останавливаюсь, когда «солдат Джон» возвращается и падает на соседний стул со словами:

— Мы возьмём два, без разницы чего, что пила леди, — заявляет он, не смотря в мою сторону.

— Два Goose IPA на подходе, — говорит она с улыбкой, затем поворачивается и уходит.

Военный, наконец, поворачивает голову в мою сторону и шокировано поднимает бровь.

— Goose IPA? Хороший выбор.

Он впечатлён и мне это нравится, несмотря на то, что мне ничего не должно в нём нравиться, потому что он повёл себя как мудак, во время маленького происшествия. Полуулыбка на его лице, гораздо лучше того хмурого выражения секунду назад и всё же, я понимаю, что сижу здесь и с открытым ртом пялюсь на него, как идиотка.

Оторвав взгляд от его лица, я понимаю, что он больше не в форме. Он переоделся в джинсы и футболку с длинным рукавом, которая сочетается с уникальным оттенком его серо-голубых глаз. Не знаю, может ли кто-либо выглядеть лучше мужчины в форме, но этот парень выглядит. Даже в джинсах и футболке он очень аппетитный. Пока он опускает свой рюкзак с колен на пол, я замечаю белую нашивку на переднем кармашке с надписью «Сокс».

— Тебя и правда зовут Сокс? — спрашиваю я, указывая на нашивку, и он вопросительно смотрит на меня.

Если бы помимо рождественских гирлянд, тут было бы побольше света, то я могла бы поклясться, что его щёки покрылись румянцем.

— О нет, — тихо выдыхает он, ставит рюкзак на пол, берёт пиво, которое бармен только что поставила перед ним и делает большой глоток.

Не сводя с него глаз, я вслепую тянусь к своему стакану и беру напиток, ожидая продолжения. Сначала он молчит, но это нормально. Я могу подождать. Я не понимаю, почему он сел рядом со мной после того, как я облила его пивом и оскорбила. Слегка опьянев, я уже не чувствую такой ненависти к рождественской музыке. Разговор с горячим парнем, лучший способ скоротать время в ожидании стыковочного рейса, вместо

того, чтобы думать о разочаровании моей матери, когда расскажу ей всю правду, что придётся искать новую работу, и где, чёрт возьми, я собираюсь жить, когда вернусь в Сиэтл после Рождества.

Я позволяю тишине растянуться достаточно, для того, чтобы она стала жуткой и неудобной. Через несколько минут, мой объект, наконец, нарушает тишину, трясёт головой и поворачивается ко мне лицом.

— Ладно, я скажу своё имя, но если ты засмеёшься, то на этот раз я выплесну на тебя пиво, — предупреждает он. Я перекрещиваю сердце и, подняв ладонь, держу её в молчаливом обещании.

— Стокинг… Сэм Стокинг[1], — бормочет он, выпуская ещё один раздражённый вздох.

Я медленно опускаю руку, и челюсть отвисает вместе с ней.

— Стокинг. Как в…

Сэм сжимает губы и смотрит на меня.

— Как «подвешен на камине с заботой», да. Для меня это очень весёлое время года.

Это заявление не соответствует его хмурому выражению лица, и, несмотря на то, что я обещала, я очень хочу засмеяться, но не по той причине, по которой он возможно думает.

— Вперёд, забери своё обещание и смейся. Знаю, ты хочешь.

Чтобы у меня не вырвался смешок, я закусываю губу и глубоко вдохнув, делаю самое серьёзное выражение лица, которое только могу.

— Я не собираюсь смеяться. Это не смешно. Мне, честно говоря, жаль тебя, — торжественно заявляю я.

— Думаю, я бы предпочёл, чтобы ты засмеялась, — бормочет он.

Глядя на его раздражённое выражение, я больше не могу сдерживаться и смеюсь. Я искренне улыбаюсь и протягиваю ему руку.

— Приятно познакомится, Сэм Стокинг. Я Холидэй. Ноэл Холидэй[2]. И это время года может отсосать.

На его сердитом лице, наконец, появляется улыбка, освещая поразительные черты. Когда на его щеках появляются ямочки и раздаётся хриплый звук его смеха, в моём животе начинают порхать бабочки. Эти чёртовы бабочки начинают носиться как ураган, когда его большая, тёплая рука поглощает и трясёт мою маленькую и холодную.

— Приятно познакомится, Ноэл Холидэй, — отпустив мою руку, он поднимает свой стакан и наклоняется ко мне. — Тост, чтобы оно отсосало.

Последнюю часть он говорит мягко и его взгляд опускается к моим губам. Внезапный порыв похоти обрушивается на меня, когда я представляю, как бы это было, его рот на моём.

Какого чёрта я делаю? Я должна грустить с разбитым сердцем, страшиться момента, когда постучусь в дверь родителей и буду объяснять свою дерьмовую жизнь и то, как снова их подвела. Я не должна фантазировать о каком-то незнакомце, которого только что встретила в баре аэропорта, и которого больше никогда не увижу.

Сэм наклоняется ближе, и я чувствую аромат его парфюма. Он древесный и лёгкий, не слишком интенсивный, но этого достаточно, чтобы пощекотать нос и наполнить ум грязными мыслями. Моё тело бессознательно движется к нему навстречу, и я смотрю ему в глаза, пока его взгляд остаётся приклеенным к моим губам.

Он мягко чокается нашими станами и кокетливо поднимает бровь.

---

1 Стокинг (анг. Stocking) — чулок.

2 Холидэй (анг. Holiday) — праздник.

— Чтобы отсосало.

С его лица не сходит игривое выражение, пока стакан не касается его губ, и я заворожено наблюдаю, как движется его горло, когда он делает глоток.

— Чтобы отсосало, — шепчу я и, не моргая, пью своё пиво.

Глава 2

Сэм

— Судя по рассказам, твоя семья идеальная и весело проводит праздники. Ты права, твоя жизнь отстой, — притворно усмехаюсь я.

Она раздражённо поджимает губы, и когда я впервые подумал о том, что она чертовки прелестна, я знал, мне нужно потрахаться. Чертовки быстро. Восемнадцать месяцев без женщины, слишком долго. Успокоившись после того, как мою промежность облили пивом, я взглянул на виновника, затем посмотрел ещё раз и пожалел о том, что был таким мудаком. От её длинных, тёмно-рыжих волос, фарфоровой кожи, зеленых глаз и раздражённого поведения, я едва ли не мастурбировал в уборной, когда переодевался в джинсы и футболку. Я не из тех людей, которые сидят в баре и треплются с незнакомцами, неважно сексуальная женщина или нет, но я почувствовал себя обязанным сделать что-то, чтобы искупить вину за мою поганую реакцию на наше маленькое происшествие. Я сижу здесь с Ноэл, и смотрю на её пухлые, красные губы, пока она говорит, стараясь не подавать виду, что мои глаза всё время блуждают по её выдающемуся декольте. Я понимаю, что, возможно, это лучшее решение из всех, которые я когда-либо принимал.

— Идеальная с натяжкой, — отвечает Ноэл, отказывая бармену, когда она спрашивает, нужна ли нам ещё выпивка. — Раздражающие, вмешивающиеся, громкие, неуместные… эти слова больше подходят для их описания. Думаю, они хотят, что бы всё было хорошо. Но всё, что я делаю, никогда не бывает достаточно.

Я выпиваю остатки пива и молча отталкиваю пустой стакан. Всё, что мне известно о семьях и их поведении, по большей части, я почерпнул из фильмов и программ на ТВ. У меня нет совета о семье, сумасшедшей или ещё какой-либо, который я мог бы дать Ноэл, но я знаю людей и могу помочь в этом. Кроме того, разговор заглушают грёбанные надоедливые рождественские песни, играющие в аудиосистеме аэропорта. Если я ещё, хоть один чёртов раз услышу «Ослик Доминик» я кого-нибудь покалечу.

— Не твоя вина, что твой парень раньше времени сделал предложение, — пожимаю я плечами.

— Попытался сделать предложение, — поправляет она меня. — Он успел сказать «Станешь ли ты» до того, как я в ужасе начала кричать, вопрошая о том, какого чёрта он делает. Потом я выбежала из квартиры и больше не возвращалась.

Несмотря на то, что я только что её встретил, и мы болтаем всего полчаса, я могу нарисовать полную картину, включая паническое выражение на лице Ноэл, когда её тупица-парень попытался задать вопрос.

— Всё равно это не твоя вина, ты сказала, что несколько раз говорила ему о том, что брак пугает тебя, и ты не уверена в том, что когда-либо захочешь это сделать, — я повторяю её слова. — Парень должен был понять, что это не лучшее решение.

— Моя мать не поймёт, — вздыхает Ноэл и поворачивается ко мне на барном стуле. Её колени слегка касаются моих бёдер, и от этого маленького прикосновения мой член твердеет, мне очень нужно трахнуться, но сейчас, моя голова борется с членом. Секса, с первой встречной, не будет. У меня странное чувство, что когда мы с Ноэл расстанемся, я не смогу выбросить её из головы. Я хочу её подо мной, на мне, стонущей моё имя и царапающей ногтями мою спину. Но это не всё. И эта часть приводит в замешательство. Я мог бы целыми днями слушать её сексуальный, хриплый голос, её улыбка заразительна, я ловлю себя на том, что уголок моего рта поднимается каждый раз, когда она смеётся и её аромат… матерь Божья. Каждый раз, когда она наклоняется ко мне, я глубоко вдыхаю, как чёртово животное, чтобы задержать этот аромат корицы и ванили, как можно дольше. Она

пахнет Рождеством, что должно выводить меня из себя, но этого не происходит. Понятия не имею, какого хрена творится. Я знаю эту женщину всего тридцать минут, а она уже запала мне в душу.

К счастью, она продолжает говорить, давая мне секунду, чтобы взять под контроль свой член и мозг, пока я не сделал что-то глупое, вроде того, чтобы попросить её забыть о планах на праздники и поехать ко мне домой.

— Так или иначе, это будет моей виной. Моя семья всё перевернёт и почему они не должны? На протяжении последних двенадцати месяцев, я делала из Логана потрясающего парня, то есть он и был потрясающим, просто бестолковым, — со вздохом поясняет она, разрывая салфетку на мелкие кусочки. — Другие отношения я тоже превращала в дерьмо, а эти не могли быть другими, несмотря на то, что сама их разорвала. Они никогда не понимали мою ненависть к браку. Они найдут способ повернуть всё так, что это я была недостаточно внимательна, недостаточно романтична, недостаточно сексуальна…

Она шепчет последнюю часть и отводит взгляд.

Я наклоняюсь до тех пор, пока не оказываюсь в сантиметре от лица Ноэл и пристально смотрю на неё, выжидая, когда она поднимет взгляд и наши глаза снова встретятся.

— Я абсолютно уверен, что не бывает моментов, когда ты не сексуальна.

Она удивлённо открывает рот, и мой взгляд снова опускается к её губам. Она медленно пробегает кончиком языка по своим пухлым, красным губам, как будто знает, что я изголодался по сексу и в двух секундах от того, чтобы кончить в штаны.

Именно в этот момент, тихие, раздражающие нотки вступления самой ужасной песни в истории нарушают тишину, и Ноэл смеётся, когда я начинаю рычать и раздражённо трясу головой. Отодвигаясь от неё на безопасное расстояние, я проклинаю ослика, мать его, Доминика.

— А твоя семья? — вдруг спрашивает Ноэл, её колено всё ещё касается моего. Она ставит локоть на край барной стойки и прижимает щёку к ладони, ожидая ответа. — Уверена, в них есть что-то сумасшедшее. Не говори, что только мне досталось такое.

Злобно улыбаясь от выбора слов, я вижу, как её щёки краснеют от смущения.

— Я имею в виду, досталось хорошее, — быстро добавляет она, и я не могу сдержать смех. — Перестань смеяться, до меня дошёл смысл слов только после того, как они слетели с моего языка. Ты понял, о чём я. Валяй.

Я бы предпочёл поговорить о том, что досталось ей хорошего, но всё равно.

— Прости, что убиваю твою мечту, но ты выигрываешь раунд с сумасшедшей семейкой, потому что у меня её нет.

— У всех есть семья, — отвечает она.

— Не у меня, — пожимаю я плечами. — Я рос по-другому. Мотался по приютам до восемнадцати лет, а потом присоединился к армии.

Ненавижу выражение жалости на её лице. Поэтому я не очень общительный и мне до сих пор интересно, зачем я подсел к ней тридцать минут назад и не могу уйти.

— Хорошо, но ведь у тебя есть друзья, верно? — мягко спрашивает она.

— Люди из моего отряда в морской пехоте. Они мои друзья.

Ноэл усмехается и трясёт головой.

— Они твои напарники. Я говорю о людях, которым ты звонишь посреди ночи, чтобы занять денег или о тот, кто подержит твои волосы после ночной пьянки, или жалуешься на парня, который игнорирует твои слова на протяжении года и выслушает дерьмо у тебя на сердце.

Я приподнимаю одну бровь и вопросительно смотрю на неё.

— Образно говоря, конечно, — добавляет она.

— У меня есть золотая рыбка по имени Тор. Но не думаю, что он сможет подержать мои волосы. И если он соберёт дерьмо с моего сердца, я просто спущу его в унитаз, — сообщаю я.

— Полагаю, золотая рыбка — это хорошее начало, — она пожимает плечами. — Тебе, наверное, нужно поработать над тем, чтобы найти людей, с которыми ты сможешь поговорить.

— Меня не бывает дома, так в чём смысл? Мне тридцать пять лет хорошо одному, — говорю я. — Кстати, золотая рыбка может прожить без еды восемнадцать месяцев?

Ноэл что-то ворчит, и я понимаю, что сидеть здесь и злить её, это самое весёлое занятие за долгое время.

— Наверное, нет, — говорит она. — Ты не попросил соседа или кого-нибудь кормить его? Погоди, дай угадаю. У тебя и соседей тоже нет?

Я смеюсь, когда она закатывает глаза.

— Соседей нет. Я живу один на территории в десять акров. Мои ближайшие соседи Амиши[3]. Если бы я дал им ключ от своего дома, они наверняка не одобрили бы мою коллекцию порно.

У неё снова отвисает челюсть и как пару минут назад, мой взгляд устремляется к её губам. Я задаюсь вопросом, будет ли она против поцеловать незнакомого мужчину, которого только что встретила в аэропорту. А если нет, то не будет ли она против трахнуться с незнакомцем в туалете.

— Погоди, Амиши? — спрашивает она, разрушая мои мысли о том, как я наклоняю её над раковиной. — Мои родители тоже живут рядом с ними. Ты из Огайо?

— Да. Всю жизнь там прожил, — подтверждаю я.

— Иисус. Поговорим о совпадении, — улыбается она. — У нас, должно быть, один рейс.

— На три часа в Кливленд? — шокировано спрашиваю я.

Она кивает.

— Ну, предполагалось, что в три часа. Сколько сейчас времени?

Я вытаскиваю телефон из кармана и вижу, что сейчас почти семь вечера. Я открываю рот, чтобы сказать ей об этом, но мой телефон жужжит о входящем сообщении.

— Взгляни-ка сюда? — задумываюсь я, касаясь экрана. — Нас приглашают на посадку у выхода С7.

Мы с Ноэл собираем наши вещи и несколько минут спорим о том, кто оплатит счёт. Я молниеносно выхватываю чек из руки бармена и достаю кошелёк из заднего кармана, пока она смотрит на меня самым дьявольски очаровательным взглядом.

Я солдат морской пехоты, чёрт возьми. Мы не используем слово «очаровательный» и всё же, я продолжаю это делать с Ноэл. Мне нужна интервенция.

Бросив наличные на барную стойку, я неловко киваю бармену, когда она желает мне счастливого Рождества, и игнорирую вопросительный взгляд Ноэл, не дав бармену традиционный ответ. Я не хочу разрушать проведённое время с Ноэл, объясняя ей, как глупо разбрасываться словами, которые ничего не значат. Я по-джентльменски предлагаю Ноэл свой локоть, и когда она проскальзывает своей маленькой рукой в сгиб моей руки, мы направляемся к нашему выходу, наслаждаясь последними совместными минутами, так как я уверен, мы не будем сидеть вместе.

---

3 Ámиши, они же аманиты или аммaниты — религиозное движение, зародившееся как самое консервативное направление в меннонитстве и затем ставшее отдельной протестантской религиозной деноминацией.

***

Когда самолёт приземляется, я смотрю на крепко спящую на моём плече Ноэл. Голос пилота из динамиков будит её, и резко вскинув голову, она смотрит на меня.

— Прости, о, Боже мой, не могу поверить, что я уснула, — бормочет она, и, наклонившись, хватает свою сумочку, которую положила под сиденье.

Не знаю, какого хрена со мной происходит, но чем ближе наша разлука, тем сильнее я тревожусь. Я только что встретил эту женщину, и не готов прощаться. Весь полёт она пускала слюни на моё плечо и бормотала во сне, но ей было тепло и комфортно прижиматься к моему телу. Мы едва знакомы, но наш разговор в О`Харе заставил меня забыть о моей ненависти к этому времени года. Она заставила меня улыбаться и смеяться.

Я даже не расстроился, когда она уснула вскоре после взлёта, и убила мой шанс вступить в клуб любителей авиасекса. Я просто радовался тому, что самолёт не был заполнен, и мы сумели убедить бортпроводника позволить нам сесть рядом.

Когда самолёт окончательно останавливается, мы встаём, и я делаю жест рукой, приглашая её пройти вперёд. Она улыбается и идёт впереди меня, открывая замечательный вид на её задницу, пока мы покидаем самолёт. Выйдя в коридор, мы молча идём бок о бок к выходу. Мы останавливаемся, и я протягиваю руку, чтобы попрощаться, вместо того, чтобы затащить её в ближайшую уборную и сорвать одежду. Я улыбаюсь и киваю, когда её рука скользит в мою.

— Было приятно познакомиться, Ноэл Холлидэй, — честно говорю я.

Она ничего не говорит и мне интересно, может, я неправильно понял тот огонь её глазах, который видел ранее в баре. В конце концов, я никогда её больше не увижу и не так уж важно, если выставлю себя дураком. Я вернусь в пустой дом, посреди чёрти чего и лягу спать до тех пор, пока это дерьмовое праздничное время не закончится, буду мастурбировать, пока руки не отвалятся, представляя, как она облизывает губы.

Я закидываю рюкзак на плечо, молча отпускаю её руку и направляюсь к зоне выдачи багажа. Я отхожу на несколько футов и слышу, как она зовёт меня.

— Сэм, подожди!

Я останавливаюсь и оборачиваюсь, скрещивая пальцы, может она всё-таки сжалится над моим членом, у которого был вынужденный перерыв на полтора года и поможет человеку. Она быстро движется через толпу ожидающую самолёт, с которого мы только что сошли и пробегает последние несколько футов до меня.

— Никто не должен проводить Рождество в одиночестве. Поедем ко мне домой. Не обещаю, что это не будет, по меньшей мере, катастрофой, но, в конце концов, ты поешь домашней еды и посмеёшься, скорее всего, за мой счет, — бессвязно говорит она.

Я не могу быть ещё более потрясён от слов, которые вылетают из её рта, если только она не попросила меня трахнуть её перед всем аэропортом.

— Прости, что? — с сомнением спрашиваю я.

— Индейка, картофельное пюре, соус, подливка, фарш, столько домашних печенек, сколько сможешь засунуть в рот, — быстро произносит она. — Разве это не лучше, чем вернуться в дом с мёртвой рыбкой, пустым холодильником и отсутствием порно из-за Амишей, которым наскучило взбивание масла и постройки ферм?

Я не трахался восемнадцать месяцев, это как десять лет, для возбуждённого человека и только по этой причине я сейчас обдумываю её предложение. Правда? То есть, я не серьёзно отношусь к её предложению, я просто хочу провести с ней больше времени, неважно раздеты мы или нет.

Дерьмо. Морские пехотинцы точно отзовут мою мужскую карту.

Не похоже на то, что у меня есть выбор похуже, чем адски заводная женщина, умоляющая пойти к ней домой. Несмотря на то, что я ненавижу Рождество, и всё, что с

ним связано, я знаю, это стоит того, чтобы побыть в компании этой женщины чуть дольше. И возможно, если мне повезёт, в какой-то момент будет обнажёнка.

— Хорошо, — слова вырываются из моего рта до того, как я могу остановить их или подумать ещё немного.

Ноэл выглядит шокированной моим ответом, так же как и я.

— Хорошо. Вау, это было просто, — смеётся она и, взяв меня за руку, толкает к багажной ленте. — Мм, есть одна вещь, которую тебе нужно сделать.

Глава 3

Ноэл

— Уверен, что всё запомнил? — нервно спрашиваю Сэма, когда такси останавливается у дома моих родителей.

Не могу поверить, что это происходит. Очевидно, что от стресса, я сошла с ума. Я пригласила незнакомца, с которым пропустила пару стаканчиков в баре аэропорта, поехать ко мне домой и познакомиться с моей семьёй. И притвориться другим человеком.

— Логан Мастерс, тридцать шесть лет, инвестиционный банкир из Сиэтла, тупица, который сделал тебе предложение, отлично зная, как сильно ты не хочешь выходить замуж, — выдаёт Сэм монотонным голосом факты о моём бывшем, которые я рассказала ему по пути с аэропорта и машина останавливается.

— За исключением части про тупицу. Думаю, ты понял.

Сэм пожимает плечами, пока я наклоняюсь, чтобы заплатить водителю.

— Он всё ещё тупица. Что делает меня тупицей, потому что *я* должен притворяться этим парнем, — объясняет он, закатывая глаза.

— Индейка, запеканка, картофельное пюре... — напоминаю ему. — Сосредоточься на цели, парень. Сосредоточься на цели.

Сэм облизывается, когда я упоминаю о еде, которой он будет объедаться в ближайшие дни, и внезапно кажется, что мы находимся в тропиках, а не в замёрзшем Огайо. Моя кожа вспыхивает и на лбу выступает испарина, кожа головы звенит под тяжестью волос, пока я пялюсь на сексуального парня сидящего рядом. Красавчик-незнакомец, которого я убедила провести Рождество в доме моих родителей и притвориться моим парнем, чтобы до окончания праздников мне не пришлось говорить правду своей семье.

Ага, я слетела с катушек.

— Мы можем поменять условия? Если я это сделаю, то моим призом должна стать ты, голая и кричащая моё имя, — подмигивая, сообщает он, пока я вслепую дотягиваюсь до сдачи, которую водитель передаёт мне через центральное окно.

— Ох, конечно. В доме моих родителей, пока мой отец будет расхаживать по дому посреди ночи в халате и чёрных носках. Пожалуйста, придумай что-нибудь ещё, — невозмутимо заявляю я, пытаясь остановить трепетание сердца, когда он упоминает меня, кричащую его имя.

Я выхожу из такси и придерживаю дверь для Сэма.

— Ладно, не крича. Как на счёт задыхаться и стонать? Тихо, конечно, — ухмыляется он и берёт наши сумки.

— Перестань смущать меня, — жалуюсь я, раздражённо пытаясь забрать у него свой чемодан, но он одёргивает руку и несёт сам.

С занятыми руками, он локтём закрывает дверь машины и поворачивается лицом к дому позади меня.

— Иисус, это что, ещё один аэропорт? — изумлённо спрашивает он.

Со вздохом я поворачиваюсь и вместе с ним смотрю на дом.

— Мой папа немного одержим гирляндами, — объясняю я, пока мы идём по заснеженной тропинке, рассматривая сверкающие гирлянды, фигурки и декорации, которые украшают каждый квадратный сантиметр дома и двора. Снег пошёл, когда мы были в нескольких милях от дома. Этот вид, вкупе с тишиной и сияющим домом передо мной, несмотря на то, что он яркий до боли в глазах, всё это очень красиво.

— Твой отец планирует посадить корабль НАСА на лужайке перед домом? — шокировано спрашивает Сэм, когда мы поднимаемся к парадному входу.

Каждый год, мой папа участвует в городском конкурсе на лучшее Рождественское освещение. Он выигрывал последние пять лет подряд, и, судя по тому, что всё это выглядит так, словно мы на Северном полюсе, он готовится к шестому году.

— Просто иди за мной. Если что-то забудешь, покашляй и я возьму всё на себя, — говорю я, когда мы подходим к крыльцу и тянусь к дверной ручке.

Я не успеваю дотянуться до ручки, как дверь распахивается и нас встречает очень высокая, шестидесятидвухлетняя женщина, с огромной копной красных волос, начёсанных в стиле 1960-х, и бокалом мартини в руке.

— Леон, — кричит она с широкой улыбкой на лице и слишком большим количеством косметики. — Слышите все, Леон дома!

— Леон? — шепчет мне на ухо Сэм, дверь открывается шире, чтобы мы могли войти.

— Объясню позже, — бормочу я и вхожу в дом своего детства, притворяясь, что моя киска сжалась не от его горячего дыхания у моего уха.

— И она привела красавчика! — восклицает она и рукой, той, в которой нет бокала мартини, она хватает Сэма за промежность, прежде чем я успеваю предупредить его. — И у её красавчика с собой огромный подарочек!

Мой громкий, раздражённый вздох, перекрывают шаги с кухни.

— Пожалуйста, скажи своей матери, чтобы отпустила мой член? — пищит Сэм.

— Это не моя мать, — поясняю я, закатывая глаза.

— Бобби, ради любви к Гауде, отпусти пенис бедного мужчины. Сколько раз я должна повторять тебе, мы не так встречаем гостей! — закатив глаза, моя мать ругает своего брата, семеня по коридору с отцом, идущим по пятам. — Смотри, Реджи сделал тебе свежий мартини.

Тётя Бобби одёргивает руку от промежности Сэма и разворачивается, проливая остатки мартини на его джинсы. Затем, шаркая ногами, она идёт за свежим напитком, который протягивает ей отец из-за спины матери.

— Серьёзно? Опять? — рычит Сэм, когда тётя Бобби на четырёхдюймовых зелёных шпильках, идеально сочетающихся с зелёным бархатным платьем в пол, натыкается на моего отца.

— Прости, тётя Бобби немного распутная, — шепчу я, пока он бросает наш багаж и держится за влажные штаны.

— Отлично! Ты так думаешь? — бормочет Сэм. — У неё хватка, как у борца сумо. Если она сломала мне член, у нас будут большие проблемы.

К счастью, мать мчится к нам и прерывает мои мысли об огромном подарочке Сэма и о том, как будет испорчено Рождество, если он сломался.

Убитая горем, безработная, бездомная… возьми себя в руки, Ноэл.

Мама быстро обнимает меня, но я не успеваю обнять её в ответ, потому что она отталкивает меня в сторону, чтобы лучше рассмотреть Сэма.

— Мам, это мой парень, Логан, — восклицаю я с сияющей улыбкой, чувствуя огромную вину, но не потому, что вру матери, а потому, что заставляю Сэма притворяться другим человеком.

Почему я должна волноваться? Я только что встретила этого парня и предложила ему возможность хорошо провести Рождество, вместо скуки и одиночества в окружении Амишей, заглядывающих в окна в поисках порно. У меня нет причин чувствовать себя виноватой, так ведь?

Сэм протягивает руку моей матери, но она отталкивает её и заключает его в объятия. И не отпускает.

— Ладно, мам, достаточно, — говорю я, когда объятия затягиваются, и Сэм с беспокойством смотрит на меня.

Она, наконец, отпускает его и, сделав шаг назад, осматривает с ног до головы, а потом останавливает взгляд на влажном пятне на его промежности.

— Счастливого Рождества, Логан.

— Приятно познакомиться, мэм, — с тяжёлой улыбкой говорит Сэм, не отвечая на рождественское приветствие.

— О Боже, у тебя случился ещё один инцидент? Хорошо, что я записала тебя к урологу, — оглашает она, цокая языком. — Ты выглядишь не так, как Ноэл тебя описывала. Я думала, что у тебя светлые волосы, — мама переводит взгляд на меня. — Ноэл, разве ты не говорила, что у него светлые волосы, чуть удлиненные сверху?

Поднявшись на носочки, она пристально смотрит на короткие, тёмные волосы Сэма.

— Я отчётливо помню, ты говорила мне, что он пользуется твоим гелем для волос и это тебя раздражает.

— Тупица, — кашляет Сэм, прикрывая рот кулаком, и невинно улыбается моей маме. — Я хотел поменять что-то к праздникам, поэтому покрасил волосы.

Моя мама кивает, но я вижу, что она не убеждена и теперь, я по-настоящему в панике. Глупая была идея. Почему, чёрт возьми, я просто не рассказала ей правду по телефону? Мне тридцать четыре года и я настолько боюсь свою мать, что привела домой незнакомца, чтобы он притворился моим парнем. Она никогда в это не поверит. Поговорим о жалости.

— Я слышу южный акцент, — мама проверяет Сэма, подняв бровь. — Ноэл, ты вроде упоминала, что он из Сиэтла? Почему он говорит, как южанин?

Дерьмо, дерьмо, дерьмо! Я даже не подумала о том, что он разговаривает как местный, наверное потому, что сама живу на юге Огайо. Я была слишком загипнотизирована тем, как чертовски сексуально он разговаривает.

Сэм снова кашляет, вспомнив мой совет, кашлять, если не знает что сказать, и мой мозг быстро придумывает правдоподобную причину его лёгкого южного акцента.

— Ммм, Логан участвует в местных постановках Оклахомы в Сиэтле, — вру я. — Он просто пытается оставаться в образе. Вперёд, милый. Скажи, что-нибудь южное!

Сэм тихо вздыхает и смотрит на меня так, словно он в двух секундах от того, чтобы выйти в парадную дверь и умчаться по улице. Задержав дыхание, я продолжаю фальшиво улыбаться, молясь Богу, чтобы он не ушёл. Я не уверена, это потому что я не готова открыть правду моей семье или потому, что я просто очень хочу провести больше времени с ним. Господи, меня нужно лечить.

— Йииииха, — отвечает Сэм, монотонным, не-южным, акцентом.

От того, что он подыгрывает, хоть и с раздражённым выражением на лице, я хочу запрыгнуть к нему на руки, обернуть ноги вокруг его талии, и расцеловать до чёртиков. Это не самые лучшие мысли, что могут прийти в голову, стоя перед моей семьёй, которая смотрит на нас как на сумасшедших. А я убита горем, безработная и бездомная. Что есть в этом парне такого, что заставляет меня забыть о проблемах и вызывает сексуальные мысли? У меня озабоченный мозг и мне нужна интервенция.

— Ты видела его подарочек, Бев? Леон должна развернуть его для нас! — тётя Бобби вырывается из-за моей матери, поднимая бокал мартини.

Ах, да, его подарочек. Это то, что превращает меня в сексуально-озабоченную.

— Простите моего брата, Логан. Она любит свою водку, — говорит мать Сэму.

Его озадаченный взгляд мечется между моей мамой и мной, и он спрашивает:

— Эмм, брат?

— Леон тебе не рассказывала? — спрашивает тётя Бобби и переводит на меня взгляд. — Леон, почему ты ему не рассказала? Ты стыдишься своего дядю?

Я со вздохом качаю головой, а тётя Бобби, держа бокал мартини, закидывает руку на плечи моего отца и громко кричит:

— Йииииха.

Игнорируя её выпад, я оглядываюсь на свою мать.

— Ты же знаешь, я не стыжусь, мам, просто не доходило до этого.

Сэм выглядит так, словно готов выбежать отсюда прямо на снег, но мой отец делает шаг вперёд, чтобы убрать его замешательство.

— Тётя Бобби раньше был дядей Бобом, — объясняет папа так, словно в каждой семье есть трансвестит. — Жена ушла от него, когда застукала его в шкафу, примеряющего всю её одежду.

— Скатертью дорога! Всё равно у неё дерьмовый вкус на обувь, — комментирует тётя Бобби.

— Реджи, унеси их сумки наверх, — прерывает его мама и отходит, чтобы папа мог взять наши вещи. — А вы, дети, идите в гостиную, я пока разогрею вам домашний мясной рулет, жареный картофель и сладкую кукурузу.

Мама быстро разворачивается, берёт тётю Бобби за руку, и тянет на кухню, пока папа уносит наши сумки наверх, оставляя нас с Сэмом одних у входа.

— Я пойму, если ты захочешь уйти, — тихо говорю я. Из коридора слышен мамин голос, пытающейся угомонить тётю, которая, не затыкаясь, говорит о подарочке Сэма.

— Издеваешься? Она сделала мясной рулет, — отвечает он с серьёзным выражением. — Никто не откажется от домашнего мясного рулета.

Я не могу сдержать улыбку, когда он берёт своей тёплой рукой мою, и мы направляемся в гостиную.

Глава 4

Сэм

Мы сидим на диване рядом с камином и едим разогретую еду с бумажных тарелок. Каминная полка украшена подвешенными чулками, сосновыми ветками, мигающими огнями и всевозможными рождественскими безделушками настолько, что хватило бы украсить ещё десять каминов. В углу комнаты, напротив нас, возвышается самая большая рождественская ель, которую я когда-либо видел, и как бы сильно я не хотел отрицать это, мне нравится наблюдать, как мягко падает снег за окном рядом с елью.

Я пытаюсь не выглядеть как грёбанная свинья, пока мама Ноэл и… дядя, молча наблюдают за тем, как я набиваю рот мясным рулетом и картофельным пюре, а это не самое приятное зрелище. После полутора лет поедания готовой еды, мне тяжело сдерживать стоны каждый раз, когда подношу вилку ко рту.

— Леон, я постелю тебе в твоей старой комнате. Логан может спать в швейной комнате твоей матери, — говорит папа Ноэл, возвращаясь в комнату, я ставлю пустую тарелку на журнальный столик, и Ноэл делает то же самое.

— Реджи, они могут спать в комнате Леон. Всё в порядке, — со вздохом говорит мать Ноэл.

Пока эти двое спорят о том, кто и где будет спать, я наклоняюсь ближе к Ноэл.

— Ты должна рассказать мне, почему они называют тебя Леон. Я начинаю беспокоиться.

Она поворачивается ко мне и шепчет.

— Позже.

Подмигнув, она с улыбкой возвращает внимание к спорящим родителям, и я смотрю на её профиль. Её длинные, густые волосы перекинуты на одно плечо, внезапно, я чувствую желание скользнуть пальцами по шёлковой длине, убрать их в сторону, чтобы открыть лучший обзор на гладкую кожу её шеи. Я наблюдаю за тем, как она высовывает кончик языка и облизывает губы, а я мысленно прошу свой член успокоиться. Эту ерунду с Леон нужно срочно прояснить. Если этот дядя/брат рулит в семье и Ноэл раньше была Нилом, я не смогу пережить это дерьмо.

Пока я рассматриваю Ноэл, размышляя о том, какие её губы на вкус, её отец подкрадывается к нам, встаёт с моей стороны у подлокотника дивана и смотрит на меня, держа руки в карманах.

— Мне не очень комфортно, что ты спишь с моей дочерью под моей крышей, — говорит он. — Зачем покупать корову, если молоко можно получить бесплатно? Ты любишь молоко, сынок?

Отец Ноэл около ста семидесяти сантиметров, маленький человечек в сравнении с моими ста восьмидесяти двумя, но выражение его лица говорит о том, что он без колебаний вышвырнет мою задницу за дверь, если я не правильно отвечу на вопрос. Не буду врать, сейчас я немного боюсь его.

— Хм, да? — в замешательстве отвечаю я. — Нет. Да. Подождите, я не знаю!

Я кашляю, стреляя в Ноэл встревоженным взглядом, чтобы она спасла меня от гнева её отца. Он словно знает, что с момента нашей встречи, я всё время думаю о ней, голой подо мной и наши касающиеся бёдра, сидя на диване, делают всё ещё хуже, мысли о её обнажённых ногах обёрнутых вокруг моей талии поглощают мой разум.

Отец Ноэл достаёт руки из карманов и раздражённо взмахивает ими.

— Вот именно! Я запрещаю молоко в этом доме, на ближайшее время. Ни молока, ни сыра, ни йогурта, ни молочных продуктов или ещё чего-либо. Бев, вычисти

холодильник. Я не хочу, чтобы у этого парня появились какие-нибудь мыслишки по поводу Эгг-нога[4] нашей дочери.

Несмотря на то, что сближаться с Ноэл опасно для моего здоровья, но так как мой член отказывается слушаться, я снова наклоняюсь ближе к ней.

— Он всё ещё говорит о сексе? — шепчу я.

— Честно, я без понятия, — тихо отвечает она.

Её отец, наконец, прекращает злобно смотреть на меня и выходит из комнаты, направляясь на кухню, чтобы избавить дом от зла, коим является вся молочная продукция.

— Простите моего мужа, — улыбаясь, извиняется Бев, с чашкой кофе руке. — Леон впервые привела мужчину в дом, и он немного нервничает. Вы можете идти и вместе ложиться спать в её старой комнате. Встряхнитесь, оторвитесь по полной, займитесь делом… или как там дети сейчас это называют.

— Маааам, — сетует Ноэл, закатывая глаза. — Ничего страшного, что папе не комфортно. С-ооооган может спать в другой комнате.

Она чуть не проболталась и не назвала меня Сэмом, но вовремя опомнилась и создала неловкую комбинацию из Сэма и Логана, от чего тётя Бобби и её мать смотрят на неё с замешательством.

— Ты только что назвала его Соганом? — спрашивает Бев.

Ноэл начинает нервно постукивать ногой, наши бёдра соприкасаются с каждым ударом ноги об пол. Я быстро опускаю ладонь на её ногу и успокаивающе сжимаю, пытаясь игнорировать тепло её кожи под джинсами.

— Ммм, ну это... — заикается Ноэл, — забавная история. Когда я говорю Логану что-нибудь, то всегда начинаю с «Таааааак, Логан»[5] и это стало шуткой, я называю его Соган. Ха-ха, поняли? Соган? Таааааак, Логан?

Я снова сжимаю её бедро, чтобы она перестала говорить, но её нога, сжатая моей рукой, вызывает образ этих же ног обёрнутых вокруг моих бёдер.

— Думаю, ты должен спать там, — неубедительно закачивает Ноэл, её мать с тётей всё ещё смотрят на неё как на сумасшедшую.

— Знаешь, если ты не хочешь спать в одной комнате с этим горячим куском человеческого мяса, я с радостью займу твоё место, — заявляет тётя Бобби, и, подняв бокал мартини в мою сторону, манит пальцем свободной руки.

Та же рука, что сжимала мой член, как тиски. Я вздрагиваю, вспоминая этот момент.

— Тётя Бобби, гей? — уголком рта шепчу я Ноэл.

К сожалению, мой шёпот расходится по комнате громче звуков рождественской музыки, играющей на звуковой системе, установленной там, где сидит тётя Бобби.

— Нет, но мой пенис да, — с пьяной улыбкой сообщает мне тётя Бобби, разделываясь с последней каплей, пятого по счёту, мартини.

Ноэл внезапно подскакивает с дивана, берёт меня за руку и тянет за собой.

— Сегодня был длинный день и нам нужно поспать, — выпаливает она и с усилием тащит меня за руку мимо дивана к дверям.

Моё тело так измотано, что я едва ли чувствую свои ноги, когда снова встаю. Поспать было бы неплохо, но мысль о целой ночи в спальне наедине с Ноэл, сразу же взбадривает меня.

---

4 Эгг-ног — сладкий напиток на основе сырых куриных яиц и молока. Популярен в США и Канаде, странах Южной и Центральной Америки, Европе. Является традиционным рождественским напитком. Обычный состав Эгг-нога: яйцо сахар молоко и/или сливки алкоголь — прим. переводчика.

5 So (с анг.яз.) — так — прим. переводчика

— СТОЯТЬ! — внезапно кричит мать и Ноэл замирает, я врезаюсь ей в спину и хватаюсь за её бёдра, чтобы мы не упали.

Ноэл поворачивается, мои руки всё ещё на ней и мы оба смотрим на Бев.

— Смотрите! Вы под омелой. Значит должны поцеловаться. Рождественское правило, — весело напевает она и делает глоток кофе.

Стоя у входа в гостиную, мы с Ноэл смотрим наверх и видим маленькое зелёное растение, перевязанное красной ленточкой, свисающее с арки над нами.

— Хм, не похоже на омелу, — задумываюсь я, глядя на листья над нашими головами.

Ноэл прижимается ко мне и встаёт на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть. Я крепко сжимаю её бёдра, чтобы она стояла неподвижно. Она прижимается своей фантастической грудью к моей, и я чувствую, как мой член снова твердеет.

— Мам, у вас что, марихуана подвешена под потолком? — спрашивает Ноэл.

— Ты же знаешь, твой папа использует её от артрита, — вздыхает её мама. — Марихуана-омела, кортошка-картошка. Она зелёная и праздничная, вы должны под ней поцеловаться.

Стоя на цыпочках, Ноэл опускает взгляд и смотрит на меня, её рот на уровне моего. Её губы горячие и пухлые, она нервно облизывает их, как будто знает, что я не могу свести с них глаз, когда она делает это.

Мы оба пожимаем плечами, понимая, что никогда не выйдем из этой комнаты, если не сделаем то, о чём просит Бев. Ноэл кладёт ладони на мою грудь и быстро чмокает в губы, я даже не успеваю ничего почувствовать.

— Точно, я заберу его у неё, — объявляет тётя Бобби.

— Леон, ты его усы? — беспокойно спрашивает её мать.

Ноэл в замешательстве смотрит на неё.

— О чём ты говоришь?

Её мама пожимает плечами и ставит кружку с кофе на столик.

— Ну, знаешь, его усы. Прикрытие, чтобы никто не узнал, что он гей, как одежда у тёти Бобби, — объясняет она.

— Эй! Я заметила сходство, — кричит тётя Бобби, громко отрыгивая.

Ноэл вздыхает и закатывает глаза, а я задаюсь вопросом, что, чёрт возьми, заставило её мать подумать, о том, что я гей. Она, правда, ждёт, что я грубо возьму её дочь прямо перед ней и засуну язык в горло? Не то, чтобы я возражал, но у меня есть нормы поведения, и целоваться с женщиной перед её семьёй, возглавляет мой список «Не делать».

— Это называется борода, мам, а не усы, — поправляет её Ноэл.

— Не обижайся, но этот скучный поцелуй говорит об обратном, — пожимает плечами тётя Бобби. — Леон, пообщайся со мной, я покажу тебе, как это делается.

Какого хера? Я НЕ гей!

— Ничего страшного, если ты гей. Мы любим геев и полностью их поддерживаем, — с доброй улыбкой уверяет меня Бев.

— Я не гей, — отыскав свой голос, наконец, заявляю я в свою защиту.

— Хорошо, как скажешь, — отвечает Бев, не веря моим словам.

— Вы, должно быть, прикалываетесь, — тихо говорю я, продолжая держать Ноэл за бёдра, и думаю над тем, а не стоит ли просто уложить её, чтобы заткнуть всех.

— Мам, успокойся. Мы устали и ложимся спать.

Ноэл не повторяет, что я не гей и это не хорошо. Конечно, этот поцелуй был довольно скучным и печальным, его даже поцелуем не назвать, потому что он был короче моргания, но дайте мне отдохнуть. Мы стоим в гостиной с её матерью, которая с жалостью смотрит на меня, а её дядя пожирает меня глазами, словно готов съесть. Её отец

вздыхает на кухне и посылает проклятия, отправляя в мусорное ведро коробки молока и контейнеры сметаны, убеждаясь, что я буду держаться подальше от Эгг-нога его дочери.

— Я просто говорю о том, что парень должен целовать свою девушку с желанием, а не так, словно целует мёртвую рыбу. Если он ходит как гей и целуется как гей… — её мать уходит.

О, чёрт возьми.

Когда Ноэл открывает рот, вероятно для того, чтобы снова сказать маме о том, как мы устали, вместо того, чтобы защитить мою гетеросексуальность, я решаю взять всё в свои руки и посылаю к чёрту тот факт, что её семья смотрит на нас. Отпустив бёдра, я беру её лицо руками и, повернув к себе, прижимаюсь своими губами к её.

Я прерываю её слова и скольжу языком между удивлёнными, слегка приоткрытыми, губами. Наши языки встречаются, из неё вырывается мягкий стон и она сильнее сжимает рубашку на моей груди, когда я наклоняю её голову для лучшего доступа. Я мягко посасываю её язык, затем кружу вокруг него, углубляя поцелуй, до тех пор, пока не забываю о том, где нахожусь. Она на вкус как домашняя еда и небеса, её рот горячий и влажный, наши губы идеально движутся, как будто мы целовались годами. Никаких слюней или неловких движений языками, только скольжение и посасывание, дегустация и изучение.

Я держу её лицо ровно столько, чтобы она не вырвалась и в ответ, она прижимается ко мне всем телом, от бёдер до груди. Я чувствую как бьётся её сердце, когда наши языки сплетаются, а поцелуй выходит далеко за пределы сладострастного греха и мой член становится настолько болезненно твёрдым в джинсах, что она никак не может не чувствовать этого между нами. Она снова мягко стонет мне в рот, и эти вибрации заводят больше, чем что-либо, в жизни. С каждым скольжением её идеального, вкусного языка, мои яйца сжимаются и готовы взорваться, желая, чтобы мы были где угодно, но не в этой гостиной, чтобы я мог погрузиться в неё и проверить, есть ли в её теле горячие и влажные места помимо рта. Я потерял всякое чувство времени, и понятия не имею, сколько мы стоим здесь, целуясь под марихуаной, свисающей с потолка.

Наши рты слились вместе, и я не знаю, где заканчиваются мои губы и начинаются её, наши языки нежно сплетаются, словно они были созданы для этих прикосновений. Наши головы синхронно двигаются в противоположном направлении, углубляя поцелуй и Ноэл ослабляет смертельную хватку на моей рубашке. Её ладони скользят по моей груди и оборачиваются вокруг моей спины, прижимая настолько, насколько возможно. Не в силах сдержаться, с моих губ срывается стон, когда она прижимается бёдрами к моему члену.

— Определённо не гей.

Тихий шёпот с другой стороны комнаты врывается в моё перевозбуждённое сознание и, несмотря на то, что язык Ноэл всё ещё у меня во рту, а её тело так сильно прижато к моему, что я чувствую все её потрясающие изгибы, моё либидо как будто окатили ведром холодной воды. Последний раз скользнув по её языку и дав понять, что это ещё не конец, я возвращаюсь на землю, вспоминая, что у нас есть зрители, медленно разрываю поцелуй и смотрю ей в глаза. Они закрыты, губы влажные и припухшие, но всё ещё приоткрыты в ожидании, когда я вернусь и продолжу.

— Думаю, вам уже достаточно зернистого творога моей дочери.

Глаза Ноэл распахиваются и щёки заливаются румянцем, когда её отец ругает меня, стоя рядом с нами, сердито постукивая ногой по полу.

Убрав руки от её лица, я отступаю, надеясь, что тусклое освещение скроет массивную эрекцию в моих джинсах.

— Реджи, перестань быть кокблокером[6], — смеётся тётя Бобби. — Отойди и дай Ноэл, и её парню, не гею, уйти в кроватку. У неё есть подарочек, который нужно открыть.

Глаза всех присутствующих обращаются на мою промежность.

Спасибо тусклому освещению.

Ноэл берёт меня под локоть, выталкивает из-под омелы, останавливается, быстро целует отца в щёку, и мы уходим.

— Всем спокойной ночи, — кричит она через плечо, толкая меня по коридору к лестнице.

— Даже и не мечтай о других весёлых вещичках в спальне, её молоко просрочено! — кричит отец Ноэл нам вслед, когда мы быстро поднимаемся по лестнице. Я оглядываюсь через плечо и неловко машу ему.

Ноэл взлетает по лестнице, мы проходим нескольких закрытых дверей и, добравшись до последней комнаты в конце коридора, она открывает деревянную дверь и указывает, чтобы я заходил первым.

— Добро пожаловать в спальню моего детства, — объявляет она, закрывая за нами дверь.

Я делаю несколько шагов по тёмно-синему плюшевому ковру и замираю на месте, когда мои глаза натыкаются на не девчачьи предметы.

— Хм, Леон, ты должна кое-что объяснить, — говорю я тихо, молясь Богу, чтобы то, что я только что чуть не кончил в штаны, целуя мужика, оказалось неправдой.

---

6 *Кокблокер* — человек, намеренно или случайно появляющийся в самый неподходящий момент сближения двух людей с целью помешать — прим. переводчика.

Глава 5

Ноэл

Кто Леон? Он Леон? Это кровать Леон? Какой сегодня день? Где я?

Отлично сыграв, я затаскиваю Сэма наверх, в мою старую спальню, делая вид, что произошедшее в гостиной было ерундой. Сейчас, когда мы здесь, в этой крошечной комнате, и его огромное, мускулистое, сексуальное тело занимает половину маленького пространства, всё, о чём я могу думать, это его губы на моих. Его язык скользящий вокруг моего. Его тело, прижимающиеся к моему, изгибы мышц на его спине под моими ладонями, когда я скольжу по ним руками, его стон удовольствия, когда я жадно посасывала его губы и каменная твёрдость, которую я почувствовала, прижавшись к нему бёдрами, и, и, и…

Святой малыш Барракуда, у него огромный, как у рождественского ослика Доминика, но гораздо менее раздражающий и противный ушам. Но очень приятный для вагины.

— Я убита горем, безработная и бездомная, — отшучиваюсь я, в ответ на его вопрос. Неважно, о чём был вопрос. Он что-то спросил? Я почти уверена, он о чём-то спрашивал. Серьёзно, где я, чёрт возьми, нахожусь?

— Мы договорились об этом в аэропорту, — сухо отвечает Сэм, его глаза быстро пробегают по комнате. — Валяй, Леон. Ты выглядишь, как девочка, на ощупь как девочка и на вкус как девочка, но увидев оголённое декольте тёти Бобби в том платье, и как выглядит твоя старая спальня, прости меня, но я смущён. И не только *я*, но и мой член. Мой член очень, очень смущён. А мой член никогда не смущается, Леон.

Его слова ускоряются с каждым предложением, и я, наконец, возвращаю свой мозг на землю, вместо парения в облаках маленького городка, который я бы назвала Трахни-меня-рядом-с-Уоллвиллом. Осмотрев комнату, я понимаю, что он видит и почему так беспокоится. Стены моей старой спальни всё ещё покрашены тем же нежно-голубым цветом, с тех пор, как моя мама узнала, что беременна мной и отец начал переделывать дополнительную спальню в детскую. Ковёр тёмно-голубой, комод, тумбочка и две книжные полки тёмно-коричневого цвета, как и изголовье двуспальной кровати, которая покрыта толстым ватным одеялом голубого цвета. Если вы не догадались, мои родители думали, что я буду мальчиком. Они хотели ещё одного мальчика, когда узнали, что снова ждут ребёнка, через два года после рождения моего брата.

Вероятно, его приводят в замешательство не цвет комнаты, а трофеи — значки и синие ленты первых мест от борьбы до хоккея, бейсбола и футбола, украшающие каждую поверхность. Ещё я предполагаю, Сэм в замешательстве от фотографий в рамках с улыбающимися командами парней, которые стоят рядом с каждым трофеем.

— Я определенно девушка и это не мои вещи, — успокаиваю его я.

Повернувшись к одной из полок, я беру фотографию моего брата с выпускного в колледже, когда его бейсбольная команда выиграла в спортивной ассоциации. Я разворачиваюсь и указываю на парня, сидящего на колене в первом ряду с ухмылкой на лице, его волосы такие же тёмно-рыжие, как мои.

— Эта самоуверенная задница, в первом ряду — мой брат, Николас, а это его вещи, — объясняю я. — Когда для этого барахла не хватило места в его комнате и в комнате родителей, они решили, что и моя комната станет святилищем Великого и Могущественного Николаса Холидэя.

Сэм хихикает, и я свирепым взглядом обрываю его смех.

— Да, Ноэл и Николас Холидэй. Очевидно, ты уже заметил, что мои родители любят Рождество, так что, завязывай с этим дерьмом, — предупреждаю его я.

Он быстро стирает удивлённую улыбку с лица и подходит ко мне, забирает фотографию из моей руки и аккуратно ставит её на полку, с которой я её взяла.

— Значит, он золотой ребёнок, а ты…

— Неудачница, которой пора успокоиться и родить им внуков, и которой они любят напоминать о том, что, за что бы я ни бралась, получается дерьмо, — заканчиваю я.

— Перестань, ты не неудачница. Просто у тебя трудные времена.

От мягкости в его голосе, мне хочется плакать и это не хорошо. Я излила душу незнакомцу и сейчас он у меня дома, а я свалила на него всю свою сумасшедшую жизнь. Я не стану одной из чокнутых цыпочек, которые возвышают парня, а потом рыдают о нём.

— Конечно. Трудные времена, последние тридцать четыре года, ерунда, — говорю я, пожимаю плечами и, моргнув, смахиваю слёзы, разочарованно выдыхая. — Всё в порядке, правда. Я привыкла. Николас женился на своей школьной возлюбленной, через два месяца после окончания колледжа, через три года они подарили родителям первого внука, а второй вот-вот родится.

Обойдя Сэма, я плюхаюсь на свою старую кровать и ритмично стучу ногами по боковой стенке, пока продолжается мой словесный понос. В конце концов, он знает большинство моих унижений, как насчёт ещё парочки?

— Окончив колледж, он устроился работать веб-дизайнером с высокой зарплатой, у них красивый дом в четырёх милях езды, родители могут навещать их в любое время. А я, тем временем, живу на другом конце страны с парнем, которого они никогда не видели, в квартире, в которой они никогда не были. Я ненавижу свою работу, но, по крайней мере, хватает оплатить счета и до следующего столетия у меня нет желания иметь детей. Ну, у меня *было* всё это. По крайней мере, отвращение к детям осталось.

Сэм сидится на корточки рядом со мной, кладёт руки на мои бёдра и смотрит на меня. Я смотрю в его светло-голубые глаза и пытаюсь не думать о том, какие у него сексуальные, мощные и сильные руки, запрещаю своему разуму воображать о том, как бы они ощущались на моей коже, скользя вверх по бёдрам и между ног.

— А как на счёт Леон? Что это означает? — тихо спрашивает он.

Вспоминая его беспокойство, у меня вырывается короткий смешок.

— Всё не так скверно, ты думаешь. Произнеси «Леон» задом наперёд, — улыбаясь, говорю я.

На его лице появляется задумчивое выражение и через несколько секунд его озаряет, он коротко и расстроено смеётся, качая головой.

— Ты, должно быть, шутишь… — тихо произносит он. — Если бы ты не была такой сексуальной и сбивающей с толку, я бы сразу догадался.

Моё тело, от макушки до кончиков пальцев, согревается от его слов, огонь разгорается между ног, но я отталкиваю его смехом.

— Ага. Леон — это Ноэл, задом наперёд, — повторяю я. — Когда я была подростком, незнакомцы, узнав, как меня зовут, бросали глупые фразочки про моё имя и это время года[7], а родители, устав от моих жалоб, стали называть меня Леон. Ты, должно быть, не заметил золотые, металлические крючки для чулков на камине внизу, на которых тоже написано Леон. Моя семья думает, что они забавные.

Сэм встаёт и идёт к своему рюкзаку и огромной сумке, которую мой отец, должно быть, злобно бросил у стены, после того, как аккуратно поставил мой багаж у двери.

— Твоя семья не такая уж плохая. В конце концов, она у тебя есть, — говорит он мягко, наклоняется, расстёгивает сумку и достаёт несколько вещей.

---

7 Noel — другое название Рождества — прим. переводчика.

Каждая плохая вещь, которую я думала или говорила о своей семье, ощущается тяжким грузом в моём животе, и я надеюсь, что смогу вернуть назад все свои жалобы. У Сэма *никогда* никого не было, и всё что я делаю, с тех пор, как мы познакомились сегодня вечером, это жалуюсь на своих родных, которые, безусловно, любят меня, даже если выражают недовольство о моих решениях и постоянно придираются ко мне.

— Сэм, я…

— Где ванная? — прерывая меня, спрашивает он и оборачивается, держа в руках фланелевые пижамные штаны и маленький чёрный несессер. — Я скоро потеряю сознание от усталости, так что, наверное, мне нужно переодеться.

Я молча указываю на закрытую дверь рядом с кроватью, которая ведет в примыкающую ванную комнату, и, пройдя рядом со мной, он открывает дверь и молча исчезает за ней. Услышав звуки льющейся воды, я быстро встаю с кровати, беру свой чемодан и переодеваюсь в спортивные штаны и майку. Я достаю из шкафа ещё одно одеяло и подушки, сооружая постель на полу, и спрашиваю себя, допускает ли он, что мы будем спать вместе на кровати. Я замираю с одеялом в руках, представляя себя лежащую на своей стороне кровати и его тёплое, тяжёлое тело, прижатое к моей спине, его сильные руки обёрнуты вокруг меня, его нос зарывается в мою шею, а губы прижимаются к моей коже в темноте комнаты. Мой довольный вздох прерывается, когда раздаётся голос Сэма.

— Надеюсь, ты делаешь постель для меня. Я не позволю тебе спать на полу. Если, конечно, ты просто так кинула это сюда, и разрешишь мне спать рядом с тобой, в таком случае, продолжай.

Мысленно напомнив себе, что я убитая горем, а не похитительница мужчин, заканчиваю стелить одеяло с подушками и быстро прыгаю на кровать. Мои руки замирают, когда я убираю одеяло и, подняв взгляд, вижу выходящего из ванной Сэма в одних клетчатых пижамных штанах. Его голая, гладкая грудь выглядит, будто выточена из камня. Я с открытым ртом, пуская слюни, смотрю, как он проходит мимо кровати, и вижу две небольшие мышцы, уходящие за пояс штанов, которые превращают каждую женщину на земле в безмозглую, жаждущую идиотку. Включая меня. Уверена, я безмозглая и определённо идиотка. Я онемела от мышц на талии и от намёка на тёмную дорожку волос под пупком, которая, как стрелка, указывает на его промежность, как один из тех гигантских, мигающих знаков на шоссе, указывающих о строительстве дороги.

Внимание! Помедленнее! Огромный подарочек в штанах! Штраф 200$ за прекрасную возможность лишиться всех функций мозга при пересечении барьера!

— Ты, чёрт возьми, прав, ты спишь на полу. Ничего не выйдет, мои родители в нескольких футах по коридору, а тётя Бобби в соседней комнате только и ждёт, чтобы ворваться сюда при первом звуке шур-мур, — объясняю я, мой взгляд приклеивается к мускулам на его голой спине, когда он наклоняется и бросает свой несессер обратно в сумку.

Тряхнув головой, фокусируюсь на сне, вместо мыслей о большом подарочке в штанах, который хочется потрогать, я откидываю одеяла и забираюсь под них. К сожалению, я двигаюсь не слишком быстро, забыв о пижамных штанах, которые надела, пока он был в ванной.

— На твоих штанах написано «Штаны после секса»? — спрашивает он, поднимая бровь.

Я хмурюсь, раздражённо зарываясь глубже под одеяла, взбиваю подушки и плюхаюсь на них головой.

— Да, да, написано. Помнишь? Я сбежала из нашей с Логаном квартиры так быстро, как могла, и особо не обращала внимания на вещи, которые хватала из шкафа. Это подарок Логана на день рождения. Они предназначались для веселья, — говорю я, не находя ничего смешного.

На самом деле, наша сексуальная жизнь ограничивалась пижамными штанами. Поэтому Сэм получил меня взволнованную, возбуждённую и с таким количеством грязных мыслишек, что я могла бы написать десять эротических романов, только о нашем поцелуе внизу. Я сексуально неудовлетворённая с тех пор, как мы с Логаном впервые занялись этим и он кончил задолго до того, как мой оргазм появился на горизонте и я сымитировала его, только чтобы Логан не чувствовал себя плохо. Что, в значительной степени, подготовило почву для следующих разов. Один маленький стон удовольствия он воспринимал так, что я уже готова, и он может быстро закончить, отвернуться и уснуть.

— Знаешь, они бы не были такими весёлыми, если бы ты позволила мне поспать в постели с тобой, — протяжно говорит Сэм, его южный акцент более выражен, я понимаю, когда он пытается подмазываться ко мне с сексуальными намёками. — Мы можем реализовать это, если хочешь, просто скажи.

Скажи, скажи, скажи!

Мой мозг и вагина кричат в унисон, но мои губы плотно закрыты. У меня, ни в коем случае, не будет секса в доме моих родителей с парнем, которого я только что встретила, несмотря на то, что он чертовски сексуален или на то, что он сделал мне одолжение: пошёл ко мне домой и должен мириться с моей чокнутой семьей следующие несколько дней.

У меня не будет секса с Сэмом, у меня не будет секса с Сэмом…

В ответ на моё молчание, Сэм пожимает плечами, садится на пол между моей кроватью и стеной, укладывается на одеяло и скрещивает руки за головой, не сводя с меня взгляд.

СЕГОДНЯ у меня не будет секса с Сэмом, СЕГОДНЯ у меня не будет секса с Сэмом…

— Чёрт, нужно выключить свет,— тихо говорит Сэм, его взгляд перемещается на люстру над моей кроватью.

— Не беспокойся, я всё сделаю, — говорю я, дважды хлопая в ладоши.

Верхний свет сразу же гаснет, но одновременно включается маленькое деревце, которое моя мама поставила в углу комнаты, наполняя пространство разноцветными мерцающими огнями.

— Родители поставили «хлопушку» в твоей комнате? — смеясь, спрашивает Сэм.

— Мои родители повесили пучок марихуаны под арку вместо омелы. Ты уже не должен ничему удивляться, — напоминаю я.

Я перекатываюсь на край кровати, и, подложив руки под подбородком, смотрю вниз, глаза Сэма искрятся от огней рождественского дерева.

— Спокойной ночи, Сэм, — мягко говорю я. — Спасибо, что приехал со мной и за то, что терпишь мою семью.

Он поворачивается ко мне лицом, его руки под подушкой, а щёки покоятся на пушистом ворсе, он смотрит на меня.

— Спасибо, что пригласила меня, Ноэл. Обещаю, завтра я лучше сыграю твоего парня, шок от твоей семьи смягчился, — тихо отвечает он.

Я закрываю глаза, чтобы не смотреть на его красивые черты, я могу делать это всю ночь, и знаю, что в итоге, заставлю его залезть ко мне в кровать. Его слова о том, что он *будет* лучшим парнем, эхом отражаются в моём сознании, когда я уплываю в сон, представления о том, как он планирует быть лучшим парнем, захватывают мои сны.

Глава 6

Сэм

Её тёплые, влажные губы обхватывают мой член, глаза смотрят на меня из-под полуопущенных ресниц, когда она берёт его в рот. Мою грудь сотрясает сдавленный стон, когда её мягкие руки сжимают мои яйца, нежный язычок скользит вверх и вниз, моему члену нравится, как она, чёрт возьми, работает. Поцеловав Ноэл, я понял, что её рот — это оружие массового поражения. Если бы вся кровь, которая есть в моём теле, находилась сейчас в голове, а не в члене, я бы сказал ей об этом. Она нежно массирует мои яйца, её язык кружит вокруг головки, и я знаю, что долго не продержусь. Извинения о том, что я всё ей компенсирую после оргазма от восемнадцати месяцев воздержания, кружатся на кончике языка.

Последние полтора года, я испытывал оргазмы от своей руки, но они чертовски сильно отличаются от оргазма, полученного от такого сладкого ротика, как у Ноэл.

— Сэм.

Сквозь моё сознание раздаётся голос Ноэл, и я понимаю, что её рот отрывается от моего члена.

— Сэм, — снова говорит она, в этот раз чуть громче.

Стараясь не ругаться, я прошу её вернуть рот туда, где он был, но это трудно. Да что там, это чертовски трудно, а я охренеть как хочу кончить.

— СЭМ! Просыпайся, чёрт возьми!

Распахнув глаза, я вздрагиваю и быстро моргаю, пытаясь понять, где нахожусь и почему мой член настолько твёрдый, что может посбивать все сосульки, свисающие за окном.

Раздаётся громкий стук и бодрый голос.

— Привет?! Дети, вы проснулись? Надеюсь, вы пристойно выглядите, потому что я вхожу!

Ноэл, тётя Бобби, родители Ноэл, дом на Рождество, ДЕРЬМО!

Я не успеваю осознать, где я, и что происходит, когда женщина, которую я только что видел в самом сексуальном сне, хватает меня за руку и тянет к себе на кровать.

Ага, время просыпаться, чёрт возьми, и двигать задницей. Вероятно, «парень» Ноэл должен спать с ней на кровати, а не на полу.

— Скорее! Забирайся на кровать, пока она не зашла! — шепчет Ноэл, пока я карабкаюсь с пола и, запутавшись в одеялах, падаю на неё. Точнее, лицом прямо между ног Ноэл.

— Я принесла кексы и кофе! — весело объявляет мама Ноэл, распахивая дверь. Я слышу, как она ударяется о стену, так как не успеваю убрать своё лицо от тёплой промежности Ноэл.

— О, Господи! Я закрываю глаза, закрываю глаза! — кричит она. Я, наконец, поднимаю голову и вижу женщину, стоящую в дверном проёме. На ней пушистый розовый халат, волосы накручены на бигуди, одной рукой она прикрывает глаза, а в другой держит поднос с черничными кексами и двумя кружками горячего кофе.

— Я рада, что моя дочь нашла такого авантюриста, Логан, — объявляет Бев, продолжая одной рукой прикрывать глаза, она вслепую перемещается по комнате и ставит поднос на комод. — Реджи не верит в оральный секс до завтрака.

— Господи, мам! — сетует Ноэл, пока я нахожусь между её ног, потому что… ну, потому что здесь тепло и уютно, и может, если я ещё немного побуду здесь, она забудет обо всех этих «никаких шур-мур». После того, как её мать уйдёт, конечно.

— Ох, не будь такой ханжой, Леон, — насмехается её мама, направляясь обратно к открытой двери и продолжая закрывать глаза рукой. — Ты должна радоваться тому, что у нас с твоим отцом всё ещё очень активная сексуальная жизнь. Спасибо Господу, за рецепт лечебной марихуаны. Мне уже наскучило постоянно быть сверху из-за его артрита. Он гораздо подвижнее, когда сверху.

Удивительно, что в этот момент, мой член ещё на месте, а не оторвался и не умчался в ужасе.

— Я собираюсь убрать руку с глаз.

— Мам, мы в одежде, всё в порядке, — раздражённо говорит Ноэл, пока её мама медленно опускает руку.

— Ну, это печально, — тихо говорит она, убирает руки в карманы халата и быстро шагает к кровати. — Открывайте рты, — требует она.

Я смотрю на Ноэл, и она пожимает плечами, такая же смущённая, как и я.

— Ну же, я не могу ждать весь день. Твой брат скоро будет здесь и мне нужно собраться. Открывайте.

Ноэл закатывает глаза и открывает рот, указывая мне сделать то же самое, пока не случилось что-нибудь похуже, вроде того, что Бев ляжет к нам в кровать и спросит, можно ли ей посмотреть.

Не успев моргнуть, её мама достаёт карамельную трость из кармана, разворачивает её и, сломав на две части, суёт в наши раскрытые рты.

— Никому не нравится утреннее дыхание. Мы выезжаем через час, так что, не задерживайтесь с вашей утренней прелюдией. Увидимся внизу!

Я закрываю рот и начинаю разжёвывать карамельную трость. Решив подняться, я ставлю руки по обеим сторонам от тела Ноэл, и нависаю над ней. Её голова подает на подушку, а глаза расширяются, когда мои бёдра прижимаются к её центру.

— У тебя, на самом деле, сейчас утренний стояк? После этого дерьмового представления? — удивлённо спрашивает Ноэл, жуя мятную конфету.

— Это чертов феномен, — говорю я, проглотив остатки карамельной трости. — Не знаю, что происходит, и сколько это будет продолжаться, так что, просто смирись.

Я снова толкаюсь бёдрами, давая ей почувствовать насколько я твёрд, и хочу, чтобы этих долбанных одеял не было между нами. Наши лица так близко, что я чувствую её тёплое, мятное дыхание на моих губах. Я не хочу использовать её, не хочу, чтобы она думала, что обязана что-то делать в качестве оплаты за то, что я притворяюсь её парнем, но мне нужно, чтобы она знала, как сильно я её хочу. Что не могу избавиться от мысли о том, чтобы быть внутри неё, ощущать её обнажённую кожу и слушать, как она стонет моё имя, даже во сне.

— Просто скажи слово, Ноэл, — шепчу я, нависая над ней и глядя прямо в глаза.

Я жду, когда она оттолкнёт меня или скажет, что ничего не будет в доме её родителей, она *должна* это сделать. Это бы сделал любой нормальный человек. Мне должно быть стыдно за то, что мой член всё ещё твёрдый и хочет её, он надеется, что она сдастся и даст мне хоть немного попробовать её, но мне не стыдно. Я мог бы сказать, что после полутора лет без секса, я бы чувствовал то же самое с любой женщиной, но это было бы ложью. Это Ноэл. Это *всё* Ноэл. Её улыбка, её смех, её кожа… *Она* нужна мне. Только она. Я понимаю, как безрассудно это звучит, ведь мы знакомы меньше двадцати четырёх часов, но мне плевать. Не прошло и суток, а эта женщина вывернула всё наизнанку. Просто. Плевать.

Задержав дыхание, я жду, когда она скажет что мы мало знакомы, что она только что рассталась со своим парнем-тупицей, и на неё слишком много навалилось, чтобы потеряться с парнем, которого она едва знает. Я жду, но она ничего не говорит. Как только я решаюсь скатиться с неё, чтобы принять очень холодный душ и

помастурбировать, она начинает ёрзать, сбрасывая ногами разделяющее нас одеяло. Я помогаю ей, приподняв бёдра, чтобы было легче откинуть одеяла, ложусь между её бёдер и сгибаю локти, пока моя грудь не накрывает её.

— Ни за что на свете, эти карамельные трости не отложатся на талии, — шепчет Ноэл, зарывается пальчиками в мои волосы и притягивает мою голову для поцелуя.

Этот поцелуй не менее волнующий, чем вчерашний, только сейчас, я не переживаю о том, что на нас смотрят и могу вытворять всё, что хочу. Она там, где я и хотел её с тех пор, как встретил, подо мной.

Ноэл сразу обхватывает меня ногами, скрещивая щиколотки у моей задницы. Я вздыхаю около её губ, они ощущаются точно такими, как я и представлял. Несмотря на мои пижамные штаны и её «Штаны после секса», я чувствую тепло её киски и проникаю языком глубже в её рот, медленно скользя во влажное тепло. Мой язык и бёдра движутся в медленном ритме, от которого Ноэл сильнее цепляется за мои волосы.

Я отрываюсь от её губ и прокладываю дорожку из поцелуев от щеки и вниз по шее, слегка прикусывая нежную кожу, до тех пор, пока не оказываюсь между её напряжённых грудей под майкой. Упираясь локтями в кровать, я оттягиваю край её майки, пока не появляется идеальный розовый сосок, и без колебаний я обхватываю его губами и втягиваю в рот.

— Сэм, — мягко стонет Ноэл, прижимая мою голову к груди и пока я кружу языком вокруг соска, её бёдра начинают бешено двигаться. Она трется горячей, прикрытой хлопком, киской об мой член и клянусь, я вижу звёзды. Она снова стонет моё имя, когда я сильнее всасываю её розовую вершину, и моё имя на её губах так же сексуально, как я представлял. Нежно толкнувшись бёдрами, я отрываюсь и смотрю на её сосок, влажный от моего рта. Я слегка дую на него, и он твердеет на глазах.

— Когда последний раз у тебя был потрясающий оргазм? — шепчу я около её кожи, снова облизываю и нежно дую на сосок.

Потирая большим пальцем затвердевшую вершинку, я жду ответа, находясь между её ног, несмотря на то, что я ничего так сильно не хочу, как сорвать наши штаны и трахать её, пока она стонет и кричит моё имя, и к чёрту людей внизу.

— Мм, — бормочет Ноэл, приподнимая бёдра.

Я смотрю на неё, продолжая лениво скользить большим пальцем по бугристому кончику. Глаза закрыты, нижняя губа зажата зубами, голова откинута на подушку. Лучший вид, который я когда-либо видел, но её молчание, в ответ на мой вопрос, заставляет меня остановиться.

— Ты всё ещё думаешь над ответом или потеряла дар речи? — с улыбкой спрашиваю я, несмотря на то, что её глаза всё ещё закрыты, и она не видит этого.

— Мм, — снова отвечает она.

Я не уверен, хочу ли похлопать себя по спине, за мои потрясающие навыки или хочу дать по яйцам этому болвану Логану, за то, что никогда не доводил её до потрясающего оргазма, или, в конце концов, не доводил до такого, который она может вспомнить.

— Назовём это ничьей, — заявляю я, скольжу рукой вниз по её груди, через живот, и запускаю пальцы под пояс её штанов, надеясь, что слова, написанные на них, хоть немного, станут правдой.

— О Боже, — стонет она и приподнимает бёдра навстречу моей руке, побуждая действовать, когда ладонь скользит по влажному кружеву между её ног.

Я опускаю голову и снова втягиваю в рот сосок. Её бёдра начинают вздрагивать, а с губ слетает бессвязное бормотание, проклятия и вздохи.

Как только мои пальцы начинают отодвигать край кружевного белья, чтобы почувствовать влажное тепло, дверь спальни распахивается и снова врезается в стену.

— Хватит быть шлюхой, Леон! Мы собираемся на семейный отдых. Надень что-нибудь и спускай свою шлюшную задницу вниз! — кричит мужской голос, дверь захлопывается, и громкий топот на лестнице постепенно затихает.

Сосок Ноэл у меня во рту, рука у неё в штанах и я ни хрена не понимаю что произошло, но мой член готов ударить кого-нибудь.

— Итак, это был Николас, — небрежно говорит Ноэл, когда я отрываюсь от её груди, вытаскиваю руку из штанов и смотрю на неё.

— Я догадался. Хороший парень. Кажется дружелюбным, — отвечаю я с сарказмом.

— Нам нужно спуститься, пока не заявились папа и тётя Бобби, чтобы критиковать нас.

Иишшии вот оно. Убийца эрекции.

Вздохнув и извинившись за мой быстро увядающий член, я целую Ноэл в кончик носа и скатываюсь с неё, чтобы покинуть кровать.

— То, что нас прервали, не означает, что я закончил с тобой, — сообщаю я, доставая одежду из сумки на полу. — Эти «Штаны после секса» будут использованы должным образом, до конца сегодняшней ночи, так что, готовься, Ноэл.

Оставив её в кровати с разрумяненным лицом, раздвинутыми ногами и длинными рыжими волосами, раскинутыми по подушке, я направляюсь в ванную с улыбкой на лице.

Если я смогу пережить её отца — ненавистника молока, распутную тётю Бобби и брата-кокблокера, я переживу всё. Даже независимо от того, что происходит в этой семье, я уверен в этом.

Глава 7

Ноэл

Готовься, Ноэл.

Утренние слова Сэма, перед тем, как он ушёл в душ, всё ещё звучат в голове, несмотря на громкие споры в машине.

Этим утром, я едва не переспала с незнакомцем.

Я едва не переспала с мужчиной, который знает обо мне многое, чем большинство людей в моей жизни, и который заводит меня сильнее, чем все мужчины до него.

Я могла бы сейчас заниматься сексом, если бы не застряла в машине со всей семьёй, слушая их спор о том, как быстрее добраться до места, а потом их ругань, когда папа свернул не туда.

Николас был прав, когда ворвался к нам утром. Я шлюха. Я шлюшная шлюха, которая ведёт себя по-шлюшески, и которой должно быть стыдно. Я ТОЛЬКО что рассталась с парнем, с которым встречалась год. Да что там, это было три дня назад. Я думала, что пробуду с этим мужчиной очень долгое время, не смотря на то, что съёживаюсь от слов «навсегда» и «брак». Он был милым, хорошо со мной обращался, позволил переехать к нему, когда выросла аренда моей квартиры, и сделал совместную жизнь такой лёгкой, словно мы прожили вместе много лет. Может проблема в этом? С Логаном всё было слишком легко. Мы никогда не спорили, во всём были согласны, у меня никогда не было бабочек в животе или хотя бы намёка на возбуждение от взгляда или от прикосновения. Но стоит мне *подумать* о Сэме и о том, как ощущается его тело на мне, его твёрдость, трущаяся об меня, его язык в моём рту, — и моё бельё уже насквозь мокрое.

Не очень удобное чувство и не самые подходящие мысли, когда я зажата на втором ряду родительской машины с кричащей мамой с одной стороны и братом с другой. К сожалению, Сэма пришлось посадить на задний ряд с тётей Бобби, чтобы жена Николаса — Кейси, могла сидеть впереди с папой. Я уверена, кашель Сэма, повторяющийся каждые десять секунд, это вербальный крик о помощи, каждый раз, когда руки Бобби падают ему на колени, поскольку мы подпрыгиваем на колдобинах и входим в повороты на слишком высокой скорости.

Меня слишком сильно сжимают и, вытянув шею, я с сочувственной улыбкой смотрю на Сэма через плечо.

— Мы скоро приёдем, обещаю, — мягко говорю ему.

— Логан, прошлым вечером, когда я относил твою сумку наверх, я заметил надпись «сокс». О чём это? — обращается к нему папа, злобно таращась в зеркало заднего вида.

Дерьмо!

Сэм громко кашляет, пока я пытаюсь придумать объяснение, он продолжает кашлять и тётя Бобби обвивает его руками.

— Дыши, чёрт возьми, ДЫШИ! — кричит она и, схватив его за голову, тянет к своей груди.

Теперь Сэм по-настоящему кашляет, задыхаясь от паники, поскольку тётя Бобби прижимает его лицо к поддельному декольте[8], еле прикрытое красным свитером с глубоким вырезом.

---

8 Жилет, с силиконовой грудью изготовленный на заказ

— Я не понял про Сокс. Тебя зовут Логан Мастерс, почему на твоей сумке написано «сокс»? — снова спрашивает папа, не обращая внимания на умоляющее лицо Сэма в грудях тёти Бобби на заднем сидении.

— Господи Иисусе, Бобби, отпусти бедного мужчину, пока он не задохнулся! — недовольно сетует мама, побуждая тётю Бобби убрать руки от головы Сэма.

Отшатнувшись, он отодвигается от неё так далеко, насколько это возможно, всё ещё кашляя и сверля меня злобным взглядом.

— Парень в порядке. Теперь ответь на вопрос о «соксе», — напоминает папа.

— Ох, он любит носки, — неубедительно отвечаю я.

Николас фыркает рядом со мной, и я шлёпаю его по бедру.

— Это глупо, — говорит отец, и Сэм снова кашляет, вероятно, в знак согласия с тем, что ответ на самом деле глупый.

Сами попробуйте импровизировать, когда ваш мозг кричит о пропущенном оргазме, всё ещё ощущая большую, тёплую и очень умелую руку, поглаживающую вашу киску.

— Ага, носки. Он их коллекционирует. Ооооооочень любит носки, поэтому его прозвали Сокс, — добавляю я и, скрестив руки, свирепо смотрю на брата, пока он не подумал о чём-то глупом.

— Выбрала настоящего победителя, Леон. Коллекционер носков спит с тобой под родительской крышей, — смеётся Николас.

Мне нужно поработать над свирепым взглядом.

— НИКАКОГО МОЛОКА! — кричит папа с переднего сиденья.

Оторвав взгляд от дороги, папа разворачивается и злобно смотрит на Сэма, машина выезжает на встречную полосу, и мы все кричим.

Он быстро возвращает машину на нужную полосу и несколько минут все молчат, до тех пор, пока машина не паркуется. Двери распахиваются и все вылетают из машины.

Пока Николас помогает Кейси, своей очень беременной жене, обойти бордюр, мои родители и тётя Бобби направляются к дому, я жду Сэма, чтобы извиниться за катастрофу, которая сорвалась с моего языка.

— Не извиняйся, — прерывает он, как только я открываю рот. — Помни, за тобой должок и я возьму свою оплату тобой, голой, стонущей моё имя, как этим утром.

Вот так просто, моя вагина вспыхивает и хозяевам этого места больше не обязательно чистить дорожки от снега. Я могу просто сесть на тротуар и скользить по нему на заднице, как собака, пытающаяся почесать свой зад. Моя вагина растопила бы весь снег и лёд в считанные секунды.

Сэм берёт мою руку, переплетает наши пальцы, и мы идём по улице, чтобы присоединиться к моей семье на крыльце.

— Так, что это за место? — спрашивает он, осматривая жёлтый с зелёной отделкой двухэтажный дом в викторианском стиле. — Большая нога в окне, это лампа?

Услышав этот вопрос, моя семья замолкает, они поворачиваются и смотрят на него с широко открытыми ртами и выпучив глаза.

— Ты прикалываешься надо мной, чувак? Ээм, *это* лампа-нога. Ну, знаешь, та самая лампа-нога, — объявляет Николас.

Сэм пожимает плечами и трясёт головой.

— Это дом, где снимали «Рождественскую историю», — добавляю я, полагая, что это поможет ему вспомнить.

На его лице всё ещё озадаченность.

— Ну, знаешь, Ралфи, Рэнди, язык, прилипший к столбу? — спрашивает Кейси с улыбкой.

— Не-а, не знаю, — отвечает Сэм.

— Вау, какой придурок, — фыркает Николас, за что получает от меня очередной удар по руке.

— Чёрт возьми, Леон! Больно! — жалуется он, как долбаная плакса.

Все с грустью и сожалением смотрят на Сэма, как будто дело не в том, что он всего лишь никогда не слышал о «Рождественской истории», а в том, что кто-то, кого он любит, только что умер. Я понимаю это только потому, что этот фильм символизирует наше с Николасом детство и то, что дом, где этот фильм был снят, находится в часе езды от нашего дома и это очень важно. С тех пор, как одиннадцать лет назад дом открыли для экскурсий, у нас стало традицией, приезжать сюда, а вернувшись домой, пересматривать фильм. Это снова напомнило мне о том, что у Сэма нет семьи. Никогда не было и всё это абсолютно чуждо ему.

Пока папа покупает билеты у входной двери, я встаю на носочки и целую Сэма в щёку, его однодневная щетина царапает губы. Когда я опускаюсь, Сэм смотрит на меня и улыбается.

— За что это?

Я пожимаю плечами.

— Просто.

— Что ж, не стесняйся, в *любое время* и в любом месте, где пожелаешь, — подмигивает он.

Я в шутку ударяю его по руке, мы направляемся по коридору и входим в гостиную самого великолепного рождественского фильма из когда-либо снятых. Мои мысли переплетаются между образами Ральфи и Рэнди, открывающими подарки и моим ртом на подарочке Сэма. Мы проходим мимо работников дома, которые желают нам счастливого рождества, и каждый раз Сэм неловко улыбается и кивает им. Я знаю, он не поклонник праздников, но когда он отвечает всем, кто встречает его типичным рождественским приветствием, удивляет меня.

Прогуливаясь по дому, я рассказываю Сэму о сценах фильма из каждой комнаты — кухня, где Бампусы всей толпой ели ароматную индейку; лестница, где Ральфи стоял в розовом костюме кролика и, конечно же, переднее окно, где стоит огромная нога-лампа, высокая и величественная, а не сломанная и похороненная на заднем дворе.

Между комнатами, Николас воспользовался случаем, чтобы допросить Сэма о его жизни и, должна сказать, я горжусь тем, что он покашлял всего один раз, пытаясь вспомнить всё из быстрого рассказа о Логане, по дороге из аэропорта.

И этот кашель оправдан тем, что Николас спрашивает его, когда он собирается превратить меня в честную женщину, и сделать мне предложение. Хотя этот кашель больше от смеха, а не «Помоги мне сейчас же», за что он получает от меня очень косой взгляд.

Бедный Сэм подгорает как гамбургер на барбекю, Николас устроил ему блиц-опрос на протяжении всего тура по дому, обо всём, начиная с колледжа, в котором он учился и, заканчивая тем, со сколькими женщинами он спал. Сэм с легкостью отвечает на все вопросы, выдумывая ответы на те, которые не знает, это делает его ещё сексуальнее, чем он есть. Этот мужчина-военный только что вернулся из восемнадцатимесячного тура за границей и сразу попал в это безумие. На протяжении всего дня, он ведёт себя так, словно это его жизнь. Я когда-нибудь представляла так Логана? То есть, я всегда думала о его первом визите в мой дом и знакомстве с моей семьёй, планировала это в своей голове, но видела ли я всё таким гладким? Таким идеальным?

Ответ приходит незамедлительно: нет.

Логан из очень состоятельной семьи. На Рождество они предпочитают летать на неделю в Сент-Томас, отдыхать с первоклассным обслуживанием, загорать на пляже, а не ходить на экскурсию по дому из рождественского фильма восьмидесятых годов или

мириться с дядей/тётей-трансвеститом с блудливыми руками. Поэтому, я весь год собиралась с духом, чтобы пригласить Логана ко мне домой. Я знала, что проведя пять минут с моей семьёй, он посмотрел бы на меня по-другому. Я больше не была бы сильной, независимой женщиной, которая ездит по всей стране, чтобы жить своей жизнью. Я стала бы сумасшедшей девчонкой из среднего класса, с громкой и не соответствующей семьёй. С Логаном, я стеснялась своей семьи. Когда сейчас я смотрю на них, держа Сэма за руку, шучу и цитирую фразы из фильма, я счастлива, что мы вместе, я не стесняюсь быть здесь с Сэмом. Я счастлива, впервые за долгое время, и что-то в этом меня пугает. Как может парень, с которым я только что познакомилась, заставлять меня чувствовать это? Смотреть на свою семью по-другому и ценить их, а не хотеть спрятать подальше?

— Итак, Чёрный Барт, настал твой час, — неожиданно заявляет Николас и останавливается в центре гостиной с ружьём в руках, нацеленным на Сэма.

Я смеюсь цитате из фильма, но Сэм быстро отпускает мою руку, поднимает обе ладони и отходит с лёгким испугом на лице.

— Господи, не стреляй! Я больше не буду пить эгг-ног твоей сестры, клянусь! — паникует Сэм.

Прижав руку к его спине, я мягко поглаживаю её, стараясь не хихикать.

— Сэм, всё в порядке. Это ружьё из фильма, оно не заряжено, — мягко объясняю я, вся семья смеётся от его реакции.

— Ты выбьешь себе глаз, малыш, — добавляет тётя Бобби.

— Это настоящий «красный рейдер», карабин, двести выстрелов из пневматической винтовки! — радостно цитирует Николас, прижимая ружьё к плечу и целясь прямо в грудь Сэма.

Сэм вздыхает, опуская руки.

— Меня подстрелили из винтовки, чуть не оторвало ноги на мине, и я чуть не описался при виде ружья, — сетует он. — Это просто жалко.

— Не переживай, доктор Уринстан завтра поможет тебе, — говорит моя мама с улыбкой.

Николас со странным взглядом опускает ружьё, отец встаёт рядом с сыном и вопросительно смотрит на Сэма.

— Эм, помните? Он участвует в постановке в Оклахоме и просто репетирует, — выпаливаю я с натянутым смешком.

— Эта пьеса о рубеже веков с ковбоями, а не о снайперах и придорожных бомбах, — поясняет тётя Бобби. — Поверьте, я знаю Бродвей.

— Да, ну, эм, это современная версия об Афганистане и солдатах, — неубедительно говорю я. — Она очень обновлённая и… современная. Во всех театрах её ставят.

Взгляды присутствующих перемещаются между мной и Сэмом, и я очень хочу провалиться сквозь землю. Я никогда не умела врать и сейчас это вновь подтверждается.

— Я люблю носки, — неожиданно тихо говорит Сэм.

— Какой болван, — смеётся Николас, его пальцы случайно надавливают на спусковой крючок винтовки, пока он опускает ружьё.

Раздаётся хлопок, сопровождаемый самым громким криком, который я когда-либо слышала. Я поворачиваю голову к Сэму, в тот момент, когда он хватается руками за промежность и падает на колени.

— МАТЬ ТВОЮ! ОН ВЫСТРЕЛИЛ МНЕ В ЯЙЦА! — вопит Сэм.

— ВСЕ С ДОРОГИ! ЕМУ НУЖЕН РОТ, ЧТОБЫ РЕАНИМИРОВАТЬ ЯЙЦА! — кричит тётя Бобби, быстро шаркая к Сэму на своих четырёхдюймовых шпильках.

— Срань Господня, не могу поверить, что эта штука была заряжена, — размышляет Николас, любовно поглаживая ружьё, мама ударяет его по руке.

— Николас Холидэй, сейчас же извинись за то, что выстрелил бедному мужчине в яйца, — ругается она.

Присев рядом с Сэмом, я продолжаю гладить его по спине, пока он держится за своё достоинство и качается вперёд-назад, издавая скулящие звуки.

— Больно… матерь Божья, больно, — стонет он.

— Ты выбьешь себе яйца, ты выбьешь себе яйца! — напевает Николас, изменив слова песни из фильма.

Я отбрасываю руку тёти Бобби, когда она начинает гладить голову Сэма, и он громче стонет.

— Разойдитесь, ВСЕ! — кричу я. — Встретимся у машины.

Мама снова шлёпает Николаса, он извиняется и, поставив ружьё у стены за деревом, туда, где нашёл его, все тихо выходят за дверь.

— Мне жаль, мне так жаль, — извиняюсь я, продолжая поглаживать Сэма по спине, до тех пор, пока он не перестаёт раскачиваться и со стоном поднимается с колен. — Что я могу сделать?

Мой брат только что выстрелил ему в яйца. Если он не захотел уйти до этого, то уверена, что сейчас так и будет. Он полтора года выполнял свой долг, но получил ранение в орехи при первой семейной поездке со мной. Орехи, которые я даже не потрогала, чёрт возьми.

К чёрту быть убитой горем, безработной и бездомной. Я больше не беспокоюсь об этом дерьме. Всё будет ещё хуже, если Сэм решит, что с него достаточно и уйдёт.

Сэм убирает руки от члена и медленно поворачивается ко мне, пока я готовлюсь к его заявлению о том, что игра окончена, и он уходит.

— Я забуду о том, что это случилось, если ты оденешься как медсестра и поцелуями снимешь мою боль, — мягко говорит он, с ухмылкой на губах.

Я бью его по руке и разворачиваюсь, что бы пойти к входной двери. Не могу поверить, я только что с грустью думала, что он собирается уходить.

Раздаются шаги по паркету, и я не успеваю подойти к двери, как его руки оборачиваются вокруг меня и прижимают к своей груди. Позади я чувствую что-то твёрдое прижимающееся к моему заду и смотрю на него через плечо.

— Прости, я подумал о тебе в образе шаловливой медсестры, и он просто выскочил ниоткуда, — Сэм пожимает плечами, крепче прижимая меня к себе. — В конце концов, мы знаем, он не сломан, так что…

Всё, о чём я могу думать, пока он прижимается не сломанным пенисом к моему заду, это о том, что если бы Логан был сейчас здесь, скорая уже ехала бы сюда и, вероятно, у него на линии уже был бы адвокат, угрожающий подать в суд на моего брата за травму яиц.

— Идём, мой особенный пациент. Давай отвезём тебя домой и приложим замороженный горошек к твоему хозяйству, — хихикаю я, освобождаясь из его объятий, и беру за руку, чтобы вернуться к машине, где ждёт моя семья. Моя семья, которая ничем не может напугать Сэма, что ставит меня на опасную границу влюблённости в этого парня… и это просто не может произойти.

Глава 8

Сэм

— Ты бы выбрал пить испорченный Эгг-ног весь год или есть заплесневелые рождественские печеньки? — спрашивает меня Николас.

— ЗАПЛЕСНЕВЕЛЫЕ ПЕЧЕНЬКИ! ЗАПЛЕСНЕВЕЛЫЕ ПЕЧЕНЬКИ! — кричу я, уставившись на папу Ноэл, чтобы убедиться, что он не подкрался с ружьём из того дома и не направляет его мне в лицо, готовый выстрелить, если я отвечу неправильно.

После экскурсии, мы вернулись в дом её родителей и уселись в гостиной смотреть фильм о доме, в котором побывали. Я жаловался Ноэл, что от всех этих криков и плача детей у меня кровоточат уши, но честно говоря, это было забавно. Наблюдения за тем, как Ноэл с братом повторяют все строки из фильма, вызывают боль в груди с осознанием того, насколько Ноэл посчастливилось расти в такой атмосфере. С этими людьми. Уверен, они безумные и неадекватные, но они, несомненно, любят друг друга. Они любят проводить время вместе, и всё что я могу делать, это смотреть на них и мечтать о том, чтобы у меня в детстве был хотя бы кусочек такой жизни.

Во время просмотра фильма, мама Ноэл принесла нам рождественское печенье и горячий шоколад с крошечным зефиром. Она приносила пакеты с замороженными овощами, кладя новый мне на промежность, как только старый начинал таять. Вскоре, я сменил два пакета горошка и три пакета кукурузы. Я не хочу говорить ей, что мои яйца больше не болят, потому что она выглядит такой, чертовски счастливой возвращаясь с кухни с новым замороженным пакетом. Это так… по-матерински. Это очень странно для меня, тем не менее, я наслаждаюсь каждой минутой. У меня когда-нибудь был кто-то, кто так заботился обо мне? Я привязался не только к Ноэл, но и к её семье и это не очень хорошая идея. Через пару дней, я вернусь в свой грустный, одинокий дом в Мухосранске, а Ноэл полетит в Сиэтл и, возможно, даже помирится с этим тупицей Логаном. Я не могу позволить себе привязаться к чему-то, что мгновенно выскользнет из моих пальцев, но я ничего не могу с этим сделать.

Сейчас Ноэл свернулась рядом со мной на кушетке, поджав по себя ноги. Моя рука лежит на кушетке позади неё, я накручиваю прядь её волос на палец, пока мы играем в рождественскую версию игры «Что бы ты выбрал».

В камине потрескивает огонь, в углу светится рождественская ель, и мне даже не захотелось никого ударить, когда по радио заиграл «Ослик Доминик».

Ага, мне становится слишком комфортно, и я слишком привязываюсь.

— Ты бы выбрала заняться сексом с Сантой или с его эльфами? — спрашивает Николас у тёти Бобби.

— Сложный выбор, — размышляет она, отпивая горячий шоколад, который я уверен, разбавлен водкой, моя уверенность основана на том, как она шатается на своём стуле и уже несколько раз чуть не упала с него.

— Хорошего тела должно быть много, Санта в этом лучше подходит, но эльфы крошечные и смогут уместиться в маленьком помещении, — добавляет она. — И я считаю, что эти заострённые ушки можно использовать во благо.

Все вздрагивают, и Ноэл стонет от отвращения.

— Итак, Логан, должна сказать, я думала, что моя дочь приедет домой с кольцом на пальце, — внезапно говорит мама Ноэл, прерывая игру.

— Мам! — протестует Ноэл, ёрзая рядом со мной.

Я перестаю играть с её волосами и перемещаю руку на её плечо, нежно сжимая его.

— Правда, Леон, пришло время остепениться. Посмотри, как счастлив твой брат. Разве ты не хочешь того же для себя? — умоляет её мама. — Ты мечешься с одной работы на другую, от одного парня к другому и я просто предположила, что раз уж с Логаном ты дольше двух недель, значит у вас всё серьёзно. Ты ведь не молодеешь, дорогая.

— Мам, хватит. Сейчас не время, — умоляет Ноэл, смущённо глядя на меня.

— Леон никогда не остепенится, мам, смирись с этим. Просто порадуйся тому, что у тебя есть один идеальный ребёнок и отпусти это, — со смехом говорит Николас, поглаживая огромный беременный живот Кейси.

— Ты ведь говорила, что Логан спрашивал размер твоего кольца? Когда мы говорили по телефону пару недель назад, ты в панике рассказала мне, что он спрашивал, так что прости, если я просто предположила, что ты приедешь домой с кольцом на пальце, — объясняет её мама, игнорируя Николаса.

— Эм, это для его бабушки, — тихо говорит Ноэл. — Полагаю, у нас один размер и он хотел купить ей что-то на Рождество, правда, милый?

Она смотрит на меня большими, умоляющими глазами и я ободряюще улыбаюсь ей.

— Ага, так и было. Кольцо для моей бабушки, — сообщаю я. — Но не волнуйтесь, скоро у Ноэл будет кольцо, я просто жду подходящее время. Она достойна самого лучшего, и я хочу, чтобы всё было идеально, как она.

Тётя Бобби вздыхает с мечтательным взглядом и допивает остатки горячего шоколада, а мама Ноэл печально качает головой.

— У тебя руки как у бабушки? Святой Грюйер, дитя. Сколько раз я говорила тебе об увлажнении? — стонет она.

Ноэл продолжает нервно ёрзать рядом со мной, и у меня появляется желание защитить её и сказать всем в комнате, чтобы катились к чертям. Кого волнует то, что она ещё не остепенилась или то, что она часто меняет работу? Она красивая, умная и весёлая, и она пригласила домой на Рождество незнакомца, так что они не будут разочарованы. Я никогда не встречал кого-то, кто проходил бы через такие проблемы ради кого-то, не говоря уже о семье.

— Ноэл самая потрясающая женщина, которую я когда-либо встречал. Она добрая, умная и ставит потребности других выше своих собственных. Я никогда не встречал более самоотверженной, потрясающей женщины, чем она и поверьте, было бы честью, если бы однажды она стала моей женой, — мягко высказываюсь я, смотря прямо на Ноэл, блокируя всех остальных в комнате, внезапно замолчавших, включая Ноэл.

— Ты знаешь, — тихо говорю я. — Ты потрясающая.

Кончиками пальцев я убираю её длинную чёлку, чтобы видеть её глаза и посмотреть, как они наполняются слезами. Я сразу же чувствую себя плохо. У меня не было намерений расстроить её. Я просто хотел, чтобы она знала, что не важно, что говорит её семья, она замечательная женщина, и она не должна чувствовать себя плохо от решений, которые принимает в своей жизни. Я никогда не думал о браке или о том, чтобы провести жизнь с одним человеком, но сидя здесь и глядя на Ноэл, такую тихую и грустную, я ничего не хочу больше, чем укрыть её своими руками и провести так вечность, убеждая её, что она идеальна в моих глазах.

Я выжил из ума. Вся эта счастливая семья и рождественская херня сделали меня слабаком. Почему, чёрт возьми, меня это не разозлило? Почему мысли о том, чтобы провести остаток жизни с этой женщиной, делают меня счастливым, вместо боли в животе? Мы едва знаем друг друга.

Может, мне просто нужен секс? Может тогда, все эти чувства исчезнут, и я стану нормальным. Снова стану счастливым в своей тихой солдатской жизни, в которой нет угроз тухлыми Эгг-ногами и выстрелов в яйца.

— Думаю, мне нужен воздух, — внезапно произносит Ноэл, спуская ноги с кушетки. — С-оооган, как на счёт прогулки?

Она снова чуть не проговорилась и не назвала меня Сэмом и часть меня хочет, чтобы это произошло. Просто сказать моё имя перед всеми и забыть об этой шараде. Сказать им кто я, почему я здесь и разделаться с этим дерьмом. Но я знаю, это не произойдёт, пока она не будет готова. Будет очень плохо, её семья продолжит надоедать ей по поводу её жизни и это никогда не закончится, если она откроет правду обо мне.

Я встаю с дивана и беру её протянутую руку, пока она говорит всем в комнате, что собирается показать мне освещение на заднем дворе. Я понял ранее, что лужайка перед домом, всего лишь маленький кусочек освещения, а задний двор — это зимняя страна чудес, где можно идти по дорожке освещённой светом карамельной трости, и увидеть всё на судейской ночи конкурса освещения. Я видел кое-что из задних окон в доме, но Ноэл обещала, что всё покажет. Сейчас идеальное время убраться подальше от её семьи на пару минут, чтобы освежить голову, так что я сделаю всё, что она хочет, даже если это не включает её голую на морозе.

Ноэл не говорит ни слова, пока мы идём к задней двери и я помогаю ей надеть зимнее пальто. Я начинаю гадать, не перешёл ли я границу, сказав лишнего, и она разозлилась на меня. Я должен быть её парнем, а парни говорят подобную херню о своих девушках, так ведь? Было не так, что я вышел из образа и сказал ей это, чтобы она чувствовала себя лучше. Ей не нужно знать, что я не играл и на самом деле так считаю.

Надев своё пальто, я пожимаю плечами, пока она открывает дверь и шагает по снегу, который идёт с тех пор, как мы вернулись из поездки. Температура падает, солнце уже село, и только яркие мигающие огни освещают нам путь на задний двор.

— Ноэл, я…

— Заткнись, — обрывает она меня резким шепотом, шагая так быстро, что мне приходится бежать по снегу, чтобы успевать за ней.

Ага, она определённо разозлилась. Может мои слова были не свойственны болвану Логану и поэтому она взбесилась. Что, если её семья знает, что он не говорит ей подобные приятные вещи и я только что всё испортил?

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

— Дай мне просто…

— Серьёзно, заткнись, — снова оборвав меня от попытки извиниться, она возвращается, берёт меня за руку и тянет за собой.

Мы идём так быстро, что я едва улавливаю вспышки рождественских огней во дворе. Огни освещают мягко падающий снег. Мы проходим по коридору мигающих белых огней. Гигантские красные сани наполнены подарками, обёрнутыми разноцветной фольгой. Светящиеся пластиковые фигурки усеивают каждый дюйм от Санты до снеговика и огромного имбирного домика с анимированными имбирными кружащимися мужчинами.

Ноэл молча продолжает тянуть меня за собой, пока мы не подходим к большому амбару в акре от дома, крыша которого украшена разноцветными огнями и на двери значится «Мастерская Санты».

Она открывает дверь и пропускает меня внутрь, быстро захлопывая её за нами. В центре комнаты стоит огромный, красный стул, отделанный золотом, и я понимаю, что мы на самом деле в мастерской Санты, а я смотрю на трон толстого мужика. В углу комнаты стоит маленький электрический камин, Ноэл включает его и комнату заполняет тепло и яркое пламя искусственного огня.

— Прости, если зашёл слишком далеко, — наконец говорю я, надеясь, что она не прервёт меня и даст всё объяснить. Я не собираюсь говорить, что на самом деле имел это

в виду, потому что не хочу выглядеть слабаком, который влюбился в женщину через день после знакомства.

Она ничего не отвечает, просто расстёгивает пальто, снимает его и бросает на пол. Она подходит ко мне, разворачивает и толкает назад, пока мои ноги не врезаются в красный трон, и я падаю на него.

У меня отвисает челюсть, когда она опускается на колени между моих ног и тянется к молнии на моих джинсах.

— Чччто ты делаешь? — заикаюсь я. Она проворно расстёгивает мои джинсы и пробегает ладонью по выпуклости на моих чёрных боксерах.

— Ох, Господи, — шепчу я, пока она поглаживает рукой мой член, твердеющий с того момента, как она опустилась на колени. — Серьёзно, что ты делаешь?

То есть, я знаю, что она делает, но… ЧТО ОНА ДЕЛАЕТ?

Она движется к резинке боксеров, умело оттягивает её и скользит рукой по моему члену. У меня нет выбора, кроме как поднять бёдра, чтобы она спустила боксеры вместе с джинсами. Она стягивает всё и видит каждый дюйм моего члена, и я благодарю Бога, что она включила камин, иначе я бы разрыдался, обвиняя холодный воздух в скукоживании.

Спасибо Господи, что она включила камин.

— Что ты делаешь? Ты не должна это делать, — говорю я между стонами, пока она обвивает рукой мою длину и скользит вверх вниз.

— Это «в любом месте, в любое время», заткнись, — бормочет она, используя отговорку, которой воспользовалась ранее в рождественском доме, когда поцеловала меня в щёку.

Из моего горла вырывается сдавленный стон, когда она накрывает головку члена своими горячими, влажными губами.

— Чёрт возьми, святая матерь Божья, — выпаливаю я, когда она полностью заглатывает член, пока он не упирается ей в горло.

Моя голова падает на красный вельветовый трон, но я заставляю глаза открыться и смотрю на неё вместо того, чтобы закрыть их от удовольствия, пока её рот движется вверх и вниз по поему члену, посасывая головку и кружа языком.

Прямо как во сне, который я видел этим утром, только лучше. Чертовски лучше. Лаская мой член своим волшебным ртом, она снова начинает водить рукой по стволу. Звуки, которые слетают с моих губ, это бессвязная тарабарщина, но мне плевать на всё, кроме ощущения её горячего рта и знающего языка, как никогда работающих на моём члене. Я так сильно хватаюсь за ручки стула, что боюсь сломать эту проклятую штуку, поскольку Ноэл ускоряет движение и сосёт интенсивнее. Грустно, что яйца так быстро наполняются и оргазм нагоняет меня. Это так, но я просто списываю вину на то, что я был в военной зоне восемнадцать месяцев и пользовался только рукой. Вообще-то я уверен, что всё дело в Ноэл. Я чувствую, что она может сделать мне сотню минетов, и я кончал бы так же быстро, потому что ЭТО хорошо.

Святое дерьмо, её рот должен быть запрещён законом.

Чмокающие звуки минета наполняют комнату, заставляет оргазм подступать так быстро, что даже осознание того, что я сейчас кончу там, где дети сидят на коленях у Санты не может остановить его.

— Чёрт, дерьмо, Ноэл… я сейчас кончу, малышка, — предупреждаю её, моё освобождение берёт небольшую паузу на слове малышка.

Я не хочу быть одним из тех типичных идиотов, которые называют женщину «малышкой» просто из-за того, что её рот на его члене. Оно вырвалось и я *чувствую*, что это правильно и не просто потому, что её рот действительно на моём члене. Она сосёт всё быстрее и быстрее, её щёки втянуты от усердия пока она продолжает глубоко заглатывать меня.

Другой рукой она присоединяется к веселью, массируя мои яйца теплыми пальцами и вот оно. Игра окончена. Я пропал.

— Дерьмо! Чёрт! Я кончаю, — я снова предупреждаю её, не желая извергнуться ей в рот и вызвать отвращение, если вдруг она не любительница подобного.

Ноэл даже не останавливается, полностью взяв мой член в рот, мои бёдра толкаются вперёд, и я кончаю интенсивнее, чем когда-либо в жизни, рукой она всё ещё ласкает мои яйца, пока я кричу и ругаюсь в своём освобождении. Она проглатывает каждую каплю моей спермы, и я становлюсь одним из тех типичных парней. Я должен прикусить язык, пока не сказал что-то глупое, типа признания в любви, между рыданиями от удовольствия.

Она медленно двигает губами вверх вниз по члену, мои бёдра продолжают судорожно дёргаться, пока оргазм, наконец, не стихает и мой зад падает обратно на стул.

— Святой, мать его, Иисус, — бормочу я, когда она отрывается от моего члена, напоследок целует головку и откидывается на пятки.

Проведя тыльной стороной ладони по губам, она быстро поднимается, я засовываю член в боксеры, встаю на трясущихся ногах, чтобы натянуть джинсы и застёгиваю их.

— Ты только что сделала мне минет на троне Санты, — тупо говорю я, когда застёгиваю джинсы и поправляю рубашку.

Я должен благодарить её, говорить, как она хороша, упасть на колени, разорвать на ней штаны и отблагодарить её, но всё, что я могу делать, это стоять в мастерской Санты и говорить очевидное.

Я отупел от оргазма.

— Надеюсь, ты просил Санту об этом, иначе будет странно, если ты просил только велосипед, — улыбаясь, поддразнивает она, поднимает пальто с пола и надевает его.

Я хихикаю, пока она наклоняется и выключает камин, мой член снова шевелится в штанах, от вида её задницы в этих узких джинсах.

— Ну, я хотел «красный рейдер», карабин, двести выстрелов из пневматической винтовки, но полагаю это тоже хорошо, — говорю я, беру её руку и тяну к себе, пока её тело не прижимается к моему.

— Ооууууу, ты процитировал «Рождественскую историю», — она смотрит мне в глаза. Несмотря на то, что это я должен улыбаться после произошедшего, но мне нравится снова видеть её весёлой после чепухи, которую ранее наговорили её родители.

— Ты не должна была это делать, — напоминаю я ей, прижимая её ближе и интересуясь, почему она так идеально подходит мне, словно она была создана только для меня.

— Никто раньше не говорил обо мне так. Никогда, — шепчет она. — И не важно, если ты просто играл. Я поняла это, но всё в порядке. Просто… спасибо. Спасибо, что защищаешь меня, даже если ты не имел это в виду.

Она поднимается на носочках, прижимается своими губами к моим и обхватывает моё лицо ладонями. Без языка, без жара, мягкое прикосновение губ к губам и снова появляется боль в груди, которая перехватывает дыхание. Она отрывается и смотрит мне в глаза, и я не могу остановить слова, слетающие с языка, даже если хочу.

— Что если я говорил всерьёз каждое слово? — мягко спрашиваю я.

Она моргает, и я задерживаю дыхание, ожидая, что она назовёт меня безумцем или даже посмеётся за сказанную глупость.

Момент разрушает стук в дверь и Ноэл громко вздыхает, когда раздаётся голос Николаса.

— Каждый раз, когда вы трахаетесь в мастерской Санты, Бог убивает котёнка! Ужин готов, вы шлюшки, идите в дом!

Я убираю руки от Ноэл, и мы слышим скрип ботинок её брата по снегу, он возвращается в дом.

— Веселье закончено, — информирует меня Ноэл и, взяв за руку, толкает к двери. — Мама сделала ветчину, картошку с сыром и яблочный пирог, это должно всё улучшить.

Мой живот громко урчит и Ноэл смеётся. Выйдя на улицу, мы снова проходим через Рождественское освещение и в этот раз я могу всё рассмотреть, она указывает на декорации, которые я не заметил в первый раз.

Я определённо привязываюсь к этой девушке и её семье. Как, чёрт возьми, я смогу уйти через пару дней?

Глава 9

Ноэл

Здравствуйте, меня зовут Ноэл, и я сексуально озабоченная.

Я хочу выругаться на Сэма, пока он стоит в нескольких футах от меня, осматривая стойку со свитерами в «Macy's», но это не его вина, я чувствую, что мне нужно на встречу анонимных сексоголиков. После космического минета — если можно так сказать — который я сделала ему в мастерской Санты, мы двадцать минут спорили в моей спальне о том, что он снова будет спать на полу. Он хотел отплатить мне оргазмом, а я не хотела, чтобы он чувствовал себя обязанным делать это. Я сосала его член не для того, чтобы отплатить ему за то, что он говорит все эти хорошие вещи обо мне. Ладно, может быть я и утащила его по этой причине, но как только я расстегнула его штаны и увидела «прекрасный подарочек» внутри, я очень, *очень* хотела прикоснуться к нему ртом. Забудьте прозвище Сокс. Отныне и навсегда он будет называться Ханг *(прим. перев.: Hung — болтающийся)*. Я чувствовала, что было бы безопаснее, если он снова поспит на полу, вместо того, чтобы засыпать на моей двуспальной кровати в объятиях горячего, сексуального, соблазнительного, великолепного мужчины. Я ни за что не смогу сопротивляться сексу с ним, если он будет рядом со мной в кровати.

Не знаю, что, черт возьми, со мной не так. То я грущу о том, что он уедет после Рождества, то я всего лишь хочу заняться с ним сексом и потом, в другое мгновение, я снова хочу, чтобы он остался навсегда. Для секса.

Ладно, хорошо, и из-за него тоже. Он просто такой… идеальный. Мой мозг дымится от постоянного возбуждения, каждый раз, когда я смотрю на него, без возможности умерить свой пыл. Еще раз, во всем виновата я. Он был более чем готов, заняться этим прошлой ночью, а я отшила его. Сказала ему, что это нормально и было только для него, что я не ожидала ничего взамен, бла, бла, бла, я облажалась.

— Что думаешь насчет этого? Твоя тетя Бобби любит голубой? — Сэм спрашивает, держа светло голубой свитер с маленькими сверкающими кристаллами, украшающими вырез.

— Сэм, я уже говорила тебе, ты не должен покупать подарки моей семье, — я настаиваю в десятый раз с тех пор, как мы приехали в торговый центр.

Сегодня день семейных покупок. Мы всегда приезжаем в торговый центр «Грэйт Нортерн» за два дня до Рождества, чтобы сделать покупки в последнюю минуту, носимся от одного конца торгового центра к другому, а потом встречаемся все вместе, чтобы пообедать в фуд-корте *(прим.: место, где расположены кафе фаст-фуда).* Спасибо, Господи, за то, что я купила большинство подарков до того, как потеряла работу, и привезла их с собой. Я должна сохранить мизерный сберегательный счет, до тех пор пока, не найду новую работу и получу первую зарплату. И мне нужно будет оплатить вперед за первый и последний месяцы аренды новой квартиры, когда я вернусь в Сиэтл.

Черт, даже мысль о возвращении в Сиэтл расстраивает меня. Я люблю Сиэтл, я люблю друзей, которые у меня там появились, и нет ни одной оправданной причины, почему мысль о возвращении в Сиэтл огорчает меня.

— Они пустили меня в свой дом, и они кормят меня. Конечно, я куплю им подарки, — Сэм говорит мне, убирая голубой свитер подмышку и двигаясь к следующей стойке, на которой, по совпадению, стоят предметы с тематикой «Рождественской истории».

Ага, вот оно. Первая причина того, почему возвращение в Сиэтл, заставляет меня чувствовать себя как подросток эмо.

Сэм берет вязаную шапочку с лицом Ральфи и надписью на ней «Ты выбьешь себе глаз!», Сэм смеется, и кладет ее подмышку к свитеру.

— Да, Николас получит это. Вау, у них даже есть такие же носки! Ох, Боже мой, посмотри на это! Это же настоящий пистолет «красный райдер»! — он восклицает взволнованно.

От наблюдения за ним, ходящим от вещи к вещи, сующим больше и больше вещей для моей семьи подмышку, я хочу сесть на пол посреди магазина и реветь как ребенок. Когда Логан узнал, что я беру его с собой домой на Рождество, знакомить с родителями, он спросил, сколько было бы целесообразно потратить на подарочные карты Visa для каждого. Я только улыбнулась и сказала ему, сколько он захочет, а на самом деле мне нужно было бы сказать ему, что подарочные карты это дерьмовый подарок. Узнай людей, узнай, что они любят и какие у них интересы, а потом подбери особенный для них подарок. У Сэма никогда не было семьи, никогда не было кого-то, с кем он бы праздновал Рождество, а он уже знает, как надлежащим образом делать праздничные покупки — заботливые, значащие подарки, не просто маленькие куски пластика, говорящие «Я тебя не знаю и не пытаюсь узнать. Здесь немного деньжат, повеселись».

Сэм теснится у другой витрины, которая наполнена подарочными коробками с разными рождественскими колбасами, джемами, крекерами и сырами, сразу же хватает коробку с красным бантом и поворачивает ее ко мне, давясь от смеха.

— Коробка с пятнадцатью разными сырами, десятью пакетиками горячего шоколада и двумя кружками, на которых написано «Кружки для Эгг-нога». Ага, твой папа получит этот особый молочный набор, — он смеется.

Заплакать или сделать ему минет? Заплакать или сделать ему минет?

Сейчас происходит настоящая жеребьевка, когда нужно выбрать, правильный вариант, чтобы показать ему, как сильно я ценю то, что он делает. Когда мы только отошли от моей семьи на входе в торговый центр, он сказал мне, что не знает с чего начинать рождественские покупки, и тогда я сказала ему, что ему не нужно ничего никому покупать. Я хотела крепко обнять его и прижать, дать ему знать, как мне жаль, что у него никогда не было ничего такого в детстве, но я знала, что такой парень как он, никогда не захочет моей жалости. Тем временем, мы пришли во второй магазин, он делал рождественские покупки в тишине.

— Ладно, у меня уже нет места держать всю эту хрень, мне, наверное, нужно расплатиться, — говорит Сэм, пока я следую за ним к одной из касс.

Мягкие мелодии рождественской музыки преследуют нас из магазина в магазин все утро, и когда мы подходим к кассе, и Сэм бросает свои покупки на стойку, я слышу конец «Jingle Bells» и начальные нотки «Ослика Доминика». Как только я открываю рот, чтобы извиниться перед ним или засмеяться, я слышу, как он издает звуки, пока лезет в задний карман за кошельком, и я понимаю, что он подпевает песне.

Может, он не настолько сильно ненавидит Рождество, как говорит. То есть, он прошел через ад рождественского шоппинга в преддверии большого дня, все еще не зарычал и не проклял ни одного из толкающихся без извинений идиотов, а сейчас он напевает худшую песню в мире. Все еще есть надежда!

— Счастливого рождества! — кассир говорит Сэму, вручая ему чек и огромный красный пакет с ручками.

— Эм, ага, — он бормочет, забирая пакет и быстро отворачиваясь от нее.

Ладно, здесь есть еще над чем поработать.

Я спешу, чтобы догнать его, пока он протягивает мне свою руку, как будто это самое обычное дело в мире, и я беру ее, как будто, так и должно быть. Как будто мы годами вместе делаем рождественские покупки. Как будто мы настоящая пара, наслаждающаяся украшениями торгового центра, свисающими с каждого входа. Как, черт подери, я вернусь к своей скучной, глупой, безработной, бездомной жизни в Сиэтле через несколько дней, и оставлю его здесь?

— Итак, почему ты никогда никому не желаешь счастливого Рождества? — спрашиваю я, наконец-то решившись задать вопрос, который у меня в голове с ночи, когда я встретила его, и он не ответил бармену, когда оплатил наш счет.

Сэм пожимает плечами, замедляясь, пока мы идем рука об руку, смотря в витрины магазинов, которые мы обошли.

— Просто, это так поверхностно для меня. Люди просто выговаривают это в ответ, потому что этого от них ждут, не потому что они на самом деле это имеют в виду, — он объясняет, останавливаясь напротив магазина, чтобы осмотреть витрину Северного полюса, заполненную ватой по всему полу для образа снега, анимированные Санта и миссис Клаус тянутся друг к другу для поцелуя каждые пять секунд. — Не знаю, звучит бессмысленно, повторять это кому-то, когда я не в рождественском настроении и никогда не отмечал рождество. Если я говорю это кому-то, я хочу желать этого. Я хочу чувствовать дух Рождества и радоваться праздникам, иначе это просто дерьмо.

Я смотрю на его профиль, слезы наворачиваются на глаза, быстро смахиваю их, когда он поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Я, должно быть, выгляжу как огромный котенок, не так ли? — он говорит со смущенным смешком.

— Нет. В этом есть смысл, теперь, когда ты объяснил. А я думала, что ты просто мудак, — я усмехаюсь, пытаясь смягчить ситуацию.

Смеясь, он поворачивает наши сплетенные руки, обвивая мою спину, и притягивает меня к себе, прижимаясь грудью ко мне.

— Ну, отчасти, я мудак. Тем более что я все еще не довел тебя до волнующего оргазма после того, как Санта подарил мне то, что я хотел на Рождество, — он задумывается, его горячий взгляд фиксируется на моем рту.

От аромата его легкого, древесного парфюма, окружившего меня, тепла его тела, разжигающего огонь во мне, от его сильной руки, обернутой вокруг моей поясницы, я хочу упасть на пол перед всем «Bath and Body Works» и затрахать его до смерти *(прим.: Bath and Body Works — гипермаркет парфюмерии).*

К черту быть хорошей девочкой, которая не должна спать с парнем, только познакомившись. То есть, у меня во рту уже был его член, может уже пустить его в другие места.

Включи шлюху, БУДЬ шлюхой. Я хочу делать развратные, грязные вещи с этим мужчиной, последствия будут дьявольскими.

— Назови время и место, и мой оргазм — твой оргазм, — отвечаю я.

Сэм рычит. Он на самом деле *рычит*, низко и хрипло, как будто он хочет напасть на меня прямо здесь, прямо сейчас.

Чек, пожалуйста!

— Ты убиваешь меня, ты знаешь это? — шепчет. — Я не ничего не могу делать, кроме как думать о том, чтобы быть внутри тебя с тех пор, как встретил тебя, а сейчас ты говоришь такое, когда мы торговом центре, переполненном рождественскими покупателями. И твоя семья, которая, если меня не подводит память, наверняка, прервет все то, что мы будем делать.

Я вздыхаю и делаю шаг назад от него, пока не кончила прямо здесь и не сказала ему, чтобы он затащил меня в ближайшую уборную, и выполнил все эти штучки типа *быть внутри* меня. Господи, есть что-либо сексуальнее, чем когда великолепный мужчина, говорит тебе низким голосом, что он думает только о том, чтобы быть в тебе? Нет, думаю, что нет. Хотите узнать, что самое сексуальное говорил мне Логан? *Детка, мы сделаем это по-быстрому. Я должен быть на встрече через двадцать минут*.

Сэм и я продолжаем идти, и он затягивает меня в большой бутик, заваленный платьями.

— Разве ты не говорила, что тебе нужно, что-то для Сочельника? — он спрашивает, когда я сомневаюсь в его выборе магазина.

Дерьмо, платье для Сочельника.

Моя мама ожидает, что на ужин, в сочельник, все оденутся официально, я забыла взять что-либо приличное, кроме джинсов, свитеров и «моих штанов после секса», которые я схватила, торопясь убраться из нашей с Логаном квартиры до того, как он вернется с работы. Мы проходим по тускло освещенному магазину, в котором играет громкая рождественская рок-музыка. Совершенно противоположная мягкому, романтичному свету белых огоньков, свисающих с потолка, и подвешенным блестящим снежинкам.

Я смотрю на пару ценников, пока мы идем от стойки к стойке, мысленно считаю, сколько у меня на счету, и сколько я могу позволить себе потратить на платье, которое одену только один раз. Если я хочу провести ужин в честь Сочельника, слушая плач мамы, вопли и жалобы её о том, что я снова порчу свою жизнь и никогда не повзрослею, то я могла бы просто сказать правду о том, что потеряла работу и ей придется смириться со мной, одевшейся в джинсы и свитер на ужин.

Сэм берет с одной из стоек темно-зеленое платье с зап***а***хом, с низким вырезом и вручает мне.

— Примерь его. Я оплачу, — говорит он мне.

— Ты не купишь мне платье, — я ворчу, отказываясь брать его в руки.

— Ладно, тогда пусть это будет оплата за всю еду, которую я съел за последние пару дней, — он отвечает, проверяя ценник на рукаве в три четверти. — Я определенно набил щеки, по крайней мере, на 92.75 доллара.

Он снова протягивает мне платье, с суровым взглядом, который предупреждает меня не спорить с ним снова. Он не говорит ничего о том, что я не могу позволить себе это платье, и не напоминает мне, что у меня нет работы. Ничего из того, из-за чего я бы чувствовала себя неудачницей. От того, что он не говорит ничего, кроме оправдания покупки платья как оплату за еду, я хочу прыгнуть к нему на руки, и умолять его не бросать меня никогда.

С выдохом, я вырываю вешалку из его рук, вместо того, чтобы сделать что-нибудь глупое.

— Ух, ладно! Но если эта вещь будет дерьмово смотреться на мне, не смейся.

Он тихо следует за мной вглубь практически пустого магазина, и я захожу в примерочную, грубовато хлопнув дверью.

Почему он так хорош? Если бы он просто сказал что-нибудь дурацкое вроде того, что он оплатит платье, потому что знает, что я не могу позволить себе его, мое сердце не вырывалось бы из груди, и я бы не делала все, что могу, чтобы заставить себя не влюбиться в него.

Стягивая угги, свитер и джинсы, я бросаю их беспорядочно на пол и через голову натягиваю платье, завязываю зеленую атласную ленту, прямо над бедрами. Взглянув на себя, я благодарю Бога за то, что надела красный кружевной бра с глубоким вырезом этим утром и из глубокого выреза платья ничего не торчит. Все что можно увидеть, это вырез. Очень-очень глубокий вырез, спасибо моему третьему размеру, сжатому в этом бра.

Ладно, это платье довольно милое. Оно ниспадает прямо мне до колен и разлетается, когда я двигаю бердами из стороны в сторону. Сэм выбрал хороший цвет, сочетающийся с моими длинными темно-рыжими волосами. Поворачивая дверную ручку, я выхожу, чтобы убедиться, что Сэм заплатит за платье. Нахожу его стоящего в нескольких футах, неудобно перекладывающего пакет с подарками из одной руки в другую, работники магазина интересуются, не нужна ли ему помощь.

Я громко кашляю, и он поворачивает голову в мою сторону, побуждая консультантов наконец-то уйти и отстать от него. Его лицо ничего не выражает, пока он смотрит на меня сверху вниз, и я начинаю оттягивать подол платья, задаваясь вопросом, на самом ли деле я выгляжу дерьмово. Может зеленый не мой цвет. Может мои сиськи выглядят как мешок дерьма, а не как высокая и изящная грудь.

Черт побери, почему он ничего не говорит?

— Я знаю. Я выгляжу дерьмово, — я выдыхаю, раздраженно подняв руки. Быстро разворачиваясь, топаю обратно в примерочную, захлопываю за собой дверь, но не слышу щелчка. Когда начинаю разворачиваться, внезапно меня окружает мужчина, и я слышу, как он ногой закрывает дверь.

— Эм, это женская примерочная, что ты делаешь? — выговариваю я, пытаясь возмущаться, но не могу, когда слышу, как его пакет с покупками падает на пол и чувствую, что его ладони медленно двигаются по моим бедрам.

— Черт возьми, что ты делаешь? — я шепчу, когда его руки двигаются с внешней стороны моих бедер, между моих ног и продолжают подниматься.

— Это платье, — рычит он, — твою мать, это платье. Ты хоть понимаешь, насколько ты великолепна?

Он убирает одну руку от моих бедер и оборачивает ее вокруг моей талии, прижимая меня крепко к себе.

— Прислонись руками к стене, — он спокойно приказывает мне, переставляя ноги и двигая нас вперед, до тех пор, пока я не делаю то, что он говорит, прижимаюсь лицом к черной стене примерочной.

— Мне нужно прикоснуться к тебе. Всего минуту, я обещаю. Пожалуйста, позволь мне прикоснуться к тебе, — он умоляет низким голосом, его дыхание у моего уха, зубами он берет мочку уха и тянет её.

— Черт, да, — шепчу я, его рука заканчивает путь по верхней части бедра, его пальцы бродят по кружеву моих стрингов.

— Ты такая влажная, — он говорит тихо, целуя мою шею.

Пальцами он продолжает медленно двигаться по тонкой ткани, до тех пор, пока у меня не появляется желание взять его руку и затолкать его пальцы в себя. Я влажная с того момента, как встретила его, и кто знал, что эти действия пещерного человека, вталкивание меня в раздевалку и прижимание к стене лицом, будут такими заводящими.

— Я знал, что это платье будет хорошо на тебе смотреться, но, черт возьми, Ноэл, — говорит тихо, пальцами он двигается по границе моих стрингов, направляясь под край кружева.

Я раздвигаю ноги так, чтобы поторопить его, и даю ему более легкий доступ. Моя голова откидывается на его плечо, он прижимается лицом к моей шее, оставляя нежные поцелуи на моей коже в перерывах между словами.

— Я никогда, никого, не хотел так сильно. Я ни с кем не был так тверд. Только с тобой, Ноэл, — он говорит, а его пальцы, наконец, проникают под край моего белья, и я чувствую его прикосновение в первый раз.

Мы стонем в унисон, когда двумя пальцами он скользит по влажности, которую он создал словами и дразнящими прикосновениями. Одна моя рука, прижатая к стене, падает на его руку, обернутую вокруг талии. Я начинаю царапать ногтями его запястье, когда пальцами он медленно и идеально кружит вокруг моего клитора.

Его большой палец быстро заменяет те пальцы, и я не успеваю перевести дух, как он толкает два длинных, тонких пальца в меня, погружая их вплоть до костяшек.

Я задыхаюсь, как собака в жару, его пальцы все еще во мне, а большим пальцем он продолжает двигать туда-сюда, вокруг моего ноющего клитора. Я никогда раньше не чувствовала ничего более потрясающего. Я никогда не хотела кончить, спустя пару

секунд, от прикосновения парня. И, конечно, я никогда не заводилась от грязных разговоров. Но, Господи, грязные разговоры, исходящие из уст Сэма, должны продаваться на улицах по высокой цене. Он заработает много денег.

— Черт, ты такая упругая и идеальная, — он шепчет, медленно толкаясь пальцами в меня, и мои бедра двигаются в ритм с его рукой между моих ног. — Господи, хотел бы я быть где угодно, но не здесь, чтобы я мог быть внутри тебя. Я хочу чувствовать твою упругую киску вокруг моего члена.

— Да, да черт, да, — рычу, мои бедра трутся быстрее о его руку, и он продолжает быстрее работать пальцами во мне. Большим пальцем он движется быстрее по моему клитору, пока я не начинаю сходить с ума от желания кончить, пока то, что он сказал, внезапно не ошарашивает меня.

Хотел бы я быть где угодно, но не здесь…

Твою мать, мы в общественной примерочной, у меня ТАМ пальцы парня. В торговом центре. В ЧЕРТОВОМ ТОРГОВОМ ЦЕНТРЕ!

Знаю, я говорила, что хочу включить шлюху и БЫТЬ шлюхой, но такая шлюшность — перебор для меня. Я даже не могу сказать ему, чтобы остановился, потому что если он высунет эти идеальные длинные, тонкие пальцы из меня прямо сейчас, я расплачусь и, вполне возможно, пробью рукой стену передо мной.

Что за долбанная головоломка.

Как будто он сразу понял, о чем я думаю, рука Сэма, обнимающая мою талию, перемещается вверх и нежно накрывает мой рот, пока его пальцы продолжают свое славное нападение между моих ног, скручиваясь и скользя по всей влажности, которую он получил от меня.

— Все хорошо, я понял тебя, — он успокаивает меня. — Никто не слышит нас из-за громкой музыки, расслабься, Ноэл. Мне нужно почувствовать, как ты кончаешь от моих пальцев.

Святой Иисус, Мария, Джозеф и мудрец, вот и все. Я готова. Еще одно мягкое скольжение его большого пальца по моему клитору, и я впадаю в забвение, стону и выкрикиваю приглушенные проклятия в его руку, делаю то, что он говорит, и кончаю от его пальцев. Мои бедра толкаются вперед, Сэм толкает эти прекрасные пальцы еще глубже в меня и держит их неподвижно, позволяя мне перенести оргазм с его прижатой рукой, его ладонь ударяется о мой клитор до тех пор, пока я не чувствую, что могу умереть от оргазма.

Святейший, самый долгий оргазм в мире, Бетмен!

Взрыв и трепетное наслаждение между моих ног, медленно исчезают. Тяжело дыша, я пытаюсь усмирить дыхание у руки Сэма, которую он, наконец, убирает от моего рта. Моя голова ударяется о стену раздевалки и моя рука, сжимавшая его руку, присоединяется к другой, чтобы удержать себя. Голова Сэма падает на мою шею. Минуту мы успокаиваем наши дыхания, и я рычу от новой волны наслаждения, когда он медленно выводит пальцы из меня и опускает мое платье.

— Ты в порядке? — он мягко спрашивает, мое лицо все еще прижато к холодной стене, охлаждая мои раскрасневшиеся щеки, и я пытаюсь сформулировать слова.

— Мертвая. Ноги не слушаются. Я засыпаю, — тихо говорю я.

Я чувствую смешок в его груди, которая все еще прижата в моей спине, и он берет меня за бедра, медленно разворачивает меня лицом к себе. Я двигаюсь как обмякшая макаронина. Когда я разворачиваюсь, моя спина обрушивается на стену примерочной и руки падают.

— Я определенно покупаю это платье, — он подмечает с ухмылкой, убирая несколько выбившихся прядей волос с моих глаз.

— Я определенно *разрешаю* тебе купить это платье. У него волшебная сила, — я объявляю ему, пока он поднимает брошенный пакет с подарками. Я быстро снимаю «волшебное» платье, и натягиваю обратно свои джинсы и свитер. К черту скромность. Рука этого парня была у меня в одном месте, он может смотреть на меня в красных стрингах и сочетающемся бра столько, сколько захочет.

И смотрит своим изумленным взглядом. Пока я натягиваю свитер на покрытую кружевом грудь, он разочарованно рычит и сдвигает «прекрасный подарочек» в его штанах в более удобное положение.

Когда я прикрываю свои сиськи, и платье повешено обратно на вешалку, Сэм берет мою руку и тянет меня на еле двигающихся ногах из примерочной.

— Итак, я просто положу этот пакет под елку и позволю всем забрать свою хрень? — Сэм спрашивает, оплачивая мое платье у кассы.

— Ох, нет. Ты упакуешь их, потому что это Рождественские подарки, — я смеюсь, кассир протягивает мне упакованное платье, теперь уже безопасно спрятанное в красный праздничный пакет, откуда оно не сможет соблазнить нас с Сэмом убежать обратно в примерочную, чтобы еще немного повеселиться с пальцами.

— То есть лентой, ножницами и бумагой со снеговиком и всей этой хренью? — он спрашивает с гримасой, снова беря мою руку, мы выходим в главную часть торгового центра и направляемся в фуд-корт.

— Да, с лентой и ножницами и бумагой со снеговиком или, может даже, если тебе повезет, мы сможем найти бумагу с милыми маленькими котятками, с крошечными красными бантиками на их шеях, — я дразню его.

— Как насчет того, чтобы я просто отдал тебе обязанности упаковки, ты будешь упаковывать предпочтительно голая, а я буду смотреть, — он подмигивает.

— Думаю, так не пойдет, — отвечаю подмигивая. Мы присоединяемся к моей семье в центре фуд-корта, они спорят о том, что пицца «Сбаро» лучше подойдет на обед, чем «Тако Белл».

— Ты доведешь меня до могилы, Ноэл Холидэй, — Сэм шепчет перед тем, как чмокает меня в щеку и затем отодвигает стул для меня.

Ты уже похитил мое сердце, Сэм Стокинг.

Глава 10

Сэм

— Она в порядке, не думаю, что моя жена и наша мама покусают ее, — Николас смеется, поднося бутылку пива к губам и делая глоток.

Я виновато перевожу взгляд с кухни в гостиную, где Ноэл с мамой и Кейси, последние полчаса заняты упаковкой подарков. Будет лучше не говорить ее брату о том, что я не волнуюсь о Ноэл, потому что я слишком занят мечтами о ее киске и тех маленьких хриплых стонах, которые она издавала каждый раз, когда я двигал пальцами внутри нее.

Господи, она сексуальная, когда кончает. Черт, она сексуальная, когда просто стоит там, дышит.

Пока Реджи занят снаружи проверкой лампочек и убеждением, что все его освещение в рабочем состоянии для конкурса, который состоится сегодня вечером, Николас решил, что нам нужно немного времени тет-а-тет на кухне. Я выпил последние две бутылки, игнорируя его сверкающие глаза и его шутки о моем беспокойстве за его сестру, каждый раз, когда я смотрю через плечо.

Я просто хочу посмотреть на нее один раз. Один взгляд на ее зад, в этих черных леггинсах, не оставляющих простора для воображения, которые она надела, когда мы вернулись домой с торгового центра. Черт, этот зад. Очень, очень хороший зад.

— Перестань представлять мою сестру голой и сфокусируйся, — брюзжит Николас, указывая на меня бутылкой. — Какие у тебя намерения относительно Леон?

Я поднимаю бровь на его вопрос и отпиваю свое пиво, чтобы взять минуту на размышления. Думаю, Ноэл не оценит, если я скажу ему отвалить. Мысленно я обращался за помощью к «Чтобы сделал Логан?» каждый раз, когда Николас допекал меня вчера на экскурсии по дому. Что бы сделала Логан? *(прим. перев.: WWLD — What would Lemmy do (Что бы сделал Лемми?) — британское выражение, на случай, когда трудно принять решение)*.

Сейчас меня не волнует, что сделал бы этот болван. Его здесь нет, а я здесь.

— Какое тебе дело до моих намерений? Выглядит так, будто все, что тебя волнует — это подкалывание сестры, — отвечаю я.

Николас ставит бутылку, скрещивает руки на груди и наклоняется на стуле назад на двух ножках.

— Не правда. Леон просто принимает все, потому что она никогда не защищает себя.

— Не очень хорошая причина заставлять ее чувствовать себя дерьмом все время, — я насмехаюсь.

Он пожимает плечами.

— У тебя есть семья, ты знаешь как это. Мы дразним друг друга и придираемся, но, в конце концов, мы любим друг друга.

Глазами он сверлит меня, как будто он чертовски хорошо знает, что у меня нет семьи, и от этого я себя не комфортно чувствую. Я только киваю головой, делая вид, будто знаю все, что нужно знать о семейной любви.

— Сколько ты зарабатываешь за год?

Я дергаю головой от внезапной смены темы и пытаюсь отогнать мысли о Ноэл, стоящей в своей спальне, на ней нет ничего кроме полоски скотча, пытаюсь вспомнить что, черт возьми, я говорил, когда он задавал этот же вопрос вчера.

— Эм, около трехсот тысяч.

Мне физически больно произносить это, зная, что Ноэл была с тем парнем. В войсках я едва ли зарабатываю чуть больше десятой части от этой суммы.

— Точно, и сколько у тебя клиентов, как у финансового менеджера? — Николас быстро спрашивает.

— Ох, семьдесят четыре.

— А ты разве финансовый менеджер, а не инвестиционный банкир? — он спрашивает вскользь.

Я повторяю мысленно его последний вопрос и понимаю как облажался.

Сукин сын!

— Это практически одно и то же, — я глупо говорю ему, вообще не имея понятия, правда ли это.

Ножки стула Николаса стукаются о кухонный пол, и он бьет ладонями по столу.

— Ну все, с меня хватит этого дерьма. Я знаю, что ты не Логан, — он говорит мне, качая головой.

У меня открывается рот, он выдвигает стул из-за стола, поднимается и идет к холодильнику, берет еще два пива. Открывашкой-магнитом в форме карамельной трости, он молча откупоривает бутылки, возвращается к столу и толкает одну бутылку мне. Садясь обратно на стул, он делает глоток пива и ставит бутылку на стол. Тем временем я все еще сижу с открытым ртом, пиво которое я уже выпил, сворачивается у меня в животе, пока я пытаюсь быстро придумать что-то в защиту себя от того, что он только что сказал.

— Расслабься, чувак, я не собираюсь надирать тебе задницу или бежать и рассказывать родителям, — Николас хихикает.

— Как будто ты надрал бы мне задницу. Я бы размазал тебя по полу, — я говорю тихо, угроза — единственные слова, которые я могу придумать, желая понять, откуда, черт возьми, он знает, что я — не Логан. Неубедительное было оправдание моего небольшого южного акцента, так ведь? Это не моя долбанная вина, почти весь взвод был переполнен техасцами, и я полтора года слушал их болтовню и словечки. И перенял это, черт возьми.

— Не понимаю о чем ты. Если не Логан, кто я тогда? — я спрашиваю, направляя вопрос ему, избавляясь от беспокойства.

— Это я и хочу узнать, потому что я уверен, черт возьми, что ты НЕ Логан Мастерс. Я болтал по ФейсТайму с этим болваном и ты, дружок, не он *(прим. перев.: FaceTime — наименование технологии видео- и аудиозвонков, включающей одноимённую веб-камеру, разработанную компанией Apple).*

Ох, дерьмо. Ох, срань господня.

— Что? Ноэл знает об этом? Почему, блин, ты не сказал ничего раньше? — я раздраженно спрашиваю.

— Нет, она понятия не имеет. Я звонил ей по ФейсТайму около трех месяцев назад, и она была в душе. Дятел поднял трубку и проболтал мне все уши о том, сколько денег он заработал в этом месяце, — Николас говорит с гримасой. — Серьезно, он пятнадцать минут говорил о своем счете в банке и о средствах для волос, которыми он пользуется. Даже если бы я не видел лицо этого парня ранее, я бы догадался через минуту после того, как ты открыл рот и не болтал бы только о себе.

Я даже не знаю, что на это сказать. Итак, Николас знает, но, в конце концов, это не потому, что я облажался. Он видел тупицу ранее и знал, как он выглядит. Столько сколько смогу заставлю его держать рот на замке до конца Рождества, Ноэл должна быть в порядке и не должна беспокоиться о том, что испортит праздник семье.

— Ты не можешь ничего рассказать, парень. Она не хочет, чтобы ваши родители знали.

— Знали что? Очевидно, что она рассталась с этим поцем и убедила тебя, кем бы ты ни был, притвориться им, так что моя мама не будет надоедать ей с тем, чтобы она остепенилась, — он говорит. — Что, так или иначе, бессмысленно. Наша мама не заткнется, пока Леон не наденет белое платье и не пойдет к алтарю. И даже после этого, она продолжит пилить ее, чтобы была правильной и радовала мужа.

Мой рот остается закрытым, не желая выдавать все секреты Ноэл. Она не хотела, чтобы они знали, что случилось, и я не хочу подрывать ее доверие ко мне.

— Дерьмо. Есть ведь еще что-то? Она ведь не бросила работу? Ооооооу, черт, она бросила, так ведь? Черт, у мамы будет сердечный приступ, — добавляет Николас.

— Я не подтвердил ничего из того, что ты только что сказал, — я скриплю зубами. — Если ты решишь побежать к мамочке с папочкой, просто помни, что я не сказал ни слова.

Николас хватает пиво и делает глоток.

— Это не мой секрет, чтобы рассказывать его, так что не беспокойся. Мой рот на замке.

— Почему ты ничего не сказал раньше? И почему ты не поговорил с Ноэл об этом? Почему со мной? — спрашиваю я.

— Ммм, я просто хотел посмотреть, сколько, вы двое придурков, сможете хранить эту хрень. Это было довольно смешно, — Николас смеется. — Но потом Леон начала выглядеть милой-премилой, всякий раз, когда видела тебя, начала вести себя как «старая» Леон, вместо той, которая слишком хороша для нас. А сейчас я просто хочу убедиться, что ты не облапошишь ее, потому что иначе, я отдам Санте и его восьми крошечным оленям твою задницу. И позволь сказать тебе, они, может, и называются крошечными, но эти рога бьют как сучки.

— Я не собираюсь обманывать ее, — я успокаиваю его.

Трахать ее, это да. Надеюсь, сотню раз, прежде чем мне нужно будет уйти от нее. Но я никогда не сделаю ей больно.

— Она много значит для меня, — я признаю. — Я просто хочу, чтобы она была счастлива, что бы для этого не потребовалось.

— Хорошо, пока наши желания совпадают. Если Леон счастлива — все счастливы. Логан был придурком и совсем ей не подходил. Ты кажешься хорошим человеком…

— Сэм, Сэм Стокинг.

Он закатывается от смеха, указывая мне бутылкой, ожидая, чтобы я чокнулся своей об его.

— Сэм Стокинг и Ноэл Холлидэй, — он задумывается, когда я прислоняюсь горлышком своей бутылки к его. — Знаешь, если ты задумаешь жениться на ней, моя мама настоит на том, чтобы она оставила двойную фамилию Холидэй-Стокинг *(прим. перев.: с англ. — праздничный чулок)*, от этого Ноэл точно отъедет в сумасшедший город. Веселись, парень!

Ноэл Стокинг, Ноэл Холидэй-Стокинг. Миссис Ноэл Стокинг.

Матерь божья, я превращаюсь в девочку-подростка, в двух секундах от того, что бы писать ее имя в секретном дневнике.

— Должен сказать, я удивлен, что ты продержался так долго, чувак. Эта семейка просто сумасшедшая. Леон достойна хорошего парня и никому не говори, что я сказал это или я пырну тебя ножом, но я верю, что ты хороший парень. Мистер Сэм Стокинг, — Николас говорит с улыбкой. — Просто радуй ее. Она хорошо выглядит здесь, дома. Не нервная, легко улыбается и много смеется. Этот кусок дерьма изменил ее, когда она начала встречаться с ним. Ты знал, что из-за него она не приехала домой на прошлое Рождество?

Я отрицательно качаю головой, чувствуя вину за то, что слышу это от Николаса, а не от Ноэл. Это похоже на вторжение в личное. Как будто я маньяк, пробравшийся в ее дом и роющийся в ее нижнем белье.

Мне интересно, она все еще в том же красном кружеве, которое было на ней ранее? Ее грудь в той тонкой ткани была прекрасна.

— Они тогда только начали встречаться, — Николас продолжает, быстро вытаскивая меня из моих грязных мыслей о его сестре. Он убедил ее остаться в Сиэтле с ним, и убедил в том, что она может приехать домой в любое время. Моих родителей убило то, что она не приехала в том году. Этот засранец изменил ее, и заставил ее чувствовать, что она должна быть кем-то другим, чтобы соответствовать ему с его богатой семьей, и его дружкам с задранными носами. Но с тобой она снова наша Леон. Так что, чтобы ты не делал, продолжай.

Я слышу смех, раздающийся по коридору с гостиной, и сразу замечаю Ноэл среди двух других женщин. Мое сердце бьется быстрее и мне интересно, сколько эта ерунда с упаковыванием будет длиться, до того, как я уложу ее на кровать и возьму голой.

— КОД КРАСНЫЙ! ПОВТОРЯЮ КОД КРАСНЫЙ! — Реджи кричит, распахивая дверь и проносясь на кухню, снег с его волос и плеч летит во все стороны.

— ПРЯНИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК УПАЛ! ПРЯНИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК УПАЛ! — кричит он, резко останавливаясь у нашего стола. — В этом пиве есть молоко?

Я в замешательстве перевожу взгляд с бутылки пива в моей руке на папу Ноэл, пока он стряхивает снег с волос.

— Ох, нет. Это отвратительно, — я говорю ему.

— Хорошо. Никакого молока в твоем пиве, никакого пениса в Эгг-ноге моей дочери, — он кричит на меня, прежде чем снова начинает панически вопить и топать снежными ботинками по кухонному полу.

— Я СКАЗАЛ КОД КРАСНЫЙ! ЧЕГО ВЫ СИДИТЕ НА ЗАДНИЦАХ?

— Какого черта творится? — я спрашиваю Николаса.

— Думаю, папа хочет, чтобы ты держал свой член подальше от моей сестры, — он повторяет.

— Нет, дерьмо, я понял этот прикол, — я говорю ему, закатывая глаза. — Код красный, что это такое?

Николас вздыхает и поднимается со стула.

— Это, мой друг, значит, что если ты не хочешь, чтобы тебя вытащили на снег в ближайший час помогать папе чинить все что ломается в снежной стране чудес, лучше поторопись. Беги и спаси себя.

Ох, черт, нет! У меня планы на голую женщину этим вечером. Мне никогда не удастся снова получить бонус, если я проведу следующий час на морозе, слушая крики Реджи о молоке.

Спустя пару секунд, в комнату вбегает Ноэл, снимает пальто с крючка на задней двери, и скользит ногами в большие неуклюжие отцовские сапоги.

— ГДЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ВСЕ УДЛИННИТЕЛИ? КТО СПРЯТАЛ МОИ ЗАПАСНЫЕ ПРЕДОХРАНИТЕЛИ? БЕВ, ЗВОНИ КОПАМ, НАС ОГРАБИЛИ!

Голос Реджи заглушается в подвале под нами, в сопровождении чего-то падающего вместе с ним.

— УЖЕ НЕ НАДО! НАШЕЛ ПРЕДОХРАНИТЕЛИ! НИКОЛАС, СЪЕЗДИ НА СКЛАД И КУПИ ПЯТНАДЦАТЬ ЕЛОК! У ДЖОНА БАРКЕРА, ТРЕМЯ ДОМАМИ НИЖЕ, НА ДЕСЯТЬ БОЛЬШЕ ЕЛОК, ЧЕМ У МЕНЯ! Я НЕ ПОЗВОЛЮ ЭТОМУ УБЛЮДКУ ВЫИГРАТЬ В ЭТОМ ГОДУ!

— Господи Иисусе, — тихо говорит Николас. — Он выжил из ума.

Ноэл заканчивает застегивать пальто, достает шарф и накидывает на пальто, оборачивая его вокруг шеи.

— Будь лапочкой. Этот конкурс освещения — единственная вещь, ради которой он живет.

— Что там, мама? — Николас спрашивает.

— РАДИ СВЯТОГО ЧЕДАРА, РЕДЖИ, ТЫ НЕ КУПИШЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЕЛОК, ГЛУПЫЙ ТЫ СТАРПЕР! — их мама кричит на отца из гостиной.

— Вы говорили? — Ноэл спрашивает брата, разворачивая большие зеленые глаза ко мне.

Я молча смотрю, как они умоляюще расширяются, как у щеночка.

— Можешь, пожалуйста, помочь? — она спрашивает меня, надувая губки.

Черт. Это не вписывается в мои планы на голую женщину.

С расстроенным вздохом я поднимаюсь со стула, Ноэл хлопает в ладоши в ликовании, быстро хватая другое пальто с вешалки рядом с ней, бросает мне.

Ага, это официально. Если я выбираю сделать что-то, чтобы увидеть это выражение на лице Ноэл, вместо того, чтобы взять ее голой сверху на мне, думаю, пришло время признать поражение и сдаться.

— НЕ ГОВОРИ, ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ, ДЬЯВОЛЬСКАЯ ЖЕНЩИНА! — Реджи вопит из подвала. — НИКОЛАС! Я НЕ СЛЫШУ, ЧТО ТЫ СЕЛ В МАШИНУ, И ПОЕХАЛ ПОКУПАТЬ МНЕ ЧЕРТОВЫ ДЕРЕВЬЯ! НОЭЛ, НАЧНИ ПРОВЕРЯТЬ ЛАМПЫ В МАСТЕРСКОЙ САНТЫ И НАБРЫЗГАЙ ТАМ ОСВЕЖИТЕЛЕМ. ЛОГАН, ТЫ ЛУЧШЕ БЕГИ, ПОТОМУ ЧТО ТАМ ПАХНЕТ ТАК, БУДТО ТЫ ПИЛ ТАМ МОЛОКО!

Я быстро натягиваю пальто, которое Ноэл бросила мне, и позволяю ей взять мою руку и вытянуть меня на снег до того, как Реджи поднимется и затолкает всю коробку предохранителей в мой зад.

Поражение не так плохо, как я думал. Я влюбился в эту женщину, и ничего не могу с этим поделать. Кроме как убежать от ее помешанного на рождественском освещении отца.

Глава 11

Ноэл

— Это глупо. Я чувствую себя глупо, — я жалуюсь, бумага шуршит, когда я кладу руки на бедра.

— Повесели меня. Повернись, медленно, — губы Сэма растягиваются в дьявольской улыбке, он откидывается на мою кровать, положив руки под голову.

Я стою в комнате моего детства, и в то время как сотни незнакомцев снаружи бродят по двору моих родителей, на мне нет ничего, кроме обрезок белой оберточной бумаги с блестящими голубыми снежинками на ней. Чувствую себя идиоткой, но от восхищённого и похотливого взгляда Сэма, который я ловлю, медленно поворачиваясь, я чувствую себя немного лучше.

Мы провели ровно тридцать минут снаружи на снегу, проверяя лампочки и удостоверяясь, что освещение выглядит хорошо, перед тем, как пробрались в пустой дом. Конечно же, после того, как мама построила нас перед домом для семейного фото. Еще одна семейная традиция, но в этот раз, мне пришлось практически тащить Сэма сфотографироваться. Ему казалось неправильным быть на фото, но я настояла. Я не могу представить, что буду смотреть на фото спустя годы, и у меня не будет воспоминаний о нем, стоящем позади меня, положив руку мне на плечо, счастливо улыбаясь камере.

Спустя годы, когда я все еще буду одна, не остепенившаяся и несчастная без него.

Нет, я не буду думать об этом сейчас, иначе этот маленький бумажный показ мод будет разрушен соплями и слезами и мной, выглядящей жалко.

— Ты чертовски сексуальна, — Сэм шепчет с моей кровати, когда я заканчиваю разворот.

От его слов я меньше чувствую себя идиоткой из-за того, что на мне нет ничего, кроме обернутой бумаги в виде нереально короткого платья без бретелек. Двигаясь, я морщусь, и Господи, почему верхний свет все еще включен? Здесь слишком ярко, я чувствую себя еще глупее.

Двумя хлопками моих ладоней, яркий свет гасится, и маленькое рождественское дерево в углу комнаты включается, погружая комнату в мягкие мерцающие огни.

— Что ты делаешь? Теперь я не вижу твое сексуальное тело, — говорит Сэм, хлопая в ладоши.

Яркий свет ослепляет меня, снова загораясь, и я топаю ногой, сразу же раздраженно хлопая в ладоши.

— Здесь слишком ярко, я чувствую себя глупо.

В ответ Сэм садится на моей кровати и — *хлоп, хлоп*.

— Проклятье, прекрати! Лучше с выключенным светом, — хныкаю я.

Хлоп, хлоп.

— Нет, ТЫ прекрати. Без света, я не вижу, какая ты сексуальная и не могу мечтать о том, как буду медленно разворачивать тебя, — отвечает он.

Хлоп, хлоп.

Хлоп, хлоп.

Хлоп, хлоп.

Мы продолжаем и продолжаем, освещение комнаты становится похоже на освещение стробоскопом, моим глазам становится плохо, я едва вижу Сэма.

— Я могу делать так всю ночь, ты знаешь, — Сэм смеется.

Хлоп, хлоп.

Тупые хлопки внезапно прерывает стук в дверь.

— Пссссссс. Эй, ребятки, у вас вечеринка? Я видела мерцающий свет, — тетя Бобби шепчет через дверь. — Если что, у меня есть экстази. Хорошая вещь, очень вставляет.

Я смотрю на Сэма, который свалился на кровать в приступе смеха, не в силах продолжать гребаные хлопки.

Хлоп, хлоп.

Комната погружается во мрак, и я смотрю на Сэма, надеясь, что в темноте он видит, что я серьезно настроена.

— У нас не вечеринка, тетя Бобби, — кричу я ей. — Ты разве не должна быть снаружи и встречать людей, которые приезжают посмотреть освещение?

Серьезно, я просто хочу немного времени наедине с Сэмом. Разве я о многом прошу?

— Дорогая, на мне «Маноло Бланик». Ты на самом деле думаешь, что я собираюсь бродить по снегу в этой красоте? Обалдеть, — она отвечает, смеясь. — Ладно, там водка меня зовет. Так что пока! Но серьезно, дай знать, если захочешь «Э» *(прим. ред.: имеется в виду экстази)*, Леон. Очень оживляет *(прим. ред.: Manolo Blahnik — испанский дизайнер обуви и основатель одноименной компании, известный во многих странах).*

Я трясу головой, слушая, как ее каблуки стучат по дереву, спускаясь вниз, и надеюсь, что она пройдет через камин целой и невредимой.

— Ну, это было весело, — я говорю Сэму, когда он медленно поднимается с моей кровати и подходит ко мне.

Он оборачивает руки вокруг моих голых плеч и разворачивает меня, подталкивая меня назад, до тех пор, пока задняя сторона моих коленей не врезается в кровать. Он направляет меня к кровати, пока я не сажусь, от моих движений оберточная бумага шуршит, наполняя шумом тихую комнату.

Я смотрю, как он, молча, опускается на колени, двигая руками к моим бедрам и медленно раздвигая мои ноги достаточно широко для того, чтобы он мог опуститься между ними.

— Что ты делаешь? — я шепчу, когда его руки двигаются к оберточной бумаге, прикрывающей мою промежность.

— Распаковываю свой подарок. Тссс…

Опираясь руками на кровать, я откидываюсь, и наблюдаю за блеском в его глазах, пока он смотрит на бумагу, прикрывающую меня, немного надрывает ее, растягивая удовольствие, заставляя мою кровь нагреваться и мое сердце колотиться.

— Знаешь, большинство людей разрывают эту штуку так быстро, как могут, — я подсказываю ему, в то время как он берет другой конец и медленно раскрывает его до тех пор, пока моя голая киска не открывается ему.

Несмотря на то, что я чувствовала себя глупо, оборачиваясь в кусок рождественской бумаги, когда он попросил сделать это, в конце концов, я была достаточно умна, чтобы скинуть бра и трусики на пол в ванной. Судя по его резкому вздоху, это была гениальная идея.

— Я никогда раньше не получал подарки. Я хочу смаковать момент, — он говорит тихо. — Черт возьми… это лучший подарок в мире.

Я раздвигаю ноги чуть шире, чувствуя себя смело и уверенно, от того, что я получила, что хотела и мой хлопок был последним, верхний свет выключен.

— К черту это, — он говорит тихо, обеими руками хватая левую сторону оберточной бумаги на моей груди и разрывая ее с моего тела до тех пор, пока я сижу перед ним полностью голая.

— Я без ума от тебя, — он шепчет, ладонью упираясь в мой живот, и медленно скользя вниз, кончиками всех четырех пальцев мягко касаясь моей голой киски.

— Такая мягкая и гладкая, — он шепчет, пальцами продолжая практически любить меня, в то время как он наклоняется и прижимается губами к внутренней стороне моего бедра.

— Святые угодники, — говорю тихо я, когда он целует дорожку от моей ноги, пока не добирается до моей киски, губами прокладывая крошечные поцелуи, затем поднимает голову и всматривается в меня.

— Откинься, — он приказывает низким голосом, возвращая пальцы, нежно касаясь меня, до тех пор, пока мои бедра не начинают трястись от необходимости и волнения.

Я сразу же опускаю руки и падаю на кровать, моя спина выгибается и вздох вырывается из моего рта, когда большим пальцем он касается меня, и я чувствую его теплое дыхание у моей киски.

Мои глаза закрыты, и мои руки сжимают одеяло с двух сторон от моего тела, я чувствую, как одним из его длинных пальцев он медленно водит по центру и снова поднимается, распределяя мою влажность.

Кончиком одного из идеальных пальцев, он кружит по моему клитору, так мягко и нежно, что я рычу в отчаянии. Я хочу его губы на мне, я хочу его пальцы внутри меня, я хочу, чтобы он показал мне все, что умеет, и я хочу это *сейчас*.

— Произнеси мое имя, Ноэл, — он тихо умоляет, кончиком пальца, медленно ведя вниз по моей влажности и вверх, вновь легко кружа по моему клитору.

— Сэм, — я шепчу в своей потребности. — О, Господи, Сэм.

Я слышу его рычание и до того, как снова успеваю вздохнуть, его рот на моем теле. Его горячие, влажные, идеальные губы вокруг моего клитора и он всасывает его ртом.

— Черт! — я кричу, моя спина выгибается еще больше, когда он возвращает большой палец, чтобы раскрыть меня для своего орального нападения.

Языком он повторяет движения пальца, медленно вылизывая меня сверху вниз, останавливаясь на клиторе кружа и кружа до тех пор, пока я не начинаю чувствовать, что схожу с ума от желания кончить. Каждый дюйм моего тела горит, пока он продолжает кружить языком вокруг моего набухшего клитора, раскрывая меня большими пальцами так широко, как он может.

Он лижет и сосет и поглощает мою киску, чередуя поддразнивания моего клитора кончиком языка с погружением его в меня, трахая меня им.

Я горячая. Я влажная. Я извиваюсь, посылаю проклятия от желания, и мои руки сразу же отпускают захваченное одеяло, перемещаясь к волосам на голове Сэма. Я провожу пальцами по короткой длине и хватаюсь из-за всех сил, когда он окунается в меня двумя пальцами.

Я держу его лицо у своей киски, и мои бедра начинают двигаться с его ртом. Он мучает меня, водя языком по клитору, и пальцами двигаясь во мне, заставляя меня задыхаться, умоляя меня назвать его имя.

— Ты на вкус как небеса, — он выдыхает, его рот вблизи моего клитора, его пальцы продолжают их шоу, мучительно двигаясь внутрь и снаружи меня. — Кончи для меня, Ноэл. Мне нужно почувствовать, как ты кончаешь от моего рта.

— Да, черт возьми, да, — я стону, бедра подаются к нему, когда он снова опускает свой рот к моей киске, и возобновляет этот восхитительный вихрь языка вокруг моего клитора.

Я уже на краю блаженства, от медленных движений его пальцев, покалывание и удовольствие моего оргазма проносится через меня, как ракета.

— Дай. Мне. Почувствовать. Как. Ты. Кончаешь, — он побуждает меня между движениями его языка.

Я сжимаю его волосы пальцами и тяну так сильно, что не знаю, почему он не кричит от боли, его пальцы погружаются глубоко в меня и мои пальцы ног сжимаются в удовольствии.

— Сэм, — я говорю со вздохом. — Я кончаю, черт, я кончаю!

Я чувствую пульсацию в моей киске, мое сердце бьется прямо там, усиливая ощущения, я ничего не могу делать, кроме как извиваться на кровати и опускать бедра на его губы, когда он усиленно сосет мой клитор и грубо трахает меня пальцами. Мое освобождение не заканчивается, и я чувствую себя, будто я плыву в облаке оргазма, продолжая двигать бедрами, и растягивать это чувство сколько могу.

Он держит свои пальцы глубоко внутри меня и его губы прижаты к моему клитору, пока я медленно опускаюсь на землю, от оргазма мои ноги дергаются каждые пару секунд, пока я, наконец, не открываю свои глаза и отпускаю смертельную хватку, которой я схватила его волосы.

Последним движением языка по моей киске, он садится на ноги, и мои руки падают по сторонам кровати.

— Срань Господня, у тебя есть разрешение на этот рот? — тихо говорю я, тяжело дыша, будто только что пробежала марафон.

Он смеется, и я чувствую, как кровать проминается, когда он садится рядом со мной. Я перекатываюсь на свою сторону, когда он ложится и обвивает меня руками, притягивая меня к своему одетому телу.

— Самый лучший подарок, — он говорит мне с улыбкой.

Обернув руки вокруг его талии и перекинув одну ногу через его бедро, я прижимаю его крепко к себе, желая сделать фото *этого* момента, оформить его в рамку и поставить на прикроватную тумбочку.

Мы лежим в кровати, обнявшись, единственный звук в комнате, это приглушенные голоса проходящих посетителей, чтобы посмотреть освещение снаружи во дворе моих родителей.

Я хочу сказать ему, чтобы никогда не уходил. Я хочу сказать ему, что этот глупый цирк перестал быть цирком с момента, когда он поцеловал меня под омелой. Я хочу спросить его, будет ли он моим парнем по-настоящему, а не для подставного шоу для моей семьи.

Я хочу так много всего, чего я чертовски боюсь попросить. Вещи, которые я никогда не хотела за всю свою жизнь, но о которых вдруг не могу перестать думать, прижавшись лицом к его груди, вдыхая его аромат.

Брак. Любовь. Навсегда.

— Пссссссс. Эй, ребята, хотите экстази?

Стук в дверь и шепот тети Бобби снова сбивают настрой и возвращают меня в реальный мир, где все это шоу и Сэм уйдет от меня через два дня.

— Тетя Бобби, ты уже спрашивала нас и ответ все тот же — нет! — я кричу ей, мое лицо все еще прижато к груди Сэма.

— Ох, да, я забыла, — она отвечает через дверь. — Забыла, что спрашивала вас об этом. Думаю, я уже употребила все, что у меня было. Вау, свет в коридоре такой ослепительный и красивый. Оооох, здравствуй, маленькая белочка, ты хочешь немного водки? Какой на тебе милый свитер. Хочу ли я спеть с тобой? Конечно, я хочу спеть с тобой, белочка в свитере! Ты такая красивая и нежная, и красивая.

Голос тети Бобби отдаляется по мере того, как она отходит от двери. «Тихая ночь», зазвучавшая в ее ужасном исполнении вторит по коридору. Я закрываю глаза и наслаждаюсь вибрациями смеха Сэма, отдающими в мою щеку.

— НЕ КУСАЙ МЕНЯ, БЕЛОЧКА В СВИТЕРЕ! КАК ТЫ СМЕЕШЬ ГОВОРИТЬ МНЕ, ЧТО Я НЕ УМЕЮ ПЕТЬ!

Сэм отдаляется от меня и наши глаза встречаются.

— Может, стоит пойти вниз и присмотреть, чтобы она не сожгла елку и не разнесла дом?

Я вздыхаю и киваю головой.

— Да, это, наверное, мудрое решение.

Сразу после этого мы слышим грохот на лестнице, мы оба моментально подпрыгиваем с кровати, Сэм мчится к двери, пока я карабкаюсь, натягивая одежду.

— ВСЕ НОРМАЛЬНО! ВСЕ В ПОРЯДКЕ! МЫ С БЕЛОЧКОЙ В СВИТЕРЕ ПРОСТО СОБИРАЕМСЯ ВЫПИТЬ ЧАЮ С МИСТЕРОМ ПОЛЯРНЫМ МЕДВЕДЕМ! — тетя Бобби кричит нам.

Я прошу о многом, всего лишь еще немного побыть в моем временном блаженстве.

Глава 12

Сэм

— Ноэл, думаю нам нужно поговорить о том, что произойдет послезавтра.

— Ноэл, я хотел бы быть твоим парнем. По-настоящему. Всерьез.

— Господи, я в этом полный ноль, — я бормочу себе под нос, уставившись в зеркало на протяжении десяти минут, практикуясь в том, что хочу ей сказать.

После того, как прошлой ночью я распаковал самый лучший подарок в мире, и мы с Ноэл смогли потушить маленький пожар под елкой, когда тетя Бобби подумала, что ее воображаемым белке и полярному медведю понадобилось что-то, чтобы согреться, мы провели время с ее семьей, ожидая итоги конкурса освещения, когда все посетители ушли.

Как все и думали, Реджи победил с огромным отрывом, и с тех пор носится по всему дому со своим маленьким трофеем с золотой Рождественской елью на верхушке. И, о чудо из чудес, прошлой ночью Ноэл позволила мне спать с ней в кровати.

Что привело меня к нынешней проблеме. Потрясающий минет и два ее оргазма поставили меня на путь полной влюбленности в нее. Проспав всю ночь с ней в моих руках, я понял, что на сто процентов влюблен в эту женщину. Я хочу обнимать ее каждую ночь, я хочу просыпаться с ней каждое утро и мне плевать, что ее сумасшедшая семья врывается во время разворачивания подарочков. Я хочу это все. Хорошее, плохое, сумасшедшее и сложное. Я просто хочу ее, тем не менее, я смогу заполучить ее. Если она не хочет жениться, ладно. Меня совершенно устроит только то, что она будет со мной рядом до конца жизни.

Господи, я такой слабак.

Я натягиваю черные брюки из своей сумки и темно-красную рубашку с расстёгнутым воротником, которую Ноэл купила мне, когда мы были в торговом центре, заканчиваю готовиться и присоединяюсь ко всем внизу на ужин в честь Сочельника.

Стол гостиной покрыт красной скатертью с вышитыми в центре листьями падуба, большая, красная пуансеттия, окруженная зелеными и красными свечами в подсвечниках, стоит в середине стола. Рождественская музыка еле слышно играет в гостиной, все с полными животами и улыбками на лицах сидят, откинувшись на стулья.

Индейка, мясной рулет, картофель-пюре с подливкой, клюквенный соус, тыквенный пиро — у меня снова текут слюнки, несмотря на то, что я наелся, кто-то, вероятно, должен будет выкатить меня из этой комнаты и затащить на кровать.

За столом проносится мягкий гул разговора, и я смотрю на Ноэл, сидящую рядом со мной, смеющуюся над чем-то, что сказал ее брат, и мое сердце в груди бьется быстрее.

Она чертовски красивая, когда улыбается.

Она внезапно поворачивает голову, и наши глаза встречаются, ее улыбка становится шире.

— Даже и не думайте, мистер. Это «волшебное» платье останется на месте до тех пор, пока все не разойдутся спать, — она шепчет с придыханием.

Я смотрю на зелёное платье, идеально облегающее ее тело и сделавшее меня таким твердым, когда она вышла из примерочной в нем, что я повел себя как пещерный человек и затащил ее обратно, чтобы прикоснуться к ней.

— Леон, за все время ты ни разу не сказала о работе. Как там дела? — спрашивает ее папа.

— Нормально. Хорошо. Все нормально, — она бросает слова, ставя бокал вина на стол.

— Мы можем поговорим о том, что действительно важно? — спрашивает ее мама. — Когда вы двое поженитесь? Год, это долго. Дольше чем, ты была с кем либо, дорогая. Что вас держит, Логан?

Она смотрит на меня через стол, и я неудобно ерзаю на стуле, Николас тем временем прикрывает рот, чтобы спрятать улыбку.

— Мам, серьезно, — жалуется Ноэл.

— Серьезно, что? Я только задаю простой вопрос. Я думала, мы спланируем свадьбу, пока вы дома, — ее мама сетует со вздохом.

— Да ладно, мам, оставь ее, — говорит Николас, наконец, заступаясь за сестру, и передвигаюсь выше на пару строчек в моем списке «любимых людей».

— Я только хочу, чтобы оба моих ребенка были счастливы, разве я о многом прошу? Я скоро умру.

Головы всех шокировано разворачиваются к Бев.

— Мам! Ты больна? — Ноэл испуганно шепчет.

— Ну, нет, сейчас нет. Но я могу заболеть. И я могу умереть. Я могу умереть, не увидев, как моя дочь остепенилась и счастливо живет замужем, — она отвечает с выдохом.

— Ох, полегче, — тихо говорит Николас, проглатывая остатки вина из своего бокала.

— Как насчет того, чтобы все перестали переживать о Ноэл и позволили ей самой разбираться со своими делами? — предлагаю я.

Реджи злобно указывает на меня пальцем.

— Ты осквернил мастерскую Санты. Твое мнение не учитывается!

Я прижимаюсь к своему стулу, жалея о том, что не смог удержать рот на замке.

— Она не достаточно хороша в сексе, Логан? Поэтому ты все еще не сделал предложение? — Бев спрашивает, возвращая взгляд ко мне.

Киска вашей дочери на вкус как сахарные печеньки, а ее рот как пылесос «Hoover». Она хороша в сексе.

— Эмммм, — бормочу я, вместо того, чтобы высказать, о чем думаю.

— Чтобы добавить немного пикантности, я положила несколько порнофильмов и одно из моих неглиже на твою прикроватную тумбочку. Может быть это поможет, — объявляет Бев.

— Мам, никогда не будет такого случая, чтобы ты могла сказать мне такое, — Ноэл заявляет с гримасой отвращения.

Я кладу руку на ее бедро под столом и утешительно сжимаю его, несмотря на то, что я тот, кого нужно утешать сейчас, так как меня вот-вот стошнит всей вкусной едой, которую я съел.

— Хочу, чтобы вы знали, что у меня очень хороший вкус на сексуальные ночнушки. Я их покупаю на распродаже в «Victoria's Secret», — подмигивая, говорит Бев.

— Хотите знать что такое «Victoria's Secret»? — Реджи спрашивает, скрещивая руки на груди и откидываясь на стуле назад. — Она тратит кучу денег на кусочки ткани, которые не остаются на теле дольше, чем на пять минут. Почему, в мое время, женщине, чтобы завести мужчину, всего лишь нужно было быть голой. Теперь им нужны застежки и замки, и кнуты, и погремушки. Этот мир катиться к чертям, если мужчина не может просто радоваться сиськам.

Понимая, что этот разговор быстро развивается в худшую сторону, я быстро отодвигаю свой стул из-за стола, быстро думая и зная, что мне нужно сделать что-то, прежде чем Бев снова начнет приставать к Ноэл насчет того, чтобы она остепенилась.

Пока Реджи продолжает жаловаться на кнуты и цепи, а Бев жужжит и жужжит о том, почему Ноэл не думает, что у нее хороший вкус на белье, я тянусь за моим

кошельком в задний карман и быстро вытаскиваю маленькую вещицу, укрывшуюся в одной из ячеек для кредитных карт. Кое-что, что я храню здесь с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы носить кошелек, я достаю его, чтобы подержать в руке, всякий раз, когда мне жаль себя.

Бросая кошелек на стол, как только вытаскиваю вещицу, я быстро опускаюсь на колено рядом со стулом Ноэл и мягко прокашливаюсь.

— Срань Господня! — выругивается Николас, заставляя Ноэл повернуть голову ко мне, чтобы увидеть, на что он уставился с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью.

— Срань Господня, — она шепчет то же самое, когда видит меня на одном колене рядом с ней, держащего золотое обручальное кольцо с бриллиантом в один карат формой огранки «Принцесса» в центре.

— Я хотел дождаться идеального момента для этого, потому что *ты* идеальная, — я честно говорю ей. — Но я понял, что не важно, где или когда, я сделаю это, я просто *сделаю* это.

Я снова прокашливаюсь, комок в горле становится слишком большим, что я боюсь, что если не выскажусь, то разучусь говорить. Мои руки трясутся, мои ладони вспотевшие, я смотрю на самую красивую женщину из всех, что я когда-либо видел. Хотел бы я сказать ей, что это не для шоу. Это не часть шарады про ненастоящего Логана. Это по-настоящему, и все что я говорю *реально*.

— Думаю, я влюбился с момента, когда впервые увидел тебя, — я продолжаю, смотря в ее глаза наполненные слезами. — И каждый момент, который я провожу с тобой с тех пор, становится все лучше и лучше. Я люблю твою улыбку, я люблю твой смех, я люблю то, что ты любишь свою семью, так безусловно, что ты сделаешь для них все что угодно. Выходи за меня, Ноэл Холидэй. Выходи за меня и никогда не покидай. Люби меня вечно, и я сделаю все, что смогу, чтобы сохранить эту улыбку на твоем лице и смех в твоем голосе.

Я слышу всхлипывания по ту сторону стола, и краем глаза вижу рыдающую Бев, вытирающую глаза салфеткой.

— Я знала, что неглиже было хорошей идеей, — говорит она, всхлипывая.

Возвращая внимание к Ноэл, я задерживаю дыхание и жду, когда она что-нибудь скажет. Возможно это не лучшая идея, которая мне когда-либо приходила, учитывая ее антипатию к браку и то, что произошло в последний раз, когда один тупица опустился на колено и сделал предложение, но я чувствую, что все правильно. Все еще чувствую, что все правильно, несмотря на то, что ожидание, когда она заговорит, будто десять жизней и тысяча лет пролетели за пару секунд.

— Да.

Ее голос такой мягкий, что я едва слышу тихий шёпот и трясу головой, пытаясь понять, сказала ли она что-то, или может это ее мать снова всхлипывает.

— Что? — я спрашиваю шокировано.

— Да. Я сказала да, конечно я выйду за тебя.

Все за столом разом начинают разговаривать. Крики, плач, ругательства и Реджи, недовольно жалующийся на то, что теперь, когда я купил молоко, он больше не может угрожать моей жизни и о том, что было расточительством выбросить весь Эгг-ног.

Я игнорирую всю суету, беру руку Ноэл с ее колена и надеваю кольцо на палец ее левой руки, видя, как оно сияет на ее пальце, я знаю, ему здесь самое место. Не спрятанное в моем кошельке на всю жизнь, доставая его каждые пару месяцев, когда мне грустно, а прямо здесь, на руке Ноэл.

— Где, черт подери, ты взял его? — Ноэл шепчет, рассматривая кольцо, пока суета за столом продолжается.

— Оно мамино, — я говорю ей, пожимая плечом. — Ну, если верить службе защиты детей. Когда мои родители погибли, мне тогда было несколько недель, оно было единственной вещью, которую они оставили мне. Я получил его, когда мне исполнилось шестнадцать и оно с тех пор всегда со мной.

Теперь Ноэл начинает всхлипывать и смахивать слезы со своих щек.

— Не могу поверить, что ты сделал это для меня. Я не могу поверить, что ты прошел через все эти проблемы, только чтобы моя мама замолчала. Я никогда не смогу отблагодарить тебя за то, что ты приехал сюда и притворяешься, делая все это.

Мое сердце немного разбивается от ее слов, но это только моя вина. Я не сказал ей, что не притворяюсь. Я не сказал ей, что это правда. Все это. Любовь, брак, навсегда. Это правда, и я хочу все это с *ней*.

— Ноэл.

— Ну ладно, все в гостиную за подарками в честь кануна Рождества! — прерывая мои слова, обращенные к Ноэл, объявляет Бев, отодвигая свой стул и бросая салфетку на стол.

Ноэл поднимается со стула и берет меня за руку, поднимая с пола.

— Обещаю, я отплачу тебе до твоего отъезда, — она шепчет, толкая меня в гостиную комнату, позади всех.

Все разговаривают, обмениваясь подарками, Рождественская музыка включена и шум разрывающейся оберточной бумаги такой громкий, что невозможно сказать что-либо Ноэл. Я прибываю в радостном волнении, наблюдая, как все открывают подарки, которые Бев подает их всем, сидя под елкой и это подходящий для меня момент, чтобы вывести Ноэл и выложит ей все начистоту. Может мне нужно быть упорнее, может мне следует потребовать, чтобы она пошла со мной, чтобы мы смогли поговорить наедине, но я не делаю этого. Я — придурок, потому что хочу, чтобы этот момент длился как можно дольше. Я хочу смотреть на нее, такую счастливую и смеющуюся, и видеть это кольцо на ее пальце, представляя, что все по-настоящему. Представляя, что она знает, что это по-настоящему и она счастлива и хочет того же, что и я. Проще притвориться, чем высказать правду и узнать, что она возможно не чувствует тоже самое. Я не готов к тому, что она может сказать мне о том, что все это не взаимно.

Подарок приземляется на мои колени, когда я сижу рядом с Ноэл на диване, я смущенно смотрю на Бев.

— Что это?

Она смотрит на меня, как на идиота.

— Это твой подарок в честь кануна Рождества, глупенький, — она говорит мне, смеясь и отходя.

— Каждый год мы открываем по одному подарку в канун Рождества, — Ноэл объясняет, сидя на коленях и отрывая обернутую коробку. — Моя мама всегда покупает всей семье новые рождественские пижамы. Мы всегда знаем, что это за подарок, но она все еще любит упаковывать их и делать из этого важное событие.

— Но я не часть семьи, — я утверждаю, ненавидя звуки этих слов.

— Нет, ты часть семьи. Открой это, — она отвечает мягко улыбаясь.

Трясущимися руками, я медленно распаковываю коробку, раскрываю ее и достаю красные рождественские пижамные штаны и рубашку с лицом Санты по всей пижаме. Осмотрев комнату, я вижу Ноэл и у нее точно такая же пижама.

— Идите и примерьте их! — Бев взволнованно инструктирует всех. — Мне нужна еще одна фотография около елки перед тем, как мы пойдем спать.

* * *

Десять минут спустя, я стою на лестнице, отказываясь спускаться.

— Давай, Логан! Просто спустись и покажи нам твою пижаму. Что в этом такого? — Бев кричит мне.

— Я не спущусь! — я кричу в ответ, едва ли не топая ногами.

— СПУСКАЙСЯ СИЮ МИНУТУ! — она кричит.

Пораженно вздыхая, я медленно спускаюсь по лестнице, и вот я внизу, волочу ноги по коридору в гостиную. Я встаю в проходе, нахмурившись и скрестив руки, в то время как все молча смотрят на меня.

И они начинают смеяться. Смеются так сильно, что не могут оставаться в вертикальном положении, наклоняются, хватаются за бока от смеха.

— Вперед, выпустите пар, — я говорю им, закатывая глаза.

— Леон, ты вроде как говорила, что он носит маленький размер? Я поэтому взяла ему маленький, потому что отчетливо помню, ты месяц назад говорила по телефону, что он носит мужской маленький размер, — Бев говорит, смахивая слезы смеха.

— Ох, дорогая, в этом мужчине явно нет ничего маленького. Он *определенно* очень большой, — тетя Бобби отвечает, подмигивая мне.

Я незамедлительно опускаю руки, прикрывая свое хозяйство. Мое хозяйство так тесно упаковано в эти невероятно маленькие штаны, что очертания моего члена и яиц, можно увидеть через тонкий хлопок. Не спасает даже большое лицо Санты, стратегически помещенное прямо на моих яйцах, улыбающийся мне жуткой усмешкой.

— Что за подстрелыши, парень? — Реджи спрашивает, смеясь, смотря вниз на штаны, которые заканчиваются, не доставая до моих щиколоток.

— Ха-ха, смейтесь. Могу я теперь снять их? — я умоляю.

— Скажи парню, что он может их снять, Бев, — Реджи говорит ей, смеясь.

И от этого, я чувствую себя как чертов Ральфи в его розовом костюме кролика. Я проживаю «Рождественскую историю» в жизни и это не мило. Не совсем мило.

— Да, пожалуйста, сними их! Ихаааааа! — кричит тетя Бобби, поднимая свой бокал мартини в воздух, и кружа им до тех пор, пока содержимое не выплескивается на ее красный парик.

Взглядом я умоляю Ноэл спасти меня, и она убирает с лица улыбку, вскакивает с дивана и подбегает ко мне в своей рождественской пижаме. Вот только ее пижама идеально сидит на ней, и она выглядит мило, а не как взрослый мужик, пытающийся влезть в штаны ребенка.

— Ладно, достаточно унижения, мы идем спать, — она говорит находящимся к комнате, они тем временем продолжают смотреть на меня в этой ужасающей пижаме и даже не стараются скрыть улыбки на лицах.

Я отказываюсь убирать руку прикрывающую член, Ноэл берет меня за руку и вытаскивает из комнаты.

— Если будешь использовать красную ночнушку, постирай ее вручную, когда закончите! Ее нельзя стирать в машинке, она нежная! — Бев кричит нам в след. — И Счастливого Рождества вам двоим!

Я ворчу в ответ, и Ноэл смеется, продолжая вести меня по лестнице.

Глава 13

Ноэл

— Ты уверена, что все в порядке? — Сэм тихо спрашивает в темноте, свет рождественского дерева из угла комнаты освещает обеспокоенное выражение на его лице.

Ужасная, маленькая рождественская пижама слетела с его тела, как только дверь спальни закрылась за нами, и я потеряла дар речи, стоя в центре комнаты и смотря на его голое, мускулистое великолепие в одних лишь черных боксерах.

Я хлопнула в ладоши, чтобы погасить свет, и он не сопротивлялся, и не пытался включить его, когда я медленно сняла свою пижаму, и потянула его на кровать.

Его голое тело рядом с моим, он смотрит мне в глаза, я чувствую кольцо, которое он надел на мой палец и прикусываю нижнюю губу, чтобы сдержать слезы. Я даже не раздумывала над ответом, когда он спросил, выйду ли я за него, ответ вырвался сам, когда я посмотрела на него. Больше всего на свете я хотела, чтобы это было настоящее предложение, не просто, чтобы заставить мою маму замолчать.

Он твердый и тяжелый между моих бедер, потирается членом об меня, и я стону от удовольствия. Это бессмысленно, но я думала, что если пересплю с ним, то остановлюсь, не переступлю черту и не влюблюсь в него, но сегодня, когда он встал на колено, я не могла думать ни о чем, кроме того, как выйду за него и, проведу остаток жизни с ним. Я хочу его. В своей жизни, в своей кровати и внутри меня, навсегда. Мое сердце не перестало разрываться каждый раз, когда он касался меня и смотрел на меня, несмотря на то, как мы растягивали это удовольствие. Я хочу запомнить этот момент, если он должен уйти завтра, вернуться к своей жизни, в то время как я вернусь к своей. Я хочу знать какого это, любить кого-то так сильно, что сделаешь все для него, даже если это может разбить твое сердце.

— Все хорошо, я в порядке, — я наконец-то отвечаю Сэму, пробегая руками по его волосам, в то время как он держится надо мной. — Мне просто нужен ты.

Без слов, он медленно входит в меня. Я отказываюсь закрывать глаза, желая запомнить его в этот момент. Ощущение его, наконец-то находящегося внутри меня, несравнимо с тем, что я когда-либо представляла. Наши прошлые разы были сексуальными, быстрыми и бешеными, а сейчас все медленно, стабильно и идеально. Не менее сексуально, просто легко и… *идеально*.

Я оборачиваю ноги вокруг его бедер, пятками упираясь в его зад, чтобы толкать его глубже. Он начинает двигаться, полностью выходя из меня, и сразу же медленно скользя обратно, пока наши бедра не ударяются друг о друга. Мы движемся в идеальной гармонии, раскачиваясь, цепляясь друг за друга, и шепча слова удовольствия, я уже на грани, гораздо раньше, чем я готовилась, но неспособная остановить свое освобождение, которое проноситься через меня, потому что он так хорошо узнал мое тело, за такой короткий период времени. Я кончаю с ним внутри меня и смахиваю слезы, уткнувшись лицом в его шею, на случай, если они вырвутся. Когда он чувствует, что я кончаю, то быстро следует за мной, двигая бедрами быстрее, пока его освобождение не накрывает его. И он все еще во мне, шепчет мне на ухо мое имя и говорит, как хорошо и идеально я ощущаюсь, и как сильно он любит чувствовать, как я кончаю.

***

— Это тупость, — я тихо объясняю в темной комнате.

Мы оба все еще голые и наши тела сплетены вместе под одеялами, мы лежим лицом друг к другу.

— Это не тупость, просто ответь на вопрос, — он отвечает, прижимая меня плотнее к себе.

После лучшего секса в моей жизни, я больше всего хотела признаться в вечной любви к этому мужчине и выставить себя посмешищем, поэтому я благодарна за то, что он спросил меня, почему я сказала ему, когда мы познакомились, что не люблю Рождество, несмотря на то, что у меня такое тупое имя. В конце концов, это отвлекло мой разум от осознания того, что завтра он уезжает.

— Я объяснил свою глупую причину, почему я никогда не желаю Счастливого Рождества, ты можешь объяснить мне чуть лучше, почему ты не любишь праздники, — добавляет он. — То, что я недавно увидел, не учитывая все безумие, так это то, что твоя семья замечательная и это для них большое и веселое событие. Они даже меня заставили полюбить Рождество.

Я вздыхаю, убирая голову, чтобы посмотреть на тень его лица.

— Это тупость и ты подумаешь, что я глупая, — говорю я ему.

— Валяй, — рычит он.

— Ладно, — выдыхаю. — Я полагаю, для взрослых веселье заканчивается. Да, моя семья так не считает, они украшают дом так, будто самого Санту стошнило на все вокруг и это мило и все такое, но просто уже все совсем не так, как было в моем детстве. Нет волнения в ожидании того, чтобы мельком увидеть Санту или чего-то подобного. Волшебство просто… ушло. Нечего больше ожидать, но есть счета, которые нужно будет оплатить, когда Рождество закончится и бардак, который ты должен убирать, когда все разойдутся. Дерево завянет, чулки запакуются, и ты вернешься к своей обычной, скучной жизни без блеска и магии.

Я останавливаюсь, понимая, как смешно звучу.

— Я знаю, что звучу, как неблагодарная стерва, но я ничего не могу поделать с этим, — я вздыхаю. — У меня замечательная семья и с ними все гораздо веселее, но думаю, я просто скучаю по волшебству детства.

Сэм упирается подбородком в мою макушку и мягко проводит кончиками пальцев по моему позвоночнику.

— Любимое воспоминание из детства, вперед, — он внезапно говорит.

Я улыбаюсь, наперед зная, о чем я ему расскажу.

— Поездки к бабушке в канун Рождества, когда Николас и я были маленькими, — я быстро признаюсь. — Мы забивали машину подарками и едой для нее, и ехали двадцать минут до ее дома по проселочным дорогам. Моей любимой частью всей ночи было смотреть в окно с заднего сидения вверх на звёздное небо, пытаясь увидеть следы огней от саней Санты. Был один дом, в нескольких милях от дома бабушки, тот дом был моим самым любимым. У них не было безумного освещения, у них были только светящиеся белые деревянные сани и восемь северных оленей на лужайке перед их домом и северный олень впереди был с красным мерцающим носом. Мой папа кричал, когда мы подъезжали к этому виду: «Смотрите! Мы поймали Санту в саду!» Мы с Николасом подпрыгивали вверх-вниз на заднем сидении, сходя с ума.

Я заканчиваю рассказ с улыбкой на лице, понимая, что я впервые вспоминаю это без грусти, и я знаю, что это из-за мужчины, который обнимает меня.

Что, черт возьми, я буду делать завтра, когда он уедет?

Внезапно в дверь стучат, и я вздыхаю в грудь Сэма, задаваясь вопросом, почему, черт возьми, все мои хорошие моменты всегда прерываются.

— Эй, ребята, — тетя Бобби громко шепчет через дверь. — Белочка в свитере у вас в комнате?

Я отворачиваю голову от Сэма и шепотом кричу двери, чтобы никого не разбудить в доме.

— Тетя Бобби, завязывай с экстази и иди спать!

— Хорошо. Понятно. Вас понял. Конец связи, — она говорит мягко сквозь дерево. — Но если вы увидите белку в свитере, скажите ему, он задолжал мне пятьдесят баксов.

Я поворачиваю голову обратно к Сэму и располагаюсь на его груди, пока он поворачивается на спину, смотря в окно через нас на мягко падающий снег. Кольцо на моем пальце блестит, ловя свет рождественской ели, и я закрываю глаза, смотря на него последний раз, надеясь, что завтра Санта привезет мне немного чертового мужества, чтобы сказать Сэму, что я не хочу, чтобы он уходил.

Глава 14

Сэм

Голубые носки, красные носки, желтые носки, носки с кошками, носки с футбольными мячами и даже носки, светящиеся каждый раз, когда наступаешь на них.

Носки, носки, носки и еще носки.

Я не ожидал и одного подарка от семьи Ноэл, не говоря уже о двадцати. К каждой ярко упакованной коробке идет пара носков, которые продаются в магазинах на каждом шагу.

Господи, это пенисы?

— Это носки-пенисы! Это от меня, — тетя Бобби говорит, посылая мне поцелуй.

— Я извинилась за то, что сказала им, что у тебя слабость к носкам? — Ноэл шепчет, наклоняясь так близко, что я чувствую аромат корицы и ванили, который продается в каком-то особом магазине, как я только что понял, когда она достала из чулков три бутылки лосьона.

— Я люблю носки. Все нормально, — я заверяю ее, поглаживая рукой ее спину, ее брат тем временем бросает мне ещё один подарок, который приземляется на моих коленях.

Она смотрит на меня так, будто не верит мне, вот поэтому я сказал ей, что люблю ее прошлой ночью после того, как она уснула в моих руках и не могла слышать мой шепот в темноте ее спальни.

Она бы ни за что не поверила, что я говорил правду.

Честно говоря, мне все равно, если ее семья подарит мне хоть сотню носков, а наблюдая за тем, как гора носков на полу гостиной растет, это вполне может произойти.

Я тихо открываю маленькую коробочку, лежащую на своих коленях, на коробочке значится, что подарок от Николаса, он тем временем открывает подарок от меня, который Ноэл передала ему через гору между нами.

У меня вырывается смех, когда я вижу защитную чашу, расположенную в коробке, я поднимаю ее и показываю всем в комнате, Николас тем временем поднимает свою шапку-чулок и такие же носки.

— Я решил, что ты мог бы использовать ее в следующий раз, когда у меня поедет крыша с «красным рейдером», — Николас смеется, натягивая шапку на голову, я киваю и благодарю его за чашу.

Этим изумительным утром я не многословен, сидя здесь с семьей, которая не моя, наблюдая, как они наслаждаются праздниками вместе. Все, за исключением меня, в одинаковых пижамах, я получил отсрочку из-за вчерашнего инцидента с членом и яйцами, и получил возможность надеть свои клетчатые пижамные штаны и футболку. Кофейный столик вынесли из комнаты, чтобы освободить место для нас и подарков, мы все сидим вокруг елки, пьем кофе с печеньем и открываем подарки под мягкую рождественскую музыку.

Эта семья идеальна. Женщина рядом со мной идеальна. Рождество… посмею сказать это, идеально?

Я собираюсь раз и навсегда перестать быть слабаком, и сказать Ноэл о своих чувствах, как только мы останемся наедине. Я не хочу отпускать эти чувства. Чувство теплоты, счастья, удовлетворенности и нужности у меня впервые в жизни. Я хочу держать их как подарок в руке и никогда не отпускать.

Следующий час мы заканчивали открывать огромное количество подарков, совмещая это с уборкой бумажной упаковки, которая раскидана с одного конца комнаты

до другого. Пока все заняты помогая Бев на кухне с приготовлением Рождественского ужина, Ноэл берет меня за руку и вытягивает в коридор к передней двери.

Черт, она выгоняет меня? Она скажет мне, что все было милым, но пора уходить? Черт возьми, я не готов. Я НЕ ГОТОВ!

— Я только хочу отдать тебе подарок, чтобы никто не видел, — она говорит быстро, доставая из-за спины плоский, квадратной формы подарок, упакованный в бумагу со снеговиками, и протягивает его мне.

Я облегченно выдыхаю и беру подарок, улыбаясь ей.

— Ты не должна была ничего покупать мне. НИКТО не должен был ничего мне дарить. Это слишком, — я отвечаю, несмотря на то, что теперь, когда я вошел во вкус получения рождественских подарков, я готов открыть еще тысячу.

— И *ты* не должен был дарить всей моей семье подарки, но ты подарил, так что заткнись! – она спорит, смеясь.

— Твой подарок все еще не готов, — я смущенно пожимаю плечами, держа подарок рядом с грудью. — Обещаю, он будет чуть позже.

Она отмахивается.

— Ты не должен мне ничего дарить. Ты здесь, делаешь все это, и не сбежал с криками в первые пять секунд после встречи с моей семьей, это тот подарок, который мне был нужен.

Точно, быть здесь и притворяться твоим парнем.

— Вперед, открой его, — она говорит, взволнованно переступая с ноги на ногу.

Я быстро разрываю оберточную бумагу, бумага падает на пол, и я смотрю на то, что у меня в руках.

Я НЕ заплачу, как слабак, я НЕ заплачу, как слабак.

— Ты всегда будешь частью этой семьи, несмотря ни на что. Надеюсь, это не слишком дешево, я просто подумала, что ты хотел бы иметь это, чтобы навсегда нас запомнить. Знаешь, когда ты *решишь*, что мы все чокнутые и наконец-то сбежишь отсюда с криками, — она говорит, нервно посмеиваясь.

Я провожу рукой по стеклу в центре деревянной рамки с надписью «Семья» наверху в центре. Внутри рамки фото с ночи конкурса освещения, когда Бев поставила нас всех перед домом, и попросила одного из соседей сфотографировать нас рядом с огнями. Я не хотел быть на фотографии. Я всеми силами сопротивлялся и твердил об этом Ноэл, до тех пор, пока вся семья не начала кричать, чтобы я тащил свою задницу делать фото, пока они все не замерзли до смерти.

Реджи и Бев присели впереди, положив руки на колени, Николас, Кейси и тетя Бобби стоят по краям за ними, Ноэл и я стоим в центре, ее рука вокруг моей талии, моя рука на ее плече. Ее голова у меня на плече и у всех огромные дурацкие улыбки на лицах. Можно увидеть белый падающий снег вокруг нас и блеск огней за нами.

Это мое первое семейное фото и оно идеально.

— Послушай, Ноэл. Мне нужно сказать тебе кое-что, — я начинаю мягко, отрывая взгляд от фото, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Тебе не нравится фото. Знала, это была глупая идея, — она вздыхает, пытаясь забрать у меня рамку.

— Нет! — я кричу, отходя от нее. — Нет, клянусь, мне нравится. Оно идеально. Я должен сказать тебе кое-что еще. Кое-что серьезное и важное.

Она делает шаг ко мне и смотрит на меня красивыми зелеными глазами, и я вижу, как она нервно сглатывает.

— Хорошо. Потому что я тоже должна поговорить с тобой о чем-то важном и серьезном, — она шепчет.

Черт, я ошибался, думая, что все это не взаимно? То есть, я надеялся и хотел этого, но все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Взгляд полный надежды и то, как она нервно крутит руками, заставляет меня думать о том, каким я был идиотом и должен был признаться раньше, вместо того, чтобы дожидаться дня, когда я должен уезжать.

Ноэл делает еще один шаг ко мне, пока рамка не прижимается к моей груди от ее близости, оберточная бумага, которую я бросил на пол, шуршит под ее ногами.

Я делаю глубокий вздох и мысленно готовлю себя, чтобы сказать слова вслух.

— Ноэл, я лю…

— НОЭЛ! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Голос снаружи обрывает меня, крича слова, которые я собирался сказать.

— Какого хрена? — я говорю тихо, в то время как мы вдвоем поворачиваем головы и смотрим на закрытую дверь прямо рядом с нами.

— НОЭЛ! ТЫ ТАМ? Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

— Срань Господня! — Ноэл вскрикивает, ее рука взлетает, чтобы прикрыть рот.

Звуки шагов слышаться нам, как топот слонов, семья выбегает из кухни.

— Какого Сэма, кто так кричит? — Реджи спрашивает раздраженно, в то время как я смеюсь как инопланетянин, услышав свое имя из его уст впервые. Конечно же, это было всего лишь ругательство.

— НОЭЛ! МНЕ ТАК ЖАЛЬ! ВЕРНИСЬ КО МНЕ! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Снова приглушенный крик из-за двери и я слышу, как Ноэл хнычет рядом со мной.

— Нет, нет, нет, — она бормочет себе под нос.

— Приготовься, Кейси. Говнюк собирается испортить веселье, — Николас говорит, обнимая одной рукой свою жену и сочувствующе похлопывая меня по спине.

Что за херня происходит и кто, черт возьми, прервал мое признание в любви Ноэл?

— Почему этот мужчина, в одном костюме, стоит на лужайке перед нашим домом и кричит как сумасшедший? — Бев спрашивает, смотря в окно гостиной рядом с нами.

— Ооооу, это «Армани». Очень красивый, — воркует тетя Бобби, подходя к Бев, чтобы посмотреть в окно гостиной.

— НОЭЛ! ПОЖАЛУЙСТА! Я ТАК БОЛЬШЕ НЕ МОГУ! Я НЕ МОГУ ЖИТЬ БЕЗ ТЕБЯ!

— Леон, ты знаешь этого человека? — Бев спрашивает, смотря через плечо на крайне тихую женщину, стоящую рядом со мной, в затем опускает голос до кричащего шепота. — Он на наркотиках? Леон, ты дружишь с наркоманами?

Тетя Бобби нервно смеется и делает шаг назад от окна.

— Наркоманы? Кто знает наркоманов? Я не знаю наркоманов, вы знаете наркоманов? — она спрашивает. — Здесь нет наркотиков, а особенно экстази и еще чего-либо сумасшедшего!

В дверь рядом с нами раздается громкий стук, сопровождающийся более жалким криком.

— МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ЖЕНИТЬСЯ! ЭТО НЕ ВАЖНО, Я ПРОСТО ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ВЕРНУЛАСЬ!

Сукин сын! Логан здесь?

Реджи пробирается между мной и Ноэл и распахивает дверь. Я раздраженно смотрю на мужчину с идеально уложенными назад черными волосами, в черном костюме и с завязанным как у гомика белым шарфом на шее.

— Для чего, черт подери, так кричать? Ты наркоман? Моя дочь задолжала тебе денег? — Реджи кричит тупице напротив.

— Что? Нет, *я* Логан, — заявляет он, пыхтя и протягивая руку.

Я рычу, и Ноэл снова хныкает.

— Нет, ты не Логан. Он Логан, — Реджи спорит, указывая большим пальцем через плечо на меня.

Логан смотрит вокруг Реджи и на меня.

— Нет, *Я* Логан. Я без понятия кто это. Кто ты? — он злобно спрашивает меня.

— Это ЛОГАН! — Бев кричит, выходя из-за меня. — ЛОООООГАААААН.

Она кричит громче, растягивая слова, как будто у придурка проблемы со слухом.

Логан смотрит на всех в замешательстве.

— Я думаю, он под наркотиками, он в замешательстве, — Бев шепчет. — Или он глухой. Как на языке жестов будет «Сойдите с нашего крыльца»?

— Я ЛОГАН! — придурок кричит в бешенстве.

— ОН ЛОГАН! — Реджи кричит в ответ, указывая большим пальцем на меня снова. — Это очень весело! — Николас объявляет.

Я гневно смотрю на него, и он немедленно убирает улыбку.

— Прости, чувак. Моя ошибка.

— Эм, ребята, мне нужно кое-что вам сказать, — Ноэл, наконец, говорит.

— Ох, Господи! Ты на наркотиках! Это твой дилер и он пришел, чтобы избить тебя! — Бев вопит. — Реджи, достань заначку в банке из-под печенья на стойке. Я не позволю этому болвану бить мою малышку!

Реджи трясет головой, снова крича на придурка.

— У тебя пять секунд, чтобы рассказать мне, кто ты или я позволю тете Бобби выпроводить тебя, — Реджи говорит ему.

Тетя Бобби встает рядом со мной и сжимает гигантские мускулы на своих огромных руках.

— Будет не так весело как хватать подарочек Логана, но что поделаешь.

— Последний раз, Я ЛОГАН! — придурок снова говорит раздраженно. — Вы позволите мне войти, пожалуйста? Здесь холодно, а я не взял пальто.

Он умоляюще смотрит на Ноэл, доставая из кармана кольцо с самым большим бриллиантом, который я когда-либо видел в жизни.

— Пожалуйста, Ноэл, я не могу перестать думать о тебе без этого кольца на пальце. Мне плевать, если ты никогда не выйдешь за меня, пожалуйста, просто возьми кольцо, и давай решим это.

Ноэл поднимает руку, нервно убирая волосы с глаз, глаза придурка сразу же приковываются к жалкому кольцу, которое я надел на ее палец прошлым вечером, сияющему на утреннем солнце, пробивающемся через дверь.

— Что это, черт возьми? Это кольцо? — он шокировано спрашивает.

Ноэл быстро опускает руку и прячет ее за спину, мое сердце полностью разбивается.

— Ох, дорогая. Он сутенер и он тупой, это не хорошо, — Бев бормочет. — Леон, ты нашла в Сиэтле тупого сутенера.

— Кто, черт возьми, Леон? — спрашивает тупица.

— Она, — Реджи отвечает, большим пальцем в этот раз, указывая на Ноэл.

— Ладно, достаточно с «кто на первое, что на второе», — Ноэл говорит со вздохом. — *ЭТО* Логан. Настоящий Логан. А это Сэм.

Она указывает на каждого из нас, и я убираю руки в карманы своих клетчатых пижамных штанов, не имея понятия, что еще сделать с ними, потому что не могу решить, хочу ли я врезать придурку по морде или схватить руками Ноэл и вытащить ее из комнаты, и притвориться, что ничего не происходит.

— Кто Сэм? — спрашивает Бев.

— Я, — я отвечаю отрывисто.

— Я все еще под кайфом? — тетя Бобби тихо говорит рядом со мной. — Скажите, кто-нибудь видит белку в красном свитере в коридоре прямо сейчас?

Все игнорируют тетю Бобби и смотрят на *меня*, как на виновника.

Черт, *я* виновник. Я врал этим людям, я остался в их доме, и я ел их еду. Это не было проблемой до тех пор, пока я не узнал какие они, и теперь я чувствую себя самым большим мудаком на планете.

— Ты мужчина, переодетый в женскую одежду? — тупица говорит с гримасой, смотря на тетю Бобби сверху вниз.

Все вздыхают, и я достаю одну руку из кармана, чтобы погладить тетю Бобби по спине.

— Ты прекрасно выглядишь дорогая. Этот голубой свитер выделяет твои глаза, — я говорю ей, пытаясь успокоить ее пока она не расплакалась.

— Спасибо, — она отвечает мне с улыбкой. — Могу я теперь оторвать ему член?

Тупица вздыхает и делает шаг назад на крыльцо.

Вот и правильно, продолжай шагать назад, пока не вернешься в Сиэтл, далеко, далеко отсюда, недостойный кусок дерьма.

— Думаю, я должен прострелить ему яйца. Как думаешь, Сэм? — спрашивает Николас.

— Могут все просто заткнуться на минутку? — Ноэл кричит, делая шаг вперед и беря руку Логана, заводя его в теплый дом и закрывая дверь.

Он дрожит как киска, обернув тело руками и потирая ладонями руки, все еще сжимая кольцо с огромным бриллиантом.

— Я все еще не понимаю, что происходит. Если ты не Логан, а ты Сэм, Леон все еще Леон? — спрашивает Леон. — Это часть твоей пьесы из Оклахомы? Ты сейчас в образе? Ооох, мы принимаем участие? Я всегда хотела сыграть в пьесе!

Я смотрю, как Ноэл закрывает глаза и наклоняет голову, мягко говоря всем в коридоре:

— Я потеряла работу, Логан сделал предложение, и я сбежала, не дав ему ответ. Я встретила Сэма в аэропорту и уговорила его приехать домой со мной, притворится Логаном, потому что я не хотела разочаровать вас, ребята, — она высказывается.

Вся семья начинает кричать и ругаться, все кроме Николаса и меня, мы стоим, молча наблюдая, как все спорят напротив нас.

— Борись за нее. Не позволь этому придурку протоптать себе путь обратно в ее жизнь, — он громко шепчет мне сквозь крики.

— Ох, спасибо, Господи! Этот парень всего лишь актер! Господи, Ноэл, я чертовски перепугался, когда увидел другое кольцо на твоем пальце, — Логан говорит, смеясь.

Ноэл ничего не говорит в ответ, в то время как Бев, Реджи, тетя Бобби и Кейси продолжают кричать и засыпать ее вопросами о том, какого черта происходит и почему она не сказала им, что случилось, до того, как она вернулась домой.

Я вздыхаю и делаю шаг назад, пока я не остаюсь в нескольких футах от Николаса, в то время как Логан встает на колено перед Ноэл. Я прикрываю глаза и вижу, как тупица протягивает Ноэл кольцо с огромным бриллиантом.

— Я знаю, ты просто перепугалась, когда я сделал это пару дней назад, но все нормально. Я понял это. Мы разберемся с этим, Ноэл, — утверждает он.

— Было гораздо романтичнее, когда Сэм делал это, — выдыхает Бев, скрестив руки на груди. — Тебе нужно поработать над тем, как делать предложения, потому что это отстой.

Я делаю еще один шаг назад от всех, до тех пор, пока мои пятки не врезаются в лестницу позади меня, я ожидаю, что Ноэл рассмеется Логану в лицо, схватит кольцо и выкинет его или скажет ему, что он идиот и проделал весь путь просто так. *Все, что угодно*, но не молчание, которое исходит от нее.

— Пожалуйста, милая, просто возьми кольцо. Снаружи нас ждет машина, и мы будем на Сент-Томасе с моей семьей всего через пару часов. Солнце и песок приведут тебя в порядок и очистят твою голову, — Логан говорит ей.

Когда все снова начинают кричать, и я вижу, как Ноэл тянется к кольцу, которое он ей протягивает, я разворачиваюсь и тихо поднимаюсь по лестнице.

Нет смысла задерживаться дальше на этом дерьмовом шоу. Я хотел знать, что Ноэл чувствует ко мне и теперь у меня есть ответ. Она ничего не чувствует и все это было игрой. Кто же *теперь* придурок?

Глава 15

Ноэл

Я уверена, что плачу так долго и так сильно, что мое тело обезвожено. Я чувствую себя слизняком, свернувшимся на боку под рождественской елкой в гостиной, мои руки и ноги отказываются поднимать меня с места, где я лежу с тех пор, как Николас спустился и сказал мне, что Сэм ушел.

Просто ушел. Он собрал сумку и ушел, не сказав ни слова. Ушел.

Почему он не боролся за меня? Почему он не заехал в лицо Логану, когда тот оскорбил тетю Бобби и осматривал дом моих родителей так, будто это сарай в какой-то дыре, а не красиво украшенный двухэтажный колониальный домик в хорошем районе?

Черт, почему *я* не заехала ему в лицо? Это я должна была разбираться с ним, а не Сэм. Конечно, он ушел в тот момент, когда я стояла в коридоре, как дурра, и не сказала ни слова о том, как сильно люблю его и о том, что я не хочу ничего с идиотом, стоящем на коленях передо мной во второй раз. Я не сказала ему ни слова о своих чувствах, потому что я слишком боялась. Слишком труслива, чтобы сказать вслух о чувствах, которые так непривычны мне, что я не знаю, как с ними справиться. Я должна была сказать ему прошлой ночью, когда он так сладко занимался со мной любовью и так крепко держал меня. Я должна была сказать *ему* за ужином, когда он встал на колено, и я представила, что это было настоящее предложение, а не игра. Есть еще тысячи раз, когда я должна была сказать ему, все эти разы пробегают у меня голове так быстро, что у меня кружится голова и новый поток слез катится по моим щекам, в то время как я плотнее сворачиваюсь комочком под елкой.

— У меня есть кое-что, что взбодрит тебя, Леон. Я снял видео, как ты отдаешь его Логану, — говорит Николас, входя в комнату и присаживаясь позади меня на пол.

Я переворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и он протягивает телефон мне, включая видео.

Я смотрю на себя, берущую огромное, безвкусное кольцо из рук Логана, не зная, что Сэм поднялся по лестнице и, вероятно, был наверху, собирая свою сумку.

Я вижу счастливое выражение победы на лице Логана, в то время как он смотрит на меня, держащую кольцо между большим и указательным пальцем, подальше от себя, как будто это змея, которая вот-вот меня укусит. И, несмотря на то, что я хочу продолжить плакать, как ребенок здесь на полу, я ничего не могу поделать и смеюсь, когда вижу себя на видео, бросающую кольцо за дверь позади Логана так далеко, что оно теряется в глубине леса.

Мы с Николасом смеемся, слушая, как наша семья хлопает и радуется на видео, в то время как я беру Логана за руки, поднимаю его с колен и кричу на него как сумасшедшая:

Ты с ума сошел с этой хренью? Ты ничего не понял в первый раз, когда ты спрашивал это, а я вылетела за дверь с криками? Я не хочу выходить за тебя, ты, придурок! Я бы не вышла за тебя, даже если бы ты был последним мужчиной на Земле! На тебе слишком много геля для волос, ты делаешь маникюр каждую среду, и я имитировала каждый оргазм с тобой, вялый член!

Николас хлопает меня по плечу, его рука трясется от смеха, он пытается держать телефон ровно.

О Боже, у него вялый член? У Сэма не вялый член, правда, Бобби?

Я смеюсь сильнее, слыша, как мама на видео спрашивает мою тетю.

Ох, нет. На индийском это называется «Висит как у коня».

Николас рычит, слушая, как тетя Бобби отвечает маме.

— Я знаю слишком много о членах твоих мужчин, Леон.

Сэм гораздо лучше и достойнее тебя, и я люблю его. Я влюблена в него, а у тебя крошечный член. Выметайся из дома моих родителей и возвращайся в Сиэтл, крошечный член!

Видео заканчивается тем, как мой отец хватает Логана за его воротник, открывая дверь, и практически выбрасывает его на снег. К счастью, я не увижу момент, где я поворачиваюсь и не могу найти Сэма. Вероятно, он спустился по лестнице и вышел через заднюю дверь до того, как я сказала Логану убираться.

— Господи, я облажалась, — я тихо говорю Николасу, хлюпая носом и смахивая очередную порцию слез.

— Ага, ты определенно облажалась, Леон.

Я вздыхаю, в комнате становится темнее, в то время как солнце садится, у меня даже нет сил, чтобы огрызнуться ему за то что, он соглашается со мной, а не говорит что-нибудь, чтобы я чувствовала себя лучше. Я заслужила чувствовать себя дерьмого. Я привела Сэма сюда, заставила его почувствовать себя частью семьи, и после отпустила его без борьбы. Без слов, без заверений о том, что мое поведение с ним последние несколько дней было настоящим, не игрой.

— Ну, у тебя есть еще один подарок, который нужно открыть, это поможет тебе подбодриться? — спрашивает Николас.

Я, наконец, поднимаю себя с пола и вздыхаю.

— О чем ты говоришь?

Он поднимается с пола, берет меня за руки и поднимает на ноги.

— Кое-что, что прибыло несколько минут назад, как только стемнело. Я без понятия почему, черт возьми, ты захотела именно это, но он настаивал, когда разбудил меня телефонным звонком ни свет ни заря этим утром, до того как ты проснулась, — объясняет Николас.

Он поворачивается и идет к передней двери, и любопытство пересиливает меня, я иду за ним на снежную улицу.

— Та-дам! — объявляет Николас и я, наконец, смотрю на передний двор.

Всхлип вылетает из моего рта и мне приходится прикрывать его рукой, чтобы скрыть эмоции.

— Я не понял этого, но как я и сказал, он настоял на том, чтобы я помог ему найти эту глупую штуковину, — говорит Николас, в это время я иду как в тумане, с глазами наполненными слезами по двору и подхожу к тому, на что смотрит мой брат, тряся головой, как будто это самая тупая вещь, которую он когда-либо видел.

— Ты не помнишь? Когда мы были маленькими и ездили к бабушке в каждый канун Рождества, мы всегда смотрели на них, — шепчу я, проходя рядом с деревянными фигурами, высотой в четыре фута и занявшими практически весь сад.

Когда я подхожу к северному оленю с тем же моргающим красным носом, я вижу открытку, привязанную к носу зеленой лентой, и я быстро развязываю ее и открываю.

— Ах, да! Теперь я вспомнил! Это всегда было лучшей частью кануна Рождества. Вау, не могу поверить, что он нашел в точности похожие сани и северного оленя. Я дал ему номера всех мест, где продают декорации, и которые были бы открыты этим утром, но до меня только что дошло, зачем ему это надо было, — тараторит Николас, в то время, как я смотрю на открытку в руке, и плачу так сильно, что слезы не успевают замерзать на моих щеках.

Никогда не переставай верить в волшебство, Ноэл. Счастливого Рождества.
С любовью, Сэм.

— Леон, ты в порядке? Почему ты плачешь? — спрашивает моя мама, сбегая по лестнице, скорее всего, услышав мой жалобный вопль из переднего двора, когда я снова и снова читала записку, которая у меня в руках, до тех пор, пока я не захотела свернуться на снегу и замерзнуть до смерти.

Когда она подходит ко мне, я молча передаю ей записку и смотрю на освещение нашего сада, коря себя сотню раз, за то, что не сказала ему, что люблю его.

— Значит ты сейчас в сложной ситуации, так ведь? — спрашивает моя мама, возвращая мне записку. — Почему ты привела этого бедного мужчину сюда и заставила его притворяться твоим парнем?

— Эм, мам, а ты ВИДЕЛА себя? — смеясь, спрашивает Николас. — Можешь представить себе это убогое шоу, которое ты бы устроила нам, если бы Леон приехала домой и рассказала всем, что потеряла работу, потеряла жилье и сбежала от парня, который сделал ей предложение?

— ТЫ ПОТЕРЯЛА РАБОТУ? — моя мама визжит.

— Видишь? Вот почему я привела незнакомого мужчину домой и заставила его притвориться моим парнем! — воплю в ответ я.

— Успокойся, не нужно кричать, — выдыхает мама. — Хочешь травки, дорогая? Она успокоит тебя. У нас есть очень сильная травка.

Я смотрю на нее в ужасе, и она трясет головой.

— Ох, не смотри на меня так, Леон. Не только у твоего отца проблемы с артритом. Все потому, что ты никогда раньше не курила? Все нормально. Я буду с тобой в твой первый раз. У нас много закуси.

— Мам, я живу в Сиэтле. Мы можем заказать травку по меню, и ее доставят как пиццу, — парирую, закатывая глаза.

— Вау, вот *почему* ты уехала и не хотела общаться с нами, — она говорит тихо.

Я сразу же чувствую вину. Мое сердце разбито в этот раз по-настоящему и сейчас я чувствую вину не только за то, что сделала с Сэмом, но и за то, что сделала со своей семьей, когда уехала.

— Мам, нет. Это не так, — объясняю я. — Мне просто… мне нужно было пожить своей жизнью. Мне нужно было попробовать и понять, кто я и что хочу делать, а я потерялась на этом пути. Я облажалась. Я не смогла сохранить работу и этот мужчина не захочет меня, потому что я такая идиотка и была слишком труслива, чтобы сказать ему о своих чувствах.

Моя мама обнимает меня и притягивает к себе.

— Ох, Леон, ты не облажалась и мне очень жаль, если мы когда-либо заставляли тебя чувствовать себя так. Я просто беспокоюсь о том, что ты не найдешь счастье. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, милая.

Я всхлипываю в ее плечо.

— Сэм делал меня счастливой.

Она поглаживает меня по спине и слезы падают снова.

— Я знаю. Я видела это каждый раз, когда вы двое были вместе. Мне жаль, что он ушел, не попрощавшись, но, в конце концов, ты знаешь, что он чувствовал к тебе.

Я убираю голову, и смотрю на нее в смятении.

Она указывает на сани и северного оленя, освещенного прожектором позади меня.

— Он любит тебя, глупая! Я никогда не встречала мужчину, который пройдет через такие проблемы, только для того, чтобы осчастливить женщину. Может он и не сказал напрямую слова, но этот поступок показывает, что он влюблен в тебя с головы до пят.

Моя мама раскрывает объятия, и я отстраняюсь, опуская открытку от Сэма между нами, чтобы снова прочитать ее.

— Он *сказал* слова, — шепчу я.

Может быть не прямо, но он сказал мне «Счастливого Рождества». Он сказал это первый раз и написал это в записке.

— Он любит меня, — я говорю тихо, мои губы дрожат от слез.

— Ну и чего, черт возьми, ты ждешь? Иди за ним! — вскрикивает моя мама.

— Я не знаю, где он живет! — я визжу лихорадочно.

— Я знаю! — внезапно трубит Николас.

Я забыла о его присутствии здесь с нами, и когда он весело кричит, я поворачиваюсь и кричу на него.

— Что это еще значит, ты знаешь, где он живет? Ты видел, как я плачу весь день под чертовой елкой и ты не подумал упомянуть об этом до нынешнего момента? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами, доставая из переднего кармана смятый кусок бумаги.

— Он оставил это на кухонном столе для меня. Просил сказать тебе, что ты можешь отправить кольцо обратно, когда захочешь и чтобы убедиться, что ты знаешь, что это не к спеху.

Я вырываю бумагу из его рук и смотрю на адрес, написанный в спешке. Я знаю город, который он написал и до него меньше часа езды.

— Мне нужна твоя машина! Ох, Боже мой, я хреново выгляжу! Я проревела весь день, я выгляжу откровенно хреново! — я кричу как маньяк, вбегая в дом.

Тетя Бобби встречает меня у дверей с двумя бокалами мартини в руках, протягивая один мне.

— Вот, выпей. Только огурцы под глаза и шпаклевка все исправят!

Десять минут и три *очень* крепких мартини спустя, тетя Бобби поворачивает мой стул лицом к зеркалу.

— АААААААААААА! КАКОГО ЧЕРТА? — кричу.

— Слишком? — она невинно спрашивает, выглядывая из-за моего плеча.

— Я выгляжу как проститутка! И совсем не как дорогая проститутка! — я жалуюсь, поворачивая лицо из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть себя.

Толстый слой ярких голубых теней покрывает мои веки от ресниц до бровей, накладные ресницы болтаются на веках как паучьи лапы, готовые атаковать кого-либо и ярко-розовые румяна размазаны по щекам в дополнении ярко-розовой помады и красной подводки для губ.

— Ох, Господи, все плохо. Это очень, очень плохо. Я выгляжу как Тэмми Фэй Беккер после попойки, — жалуюсь я.

— Ладно, значит, голубых теней было немного слишком, — тетя Бобби пожимает плечами, хватая свой бокал мартини с туалетного столика и делая глоток.

— Вау, ты выглядишь как дешевая проститутка, — Николас смеется, стоя в дверях.

— Заткнись! — я кричу, вскакивая со стула, который я принесла в ванную, качнувшись в сторону от водки, которая ударила мне в голову.

— Я не могу так ехать, — рычу. — Я не могу увидеться с ним в таком виде!

— Я не знаю, Сэм не из тех парней, которые любят дешевых проституток? Он может оценить твои старания, и ты исправишь свое плохое поведение, — Николас информирует меня.

Я слышу звон ключей из коридора, и моя мама просовывает голову в ванную.

— Матерь Божья! — она восклицает, видя мое лицо. — Ты берешь почасовую оплату, милая?

Она смеется над своей шуткой, и я смотрю на нее злобно. В конце концов, я думаю, что это злой взгляд. На моем лице веселье и злость.

— Прости, это говорит марихуана, — она извиняется, держа ключи в руках. — Кто хочет поехать к Сэму? Мы можем остановиться прикупить «Читос» по пути!

Николас выхватывает ключи из ее рук.

— Ты определенно не поведешь, торчок.

Он входит в ванную и выталкивает тетю Бобби и меня, хватая пачку салфеток с туалета, и бросает их мне. Мои руки двигаются замедленно, пытаясь поймать их, и они отскакивают несколько раз, прежде чем я ловлю их.

— Ты можешь смыть эту хрень с лица по дороге, — он говорит мне.

— Это папина влажная туалетная бумага, — жалуюсь. — Он вытирает свой зад ими, я не буду вытирать ими лицо.

Николас хватает мою руку и вытаскивает меня из ванной и по коридору.

— На них нет дерьма, Леон. Хватит брюзжать и садись в машину. Давай заберем твоего мужчину.

Глава 16

Сэм

Мой дом — чертова дыра.

Ладно. Не чертова дыра, но он отстойный. Он слишком скучный, слишком тихий и слишком… бла. Я сижу на своем черном кожаном диване, с тех пор, как приехал домой, смотрю на фото, стоящее на камине, чувствую себя тупицей, и этот пустой дом только усугубляет все.

Нужно было купить елку по пути домой, может это помогло бы. Что-то подсказывает мне, что таксист, которого я вызвал забрать меня из дома родителей Ноэл, не очень-то захотел бы останавливаться, чтобы купить елку, когда вез меня домой. Он был слишком взбешен тем, что должен был работать в Рождество, и я его не осуждаю.

Поднося бутылку пива ко рту, я морщусь, когда теплая жидкость касается моего языка, ставлю ее обратно на кофейный столик напротив. Я добиваю эту чертову бутылку с тех пор как пришел. Я не имею понятия, почему по приходу не опустошил шесть ящиков. Может быть, если я напьюсь, я буду чувствовать себя меньшим мудаком.

Почему, черт возьми, я ушел? Почему не остался и не сказал Ноэл о своих чувствах? Я не должен был сбегать домой, как щенок, поджавший хвост.

Я осматриваю гостиную, выкрашенную в коричневый, без каких-либо фотографий на стенах, слушаю полную тишину; раньше это успокаивало. Сейчас это полнейший отстой. Здесь слишком тихо. Я хочу музыку, шум, смех, споры. Я хочу Ноэл, свернувшуюся на диване рядом со мной, улыбающуюся мне.

Я снова смотрю на фото в рамке и трясу головой. Несколько дней я был частью семьи, и теперь все исчезло из-за того, что я глупец. Трусливый глупец. Я чертов военный. Я был на войне, я был подстрелен, я месяцами жил в худших условиях, которые только можно вообразить, и я даже не смог признаться женщине в любви. Три простых слова, которые я не смог сказать, когда это было нужно.

В дверь коротко стучат, и мое сердце начинает биться быстрее в груди. Я оставил свой адрес в записке для Николаса на кухонном столе перед уходом, по глупости, думая, что возможно Ноэл увидит его и приедет сюда. Проходя по гостиной к двери, я понимаю, что это была тупая идея. Она взяла кольцо от тупицы. Кольцо, которое обошлось бы мне в три годовых зарплаты. Почему, черт возьми, она должна выбрать меня, когда она может выбрать его, даже если он придурок?

Снова стучат, в этот раз громче и я подталкиваю себя, крича в закрытую дверь.

— Я иду, иду! Придержи штаны, Йодер. Я одолжу тебе свое порно!

Я смеюсь над своей шуткой про соседа Амиша и раскрываю дверь, не посмотрев в маленькое окно рядом с ней, моя челюсть отвисает от изумления.

— Мне не нужно порно, но могу я одолжить стаканчик сахара?

Ноэл стоит на моем крыльце, все еще в рождественской пижаме с этого утра, дрожит на снегу, который мягко падает вокруг нее. Свет от освещения на крыльце падает на ее красное лицо, которое выглядит так, будто его только что оттирали по каким-то причинам.

— У тебя паук на брови? — глупо спрашиваю я, все еще в шоке от того, что она стоит здесь, напротив меня.

— Вот дерьмо, — ворчит она, потянувшись к глазу, и вслепую нащупывая странный черный кусок не понятно чего, на ее лице и бросает его на землю. — Это была накладная ресница. Не спрашивай.

Она снова трясется, и я матерю себя за то, что заставляю ее стоять на холоде.

— Хочешь войти? — спрашиваю я, открывая дверь шире.

Пригнувшись, она проходит под моей рукой, держащей дверь. Я мягко закрываю ее и поворачиваюсь, спрятав руки в карманах, пока не вытворил нечто глупое и не схватил ее, прижав к себе. Сначала мне нужно узнать, почему она здесь. Может она пришла, чтобы лично отдать кольцо, чтобы не отправлять его почтой. Я не хочу давать себе надежду, до того как не узнаю наверняка.

— Почему ты здесь, Ноэл? — я мягко спрашиваю, наблюдая за тем, как она осматривает мою гостиную.

— Твой дом красивый, — она говорит, не отвечая на мой вопрос. — Ты и правда живешь, черт знает где. Пришлось объехать пять разных дорог, чтобы найти твою.

Она смеется, и я вижу, как она нервничает, прикусывая нижнюю губу и неудобно скрестив руки.

Я держу рот на замке, и жду, пока она продолжит.

— Прости, Сэм, мне так жаль, — она шепчет, делая шаг ко мне.

— За что? — я спрашиваю, сжимая руки в карманах, так сильно желая прикоснуться к ней, обнять ее и поцеловать эту нижнюю губу, которую она непрерывно кусает.

— Мне нужно было сказать тебе правду раньше. Мне жаль, что тебе пришлось участвовать в этом дерьме утром. Мне жаль, что Логан ворвался и испортил все.

Я пожимаю плечами, все еще отказываясь давать себе надежду на то, что она собирается сказать то, что я хочу больше всего.

— Все нормально. Мы знали, что это, в конечном счете, должно было закончиться, правда? Так вы, ребята, снова вместе теперь?

Это грубо и я знаю это, смотря, как она опускает голову и ее глаза наполняются слезами. Мои руки вылетают из карманов, и я сокращаю расстояние между нами, взяв ее лицо в ладони и поднимая ко мне.

— Почему ты плачешь? — спрашиваю.

Она всхлипывает и делает глубокий вздох, медленно выдыхая. Она поднимает руки и покрывает ими мои, держащие ее лицо, наклоняет голову в сторону.

— Я плачу, потому что я все испортила. Я облажалась и ты, наверное, ненавидишь меня, и я тебя не виню, но я люблю тебя, Сэм. Я тебя так сильно люблю и прости меня за то, что произошло утром. Я хотела бы вернуть все, вернуться на несколько дней назад и сказать тебе, что я люблю тебя, но я не могу, потому что я облажалась и прости меня, но…

Я прерываю ее, прижимая свои губы к ее, вздыхая от того, что я, наконец, снова пробую ее. Я отстраняюсь, пока не увлекся и смотрю на нее, улыбаясь.

— Скажи еще раз, — я шепчу.

— Я облажалась, — она говорит с заикающимся смехом, слезы падают с ее глаз на мои руки, все еще держащие ее лицо. — И я люблю тебя. Я так сильно влюблена в тебя, Сэм Стокинг.

Я делаю выдох, который я держал с того момента, как она начала говорить, закрываю глаза и прижимаюсь лбом к ее лбу.

— Я тоже люблю тебя, Ноэл Холидэй. Я думаю, что полюбил тебя с момента, когда впервые увидел тебя. Я тоже облажался. Я должен был сказать тебе раньше, и мы бы избежали все дерьмовое шоу этим утром. Я не должен был уезжать. Прости, что уехал.

Она убирает руки с моих и оборачивает их вокруг моей талии, прижимая меня ближе к себе, пока наши тела не соприкасаются.

— Ты и, правда, не должен был уезжать. Ты прослушал, как я говорила Логану, что у него крошечный член и выбросила это кошмарное кольцо за дверь, — она шутит сквозь слезы. — Потом мой папа вышвырнул его на снег, я свернулась под елкой как кошка и проплакала весь день, моя мама покурила травку и съела четыре пачки «Читос», а тетя Бобби накрасила меня как проститутку-клоуна после взрыва.

— У тебя был очень насыщенный день, — я смеюсь, убирая голову, чтобы посмотреть на ее красивое заплаканное лицо.

— И я получила твой подарок, — она говорит мягко. — Не могу поверить, ты подарил мне волшебство.

Я оборачиваю руки вокруг нее и прижимаю к себе.

— Ты должна была получить немного волшебства в свою жизнь давным-давно.

Она вздыхает, смотрит на меня своими прекрасными зелеными глазами, и я все еще не могу поверить, что это по-настоящему. Мы не играем для ее семьи, не притворяемся, потому что слишком трусливы, чтобы сказать чего мы хотим. Это по-настоящему, все это происходит и она здесь со мной, я никогда не отпущу ее.

— Ты, правда, любишь меня? Несмотря на мою ненормальную семью? — она спрашивает.

— Я люблю тебя *за* твою ненормальную семью. Я люблю тебя, потому что ты делаешь меня счастливым, ты делаешь жизнь веселой, и ты заставляешь меня понять, что мне в моей жизни не хватало собственной семьи, — говорю я. — Я не знал, что хочу этого до тех пор, пока не пришлось уйти и распрощаться с этим. Я люблю каждую частичку тебя, Ноэл. Я хочу тебя в своей жизни навсегда. Мне плевать, если ты никогда не захочешь выходить замуж. Мне плевать, что мы будем жить в грехе всю жизнь, но я никогда больше не отпущу тебя. Останься со мной, Ноэл. Здесь, в Огайо.

Она упирается щекой в мою грудь, и я пробегаю пальцами по ее волосам и вниз по спине.

— Мне не так противен брак, как раньше, — объявляет она мне, ее голос отдается в моей груди. — Находясь с тобой, я хочу того, о чем никогда не думала раньше. Если я останусь здесь с тобой, значит ли это, что я могу помогать тебе терроризировать Амишей? Потому что если ты скажешь «нет», я, возможно, поменяю решение.

Я смеюсь, крепче обнимая ее, мой член двигается в штанах, думая о том, как мы будем по-всякому трахаться рядом с Амишами.

— Только если ты пообещаешь кричать как можно громче и позволишь мне открывать окна каждый раз, когда у нас будет секс.

Она кивает головой.

— Решено.

Когда я начинаю подталкивать ее к дивану, а мысли о Ноэл голой и кричащей мое имя на кожаном диване заполняют мою голову, входная дверь внезапно распахивается.

— Я принесла омелу из травки, чтобы вы поцеловались и помирились под ней!

Поворачивая голову, я вижу маму Ноэл стоящую в дверях держащую веточку травки, повязанную красной лентой, висевшую раньше на арке в их гостиной.

— Поздно, мам, мы уже помирись, — Ноэл говорит ей.

— Но вы все еще не целовались, я смотрел в окно, чтобы убедиться, что Эгг-ног не пролился, — ее папа говорит, толкая Бев, и входя в мой дом, держа в руке его статуэтку с конкурса освещения и прицеливаясь ей в меня.

Николас и Кейси входят следом, неся коробки в руках, за ними следует тетя Бобби, таща огромную рождественскую елку позади.

— Кто-нибудь заберите эту штуковину, я только что сломала ноготь, — она жалуется, бросая елку в дверях. — Сэм, где у тебя дамская комната? Мне нужно освежиться. Бев просыпала чипсы по всем моим брюкам.

Бев вздыхает, уходя с прохода, в то время как Николас ставит коробки, которые нес и затаскивает елку в гостиную.

— Это было случайно, Бобби, ради святого фета. Реджи слишком быстро вошел в последний поворот, и я просыпала упаковку. Хватит быть плаксой.

— Вы, два дьявольских отродья, перестанете спорить и поможете мне уложить этот пакет Эгг-нога в холодильник? — ворчит Реджи, поднимая пластиковый пакет, свисающий с его рук.

Со свирепым взглядом он указывает пакетом на меня.

— Я забью твой холодильник Эгг-ногом. Ты можешь сделать один глоток сегодня и возможно один завтра, но не больше, понял?

Я отдаю ему честь и киваю, все еще обнимая Ноэл рукой, отказываясь отпускать ее.

— Вот так. Ноэл сказала, что ты военный. Вы не едите сырые яйца перед тренировкой, так ведь, сынок? — спрашивает он.

— Эм, нет.

Он кивает.

— Хорошо, хорошо. Пусть так и будет.

— Пап, яйца это не молочная продукция, — Ноэл поправляет его, смеясь.

— ТЫ ОСКВЕРНИЛА МАСТЕРСКУЮ САНТЫ! ТВОЕ МНЕНИЕ НЕ УЧИТЫВАЕТСЯ! — он кричит и направляется прямиком на мою кухню.

Мы с Ноэл молча наблюдаем, как тетя Бобби, Бев, Кейси и Николас приступают к украшению моего дома к Рождеству. Коробки, которые они принесли, наполнены чулками, гирляндами и украшениями на дерево, венком для входной двери, сувенирами для камина и последним, но не менее важным, подвесками для чулков, которые они поставили на мой камин в виде имени Леон.

— Уверен, что любишь меня за мою семью? Потому что я полностью пойму, если ты поменяешь свое мнение, — Ноэл шепчет, когда Николас спрашивает Кейси, смогут ли они назвать сына Иисус, если он родится до полуночи.

Бев начинает кричать на него, тетя Бобби вытаскивает фляжку из кармана и делает глоток. Реджи возвращается в комнату и начинает громко стонать о том, что у меня не достаточно розеток для гирлянд, которые он принес с собой, и что если у меня есть удлинитель для крыльца, он сможет повесить гирлянды и пластиковых святых, которых он оставил в машине.

— Серьезно, я пойму тебя, — Ноэл говорит, вздыхая, в то время как мы наблюдаем, как ее сумасшедшая семья кричит друг на друга посреди моей гостиной.

— Не-а, ни за что. Это идеально. Абсолютно идеально, — я улыбаюсь, в то время как она поворачивается в моих объятиях, поднимается на цыпочки и целует меня.

— Я люблю тебя. Счастливого Рождества, Сэм, — шепчет она.

Я улыбаюсь ей и говорю слова, которые я никогда в жизни не говорил вслух.

— Счастливого Рождества, Ноэл.

****КОНЕЦ 1-Й КНИГИ ПРО СЭМА И НОЭЛ****